

ЗДОРОВЬЯ ДУХ:

как Россия становилась
на крыло, коньки и лыжи

С. 44

ПОРА ОЗДОРОВЛЯТЬСЯ

В ЭТОМ НОМЕРЕ ВЫ НАЙДЕТЕ МАТЕРИАЛ О ТОМ, КАК В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ начал развиваться массовый спорт (см. с. 44). Страна тогда была одной из самых динамично развивающихся в мире, прослойка людей, которые могли бы позволить себе занятия спортом (а дело это было не из дешевых), стремительно росла. Но потом стало уже не до спорта. Хотя молодая Советская власть, едва оправившись от Гражданской войны, стала внедрять в жизнь лозунг «В здоровом теле – здоровый дух».

Достаточно сказать, что первая велогонка по Садовому кольцу в Москве прошла в июне 1920 года. И с тех пор проводится уже 95 лет. А вот после распада Советского Союза многое из того, что было сделано по части развития массовой физкультуры и спорта, было порушено, приватизировано, распродано и развалено. Тогда как развитый мир сейчас переживает настоящий бум активного образа жизни. Благо для этого появилось множество новейших технологических возможностей. Надо и нам уже вставать с дивана. Даже если во дворе нет привычной для советского времени спортивной площадки, до ближайшего стадиона, где можно побегать и поиграть в футбол, ехать с тремя пересадками, а абонемент в бассейн кажется непомерно дорогим. Надо начать хотя бы с зарядки. Да и ГТО теперь возродили. Пока, скорее, в виде эдакой экзотики, но лиха беда – начало.

Правительство, вдохновленное, видимо, успехом Сочинской Олимпиады, приняло специальную программу развития массового спорта на 2016–2020 годы. Скрупулезно подсчитано, что количество занимающихся физической культурой и спортом должно возрасти с 30 до 40 процентов от общего числа населения, то есть на 14,3 миллиона человек. При этом, как указывают чиновники, учитывая существующие пропорции предпочтений населения при выборе способов проведения занятий физкультурой и спортом, 6,3 миллиона человек (44 процента) будут использовать именно самостоятельные формы занятий вне «общедоступных спортивных сооружений». Ну а повышение эффективности использования существующей инфраструктуры с единовременной пропуск-

ной способностью 6 820 601 человек с 60 до 80 процентов позволит обеспечить условия для занятий еще 2,17 миллиона человек. То есть все эти спортивные сооружения не должны простаивать, а должны работать 7 дней в неделю не менее 12 часов в день. Также будет обустроено 352 малобюджетных спортивных объекта шаговой доступности и введено в эксплуатацию 200 футбольных полей с искусственным покрытием. Может, мы на них научимся наконец играть в футбол и без помощи иностранных тренеров. Осталось только самим себе скомандовать: «На зарядку становись!» 📢

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Миссия выполнима
- 09** Народный проект
- 12** Лицо поэзии Донбасса
- 17** Какие вызовы бросает журналистам время?

ИНТЕРВЬЮ

- 20** Идеологический фронт истории

- 24** Война и мир Чарльза Гиббса

- 30** «Привыкнуть к холоду невозможно»

ИСТОРИЯ

- 36** Война от Лукавого

- 44** Лыжебежцы, циклисты и сверхчеловеки

НАСЛЕДИЕ

- 52** А я могу любить

МУЗЕИ

60 Кацкий летописец

ТРАДИЦИИ

68 Стекло-
нная
импровизация

РЕПОРТАЖ

74 Вдоль Гуслицы,
вдоль реченьки

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

84 Римма-берегиня

ПУТЕШЕСТВИЕ

92 «Город
рассвета»

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Вера МЕДВЕДЕВА
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Юлия СЕМЕНОВА
Галина УЛЬЯНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В РАМКАХ ЛАТВИЙСКИХ ДНЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮРМАЛЕ СОСТОЯЛСЯ КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ ЛАТВИИ В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ. УЧАСТИЕ В ДИСКУССИИ ПРИНИМАЛИ ВЕДУЩИЕ ЖУРНАЛИСТЫ РУССКИХ И ЛАТЫШСКИХ ГАЗЕТ, ИСТОРИКИ, ПОЛИТОЛОГИ, ИЗВЕСТНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ. СРАВНИВ СИТУАЦИЮ С РУССКОЙ ПРЕССОЙ ЛАТВИИ В ДОВОЕННОЕ, ВОЕННОЕ И НЫНЕШНЕЕ ВРЕМЯ, СОБРАВШИЕСЯ ПРИЗНАЛИ, ЧТО НАИБОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ И УДАРЫ ОНА ИСПЫТЫВАЕТ В НАШИ ДНИ. ИЗ ПЯТИ ЕЖЕДНЕВНЫХ ГАЗЕТ, ЕЩЕ НЕДАВНО ВЫХОДИВШИХ В ЛАТВИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ОСТАЛАСЬ ВСЕГО ОДНА. СОКРАЩАЕТСЯ КОЛИЧЕСТВО И РУССКИХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ, И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПЕРИОДИКА возникла в Латвии одновременно с образованием первой Латвийской республики. Сегодня в это трудно поверить, но в 20–30-е годы здесь было около 2 тысяч самых разных изданий! Да, некоторые просуществовали недолго и выпускались мизерными тиражами, но были и такие издания, как газета «Сегодня», тираж которой вместе с ее вечерним выпуском доходил до 40 тысяч экземпляров. И это притом, что в довоенной Лат-

вии русские составляли всего лишь 10 процентов от общего населения страны. Газету выписывали за рубежом, ее читали латыши и представители других национальностей, проживающие в Латвии. О престиже и популярности латвийской русской газеты в определенной степени свидетельствует и обращение премьер-министра страны, который со страниц издания называет газету «Сегодня» успешным экспортным товаром, благодаря которому о Латвии узнают в Эстонии, Литве, во Франции и даже в Китае. По словам

руководителя общества «Гуманитарный семинар», историка и инициатора дискуссии Сергея Мазура, в 20–30-е годы облик Латвии за рубежом большей частью узнавали из русских газет, которые были в те годы важнейшим компонентом латвийской культуры.

Помимо газеты «Сегодня» в Латвии на русском языке выходили такие издания, как «Рижский курьер», «Слово», «Понедельник», а также различные региональные вестники и партийные издания. С наступлением диктатуры, установленной Карлисом Улманисом в мае 1934 года, количество русских изданий сократилось. Но газета «Сегодня» выходила вплоть до прихода в Латвию советских войск в 1940 году. Поскольку издание имело ярко выраженную антисоветскую направленность, оно, конечно, было закрыто...

Сергей Мазур обратился к участникам дискуссии с вопросами: не теряет ли сегодня русская пресса Латвии свои позиции в обществе по сравнению с 20–30-ми годами и является ли кризисной ситуация с современной русскоязычной прессой Латвии? Мнения выступающих практически совпали: всесторонний кризис негативно отразился на современной журналистике. По признанию известного латышского публициста Виктора Авотиньша, который пишет как на родном языке, так и на русском, сегодня пресса по большей части не столько отражает важные стороны жизни, что было характерно для печати прошлых годов, сколько обслуживает интересы партий или корпораций. «А это – отход от принципов независимой журналистики, – считает журналист. – В латышской прессе мне упорно отказывают в публикации интервью с лидерами русских партий, с правозащитниками, представителями движения неграждан, в то время как в русских СМИ довольно часто появляются статьи, отражающие позиции латышских радикалов. У нас нет политического желания работать с новым пространством, это плохо. Я считаю, что мнения лидеров русских движений должны быть представлены и в латышском информационном пространстве. У нас же в основ-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ном транслируются мнения правящих партий. Это говорит о том, что мы, журналисты, по сути, перестали быть «сторожевыми псами» общества, поэтому и тиражи падают». Латышского коллегу поддержали и русские журналисты, но основную причину кризиса прессы они все же видят в ее коммерциализации. В отличие от национальных русскоязычные СМИ не имеют господдержки в виде рекламных пакетов и прочих бонусов, наоборот, их нередко еще и штрафуют за одностороннюю подачу информации, в чем периодически обвиняют, например, русскоязычный Первый Балтийский телеканал.

В эпоху демократии русская пресса Латвии день ото дня теряет свои позиции, и сегодня большинство оставшихся газет и журналов находится на грани выживания. Интересно, что в период немецкой оккупации в 1941–1945 годах на территории Латвии также выходили периодические издания на русском языке, хотя об этом не принято вспоминать. Латвийский историк Борис Равдин рассказал, что во время войны в Прибалтике и в соседних Ленинградской и Псковской областях выходило около 40 изданий на русском языке. Половина из них издавалась в Риге, так как здесь располагались центр пропаганды группы армий «Норд» и управление Остландом, то есть Латвией, Литвой, Эстонией и частью Белоруссии. В годы оккупации на русском языке в Латвии издавались журналы и газеты «За родину», «Правда», «Слово», «Новый путь»,

«Антикоммунист», «Русский вестник», «Православный христианин» и др. Внешне многие из них имели точно такое же оформление – шапку, шрифты, заголовки, – как советские издания. Это был такой, как сейчас бы сказали, хитрый маркетинговый ход, чтобы вызвать доверие к газете у русских читателей. Издавали их отдел пропаганды группы армий «Норд» и отдел рейхскомиссариата «Остланд». «Журналисты, пишущие в этих изданиях, попадали сюда разными путями, – рассказал Борис Равдин. – Кто-то пришел добровольно в поисках работы, кого-то направили через биржу труда, а кого-то просто призвали на службу, так как была нужда в квалифицированных кадрах. По существующему положению, возглавлять периодические издания имели право немцы или лица титульной нации. Но начальников для русской печати среди немцев оказалось недостаточно, а латышам такое ответственное дело немцы не доверяли.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Журналист Виктор Авотиньш в латышской прессе сегодня не может опубликовать интервью с лидерами русских общественных организаций. Ему и другим авторам в этом упорно отказывают...

Поэтому ставили латгальцев или полукровок, у кого один из родителей был немцем. Была ли возможность у журналистов маневрировать? Была. Почти никого насильно не заставляли писать гнусности и гадости. Если есть такое желание – пиши! Была такая журналистка и поэтесса Вера Г., так вот то, что она писала, было чудовищно! Например, про блокадный Ленинград, где, по ее утверждению, «свирепствует террор; если на улице соберется три человека, им предлагают немедленно разойтись. Ослушающихся расстреливают на месте». Или поэт Алексей С., он часто публиковал в газете свои стихи и лирическую прозу. Его же никто за глотку не хватал? Но он, видимо, в порыве чувств или по иной причине пишет пафосную и подобострастную оду Гитлеру...».

По словам Равдина, немецкая идеологическая машина прекрасно понимала важность газеты для «просвещения» местного населения. Издания на русском языке неплохо финансировались. Журналисты получали гонорары, иногда выдавались дополнительные пайки – молоко, табак, спиртные напитки. И в русских, и в латышских газетах периода немецкой оккупации появлялись публикации антисемитского толка. Довольно часто это были перепечатки из немецких газет или специально подготовленные пропагандистские материалы. Борис Равдин сослался на устные воспоминания сына одного из бывших редакторов русской газеты «Сегодня». Тот утверждал, что существовала процентная норма по антисемитизму, в каждом номере должен был быть представлен соответствующий материал. Тиражи газет на русском языке в те годы доходили до 40 тысяч и более экземпляров.

Газеты на русском языке издавались в Прибалтике до конца войны. Последний номер немецкой оккупационной газеты «За Родину», например, вышел в Курляндии 8 мая 1945 года. После войны большая часть авторского коллектива покинула советские территории и эмигрировала на Запад. Кто-то остался, кто-то из бежавших позднее вернулся на родину, кого-то выловили уже в Германии

О русских изданиях на территории Балтии во время немецкой оккупации рассказал историк культуры Борис Равдин

или Австрии. Арестованных журна-
листов осуждали по 58-й статье на
восемь-десять лет...

На вопрос ведущего дискуссии,
могут ли нынешние журналисты
чему-то научиться у журналистики
тоталитарных режимов, историк от-
ветил: «Конечно! Надо помнить, что
даже в школе подлецов не нужно
стремиться быть первыми ученика-
ми. Выбор есть почти всегда».

От эпохи тоталитарной участники
круглого стола перешли к време-
нам демократическим. В период их
расцвета – в начале 1990-х – рус-
ская журналистика Латвии заня-
ла небывало высокие позиции, но
спустя два десятка лет всесторон-
ний кризис основательно ухудшил
ее положение в обществе. Сегод-
ня в Латвии осталась единственная
русская ежедневная обществен-
но-политическая газета – «Вести
Сегодня». В Литве и Эстонии еже-
дневных русских изданий вообще
не осталось. В непростых услови-
ях русскоязычная пресса подвер-
гается постоянным нападкам со
стороны латышских политиков, ко-
торые периодически обвиняют ее
в нелояльном отношении к Лат-
вии. Вот и недавно опубликованная
монография Анды Рожукалне поч-
ти полностью посвящена антигосу-
дарственной позиции русскоязыч-
ной прессы. Но при этом никаких
выкладок или примеров автор не
удосужилась привести. По ее мне-
нию, в русской журналистике до-
минируют эмоции и субъективизм,
отражаются в основном социаль-
ные проблемы. Автор монографии
утверждает, что в русской прес-
се более распространена продаж-
ная журналистика, так как она рас-
сказывает только о тех событиях, за
которые им заплатили, а населе-
нию навязывают образ русских как
жертв угнетения с подачи россий-
ских политических кругов. В моно-
графии утверждается, что у русских
больше изданий, которые обслужи-
вают только потребительские инте-
ресы, в то время как для латышей
не менее важны темы культуры. Та-
кая вот нелицеприятная оценка ны-
нешнего состояния русской прессы,
а значит, и русского общества Лат-
вии. Но справедливая ли?

Профессор Рижского университе-
та, доктор наук в области инфор-

Согласно
результатам
опроса,
приведенным
профессором
Рижского
университета
Сергеем
Круком, доверие
к журналистам
в Латвии пока
выше, чем
к властям. Радио
и телевидению
тут доверяют
60 процентов
жителей, прессе
и Интернету –
46 процентов,
а Сейму
и правительству –
17 и 21 процент
соответственно

Независимый
журналист Юлия
Александрова
подчеркнула
особо сложное
положение
ежедневных
русских газет
Латвии.
А между тем
они выполняли
важную миссию,
разъясняя
читателям на их
родном языке
актуальные
проблемы
повседневности

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мационных и коммуникационных
наук Сергей Крук, который долгие
годы занимается исследованием
латвийских СМИ, подверг крити-
ке работу коллеги. «В монографии
слишком много эмоциональных и
предвзятых выводов и нет эмпи-
рических данных, которые бы их
подтверждали. Наши социологи-
ческие опросы показывают, что
русская пресса более адекватно
отражает общественное мнение, –
сказал признанный медиаэк-
сперт. – Года три назад проводи-
лось научное социологическое
исследование, в ходе которого
задавался вопрос: «Либерал ли
вы?» – на что большинство латы-
шей уверенно отвечали: да, либе-
рал и демократ. А на вопрос, хоте-
ли бы вы, чтобы ваша дочь вышла
замуж за темнокожего, ответы по
большей части были отрицатель-
ные. Как показало это исследова-
ние, отличие латышей и русских –
а следовательно, и русской прессы
от латышской – в самооценке. У ла-
тышей она выше, они считают себя

либералами, демократами, рыноч-
никами, а на самом деле готовность
к действиям у них такая же, как и у
русских сограждан, которых они на-
зывают консерваторами, жертва-
ми советского сознания». Еще рез-
че высказался Виктор Авотиньш:
«Я начал читать эту монографию,
но очень быстро забросил – по при-
чине тупости, своей или автора. Бу-
дучи технократом по образованию,
я обучался системному анализу. А в
этой работе я не увидел ни систе-
мы, ни анализа. Эта монография
репродуцирует мнение правящих
властей, больше ничего я в ней не
нашел. Про самомнение латышей
я бы высказался более жестко, чем
это сделал коллега Крук. С само-
мнением латышам надо бороться,
оно держится лишь на том, что мы
находимся у власти, а русские – ок-
купанты. Это дурной привкус наше-
го самомнения, а оно должно быть
здоровым и этическим».

Редактор русского еженедель-
ника «Суббота» Наталья Севидо-
ва тоже была удивлена выводами
латышской исследовательницы.
«В популярной латышской газете
«Латвияс авизе» регулярно публи-
куются заметки и письма обывате-
лей с оскорблениями в адрес нац-
меньшинств. Ничего подобного по
отношению к латышам невозможно
найти ни в одной русской га-
зете. Это не газета, которую надо
приводить в пример как образец
демократии, а национальный иде-
ологический орган, направленный
на разжигание и подогрев наци-

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

оналистических настроений в обществе», – считает журналист с 30-летним стажем работы. Ее коллега Юлия Александрова, независимая журналистка, много лет работавшая в ежедневной русской газете «Вести Сегодня», поразила некомпетентности автора монографии, которая судит о русской прессе, ничего не понимая ни в русской культуре, ни в русской публицистике. «Нас упрекают в субъективизме, но личностный подход, как и чувство юмора, сатирический тон – это традиция русской литературы и прессы в отличие от западной и латышской, – уверена журналистка. – Хочу привести слова, которые я часто слышала от латышских предпринимателей или чиновников, у которых мне приходилось брать интервью. Они удивлялись: «Как вы, русские, так эмоционально пишете? Столько юмора, игра слов, необычные обороты, сравнения – у нас этого практически нет...» Для русской литературы всегда была характерна тема «маленького человека», интерес к его проблемам и переживаниям. А для латышского критика это – всего лишь обслуживание обывательских интересов. Действительно, в русскоязычных изданиях Латвии много внимания уделяется бытовым и социальным вопросам, публикуется немало статей, разъясняющих трудовое законодательство, пенсионные реформы, социальные гарантии. И этому тоже есть объяснение. «Маленький человек» в Латвии не может получить понятную информацию на родном русском языке ни в одной инстанции, где запрещено говорить не на государственном языке или издавать информационные материалы, разъясняющие жизненно важные вопросы на русском языке. Эту миссию сейчас в Латвии взяла на себя русская пресса. И упрекать ее в этом некомпетентно и не очень порядочно».

Ведущий круглого стола Сергей Мазур в завершение дискуссии пожелал журналистам и впредь нести русское слово в массы. Сегодня, наверное, это действительно главная миссия русской журналистики за рубежом. И от того, какой будет наша русская пресса, зависит и будущее русской культуры в Латвии. 📌

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В Днях русской культуры в Латвии принимали участие десятки творческих коллективов, как профессиональных, так и самодеятельных

НАРОДНЫЙ ПРОЕКТ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЭТОМ ГОДУ ПОПУЛЯРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ «ДНИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛАТВИИ» ИСПОЛНИЛОСЬ ДЕВЯНОСТО ЛЕТ. И ЭТО НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ ЮБИЛЕЙ ГРАНДИОЗНОГО ПРОЕКТА. В НЫНЕШНЕМ ГОДУ ОРГАНИЗАТОРЫ ПРАЗДНИКА ОТМЕТИЛИ ЕЩЕ И ПЕРВОЕ ПЯТИЛЕТИЕ С МОМЕНТА ВОЗРОЖДЕНИЯ ДНЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. И ЕСЛИ В 2011 ГОДУ В ПРОГРАММЕ ЗНАЧИЛОСЬ 70 МЕРОПРИЯТИЙ, ПРОХОДИВШИХ В РИГЕ, ТО В 2015-М ИХ УЖЕ БЫЛО ОКОЛО 200. К РИГЕ ПОДКЛЮЧИЛИСЬ ДАУТАВПИЛС, ВЕНТСПИЛС, РЕЗЕКНЕ, ЮРМАЛА, ОЛАЙНЕ... В ФЕСТИВАЛЕ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ГОСТИ ИЗ РОССИИ, ЭСТОНИИ, АМЕРИКИ, ЯПОНИИ, АВСТРИИ, ГЕРМАНИИ, ИЗРАИЛЯ.

В ПРОВЕДЕНИИ ФЕСТИВАЛЯ рижанам помогали россияне, и в первую очередь руководитель Государственного оркестра русских народных инструментов «Метелица», заслуженный артист России Игорь Тонин, уже не в первый раз участвующий в Днях русской культуры в Латвии. «Каждый наш приезд – всегда праздник, так как мы можем поделиться частью своей культуры и обогатиться культурой наших соседей, – считает Игорь Тонин. – Национальная культура любого народа – это часть большой мировой культуры. Мы должны быть интересны друг другу, слышать и понимать друг друга». На концерте

по случаю открытия Дней русской культуры вместе с российской «Метелицей» выступали исполнители русских народных песен из России, Латвии и... Японии. Одета в нарядное кимоно оперная певица Каёко Аmano покорила сердца рижских зрителей. Но одну, грустную и мелодичную песню Каёко исполнила на родном языке.

Как это случилось, почему японская оперная певица – меццо-сопрано – вдруг запела русские народные песни и романсы? «Первый раз я приехала в Москву вместе с мужем-дипломатом в 1989 году, – рассказывает Каёко Аmano. – По-русски не знала ни слова. И вдруг слышу, по радио поют очень красивую песню.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Слышу звон бубенцов издадека...» – в исполнении японской оперной певицы Каёко Аmano

Я бросилась к приемнику и включила его на полную громкость. «Что это? – спросила я свою подругу. – Наверное, французский шансон?» Нет, это был какой-то старинный русский романс. Мне он очень понравился... Петь я начала в 15 лет, а до этого училась игре на фортепиано, потом на аккордеоне и даже на контрабасе! Повзрослев, начала серьезно заниматься вокалом, потом работала по контракту как певица меццо-сопрано. В Москве моим первым педагогом была Надежда Матвеевна Малышева, у нее в свое время учились Ирина Архипова, Любовь Казарновская. Но, увы, занимались мы недолго, ей в то время уже было 90 лет, и она вскоре умерла. А я очень хотела петь русские романсы. Брала уроки вокала у других педагогов. Но, конечно, пришлось учить русский язык. Сначала я носила с собой разговорник и объяснялась на пальцах. Каждый день выписывала из словаря десять слов и зубрила. Еще запоминала все, что слышала, переспрашивала, повторяла. Конечно, помог музыкальный слух, но вот с грамматикой было сложнее. Зато слова любви очень быстро запомнились, благодаря поэзии Пушкина – они звучали для меня как песня. А через песню можно освоить любой язык, даже такая методика есть! Сначала я была солисткой московской филармонии. В 1990 году мне предложили бесплатную ста-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Выставка в рижском Доме Москвы была посвящена 90-летию Дней русской культуры в Латвии

жировку по классу вокала в Московской консерватории. Я сказала мужу, что очень хочу учиться! А он к тому времени уже закончил работу в Москве, и мы вместе с ним и дочкой должны были возвращаться домой. Муж меня поддержал: учись, если хочешь! После учебы в консерватории я по контракту с московской филармонией в течение года выступала с концертами по России. У меня появилось много друзей среди моих русских коллег. Потом я вернулась в Японию, но и здесь продолжала петь русские песни. Вы даже не представляете, как хорошо в Японии принимают русские песни! Больше всего японцам нравятся «Очи черные» – ну понятно почему! – и «Русское поле». В Токио при

российском посольстве мы проводим праздники русской музыки с участием наших музыкантов. У нас есть три ансамбля русских народных инструментов, в репертуаре национальных хоровых коллективов тоже немало русских песен».

Руководитель «Метелицы» Игорь Тонин, как член жюри, высоко оценил уровень латвийских самостоятельных коллективов, которые принимали участие в фестивале русской песни и музыки «Рижский пряник» в рамках Дней русской культуры. Лучшие творческие коллективы были отмечены специальными дипломами фестиваля. Помимо обширной концертной программы в этом году оргкомитет фестиваля серьезное внимание уделил мастер-классам. Вот только некоторые из них: изготовление украшений и аксессуаров в русском стиле от дизайнеров студии моды, русское народное гулянье (провела российская фольклор-группа «Колесо»), русская обрядовая кукла, роспись по шелку и т.д. Во всех крупных городах прошли выставки художественного творчества и прикладного искусства, состоялись литературные поэтические вечера, презентации книг, лекции по искусству, педагогике, архитектуре, русскому языку и традициям, была подготовлена обширная экскурсионная программа с акцентом на «русский след» в жизни Латвии. «Девиз русских дней – «Культура –

Председатель оргкомитета праздника Ирина Коняева (слева) рассказала о проекте латышской прессе

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

почитание света, знание и жизнь». Мы стремимся к тому, чтобы русские Латвии ориентировались на высокое, – объясняет сопредседатель оргкомитета Ирина Коняева. – Мы хотели поддержать творческие организации и сделать творчество престижным в обществе. У нас работает масса детских и молодежных коллективов, выступления которых тоже включены в программу. Это танцевальные и балетные студии, оркестры, солисты, певцы, чтецы. Именно эта достойная творческая молодежь и должна определять наше будущее».

В 20–30-е годы XX века фестиваль русской культуры был обще-европейским явлением. В 1924 году в Эстонии с огромным успехом прошли Дни русского просвещения, через год по инициативе русской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции после революции, праздники русской культуры состоялись в Праге, Париже, Варшаве, Риге... Вплоть до начала войны в 17 городах Европы в том или ином формате отмечали Дни русской культуры. Но особо благодатную почву проект обрел в Латвии, где проживала старообрядческая община. Помимо старообрядцев в оргкомитет по проведению первых Дней русской культуры в те годы входили: Союз русских учителей, Русское театральное общество, Комитет по делам русских эмигрантов, студенческие корпорации, Общество русских врачей, Русское библиотечное общество и множество других общественных организаций. В программе были музыкальные мероприятия, лекции по искусству, медицине, философии, концерты, выступления хоров, гастрольные известия русских певцов, спектакли по произведениям Пушкина и Гоголя, встречи с именитыми писателями и т.д. С каждым годом количество мероприятий и участников росло, к примеру в 1925–1926 годах проводились грандиозные слеты русских хоров стран Балтии. Выходили книги и сборники, рассказывающие о жизни и истории русской общины Латвии.

По мнению сопредседателя оргкомитета Ирины Маркиной, в те годы Дни русской культуры носили просветительский характер, поэтому

Гости фестиваля – искрометная фольк-группа «Колесо» из Санкт-Петербурга

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

особо много было общеобразовательных лекций с участием именитых академиков, ученых, философов, писателей. Важным аспектом организаторы фестиваля считали сохранение русской идентичности в условиях эмиграции. «Надо понимать, что тогда не было ни гастролей из России, я уж не говорю о телевидении и Интернете. Поэтому общение напрямую с носителями русской культуры было очень востребованным, – говорит Ирина Маркина. – Один из первых просветителей Латвии, кто начал серьезно заниматься русским народным творчеством, был старообрядческий лидер Иван Заволоко. Он горячо поддержал Дни русской культуры как возможность расска-

зать о русских народных традициях, о живописи, иконографии, литературе. Именно этот элемент сохранения идентичности и возвышения статуса русской культуры девяносто лет назад был самым главным. Сейчас дело в другом. Появилась потребность выразить себя в культуре, и это очень хорошо. Если люди не будут заниматься творчеством, не будут общаться с творцами, то это все угаснет. Поэтому, в отличие от прошлых лет, мы стремимся дать людям возможность выразить себя в творчестве. И когда я слышу упреки в провинциальности или, как в комментариях едко написал один латышский журналист, «а где же ваши Пушкины и Гоголи?», я говорю: не надо всех сравнивать с мировыми вершинами. Эверестов в мире не так уж много, но и остальные горы ощущают себя горами».

В этом году участие в Днях русской культуры в Латвии при поддержке российского посольства, а также мэрии Санкт-Петербурга, администраций Ленинградской и Псковской областей принимали десятки тысяч человек. Как отметил посол РФ в Латвии Александр Вешняков, этот поистине народный проект направлен на гармонизацию латвийского общества, его сплочение и обогащение русской культурой, установление подлинно дружеских отношений между всеми национальностями, живущими в Латвии.

Посол РФ А.А. Вешняков – горячий поклонник главного праздника русской культуры в Латвии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СНАЧАЛА, КАК ОБЫЧНО, ПОЯВИЛАСЬ ИДЕЯ. КАК ОБЫЧНО, СНАЧАЛА ВОСПРИНЯТА ОНА БЫЛА СКЕПТИЧЕСКИ. ДА И СРОКИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА КАЗАЛИСЬ СОВЕРШЕННО ФАНТАСТИЧЕСКИМИ. И ПРАВДА, СОМНЕВАЛИСЬ ПОЧТИ ВСЕ ЗАДЕЙСТВОВАННЫЕ В РАБОТЕ НАД ПРОЕКТОМ СОТРУДНИКИ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»: НУ РАЗВЕ МОЖНО ЗА МЕСЯЦ ИЗДАТЬ СБОРНИК СТИХОВ ДОНБАССКИХ ПОЭТОВ?

СВЯЗАТЬСЯ С ПОМОЩЬЮ Интернета с незнакомыми людьми в Донбассе, найти номера их телефонов, объяснить, уговорить, собрать их стихи, отобрать из них несколько десятков, сверстать и вычитать книгу, придумать название и дизайн сборника... И еще минимум две недели отвести на типографию! Но все сомнения были отброшены, когда те, кто взялся за этот проект, начали читать стихи донбасских поэтов, у каждого из которых – своя история, своя драматическая судьба. Члены редакционного совета совершенно сознательно принимали к рассмотрению стихи не только профессиональных литераторов, но и обычных людей, взявшихся за

перо уже после того, как им пришлось столкнуться с суровой правдой военных будней, бомбежками, голодом, потерей родных и близких. Стало ясно: это и есть настоящий голос Донбасса, который должны услышать все. И не только в России. «Не секрет, что западные средства массовой информации сумели создать Донбассу негативную репутацию, зачастую скрывая цели его борьбы и масштабы трагедии, – говорит инициатор проекта, советник председателя правления фонда «Русский мир» Татьяна Сухова. – Мы надеемся, что, вчитавшись в строки донбасских поэтов, люди смогут увидеть истинный Донбасс, почувствуют его боль и поймут подлинные причины сопро-

Владислав Русанов и Анна Ревякина на встрече с сотрудниками фонда «Русский мир»

тивления. Как написала одна из авторов сборника, поэтесса Екатерина Ромащук: «Мой город стоит на крови // За то, что не стал на колени». Так что сборник «Час мужества» – это действительно голос Донбасса. Есть лишь два условных исключения. Первое – Ирина Быковская (Вязовая), которую сегодня можно смело называть подлинной народной поэтессой Донбасса. Нам рассказывали, что, укрываясь в подвалах от обстрелов, люди переписывали и читали ее стихи, порой даже не зная имени автора. Как удалось выяснить, Ирина живет в Днепропетровске, но постоянно приезжает волонтером в Донбасс – привозит лекарства, помогает беженцам. Второе исключение – Юрий Юрченко, который,

Юрий Юрченко принял участие во всех презентациях сборника «Час мужества», несмотря на то, что все еще проходит курс лечения

приехав в Донецк из Франции военкомом, попал в плен к бойцам батальона «Донбасс», перенес пытки и истязания. Усилиями друзей был спасен и сейчас находится в Москве».

И вот наконец книга «Час мужества» готова. Позади горы переписки по электронной почте и бесчисленные часы телефонных разговоров, впереди – презентации сборника, приуроченные ко Дню русского языка. И самое главное – встреча с несколькими авторами, которые согласились приехать в Москву. Все с нетерпением ожидали появления в столице Владимира Скобцова, Анны Ревякиной, Светланы Максимовой, Елены Заславской, Марины Бережневой. А также поэта, встречи с которым особенно ждали. Это – заместитель председателя правления Союза писателей ДНР Владислав Русанов. Тот человек, без терпения и колоссальной работы которого сборник «Час мужества» никогда бы не увидел свет.

Презентация сборника «Час мужества» в пресс-центре ИА «Россия сегодня»

Председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов представляет сборник «Час мужества»

«ЯЗЫК ОТВЕЧАЕТ НА БРОШЕННЫЙ ЕМУ ВЫЗОВ»

Первая презентация сборника состоялась 4 июня в пресс-центре ИА «Россия сегодня» на пресс-конференции председателя комитета Государственной думы по образованию, председателя правления фонда «Русский мир» Вячеслава Никонова. В презентации участвовали и авторы стихов, вошедших в сборник «Час мужества», – Владислав Русанов, Марина Бережнева, Анна Ревякина.

«Эта книга о том, как за последние двадцать лет на Украине выросла целая порода людей, говорящих на русском языке, которые убивают людей, говорящих на русском языке, только за то, что они говорят на русском языке, – сказал, открывая встречу, Вячеслав Никонов. – А «Час мужества» – квинтэссенция того, что может язык, который объединяет, язык, который отвечает на брошенный ему вызов».

Рассуждая о международной роли русского языка, Вячеслав Никонов рассказал, как в сложных внешнеполитических условиях фонду «Русский мир» удастся осуществлять свою миссию по продвижению русского языка за рубежом России.

Не только глава фонда «Русский мир», но и все участники презентации книги «Час мужества» говорили о том, как русский язык может объединять одних и бороться с другими, теми, кого такое объединение не устраивает. За что его и пытаются

ся наказать законодательными запретами, отняв у людей право говорить по-русски и учить русский язык.

«Идея издать поэтический сборник «Час мужества» была выстраданной, – подчеркнул заместитель председателя правления Союза писателей ДНР Владислав Русанов. – Разрозненно стихи сборника давно гуляют по Интернету, а собрать их воедино у нас не было финансовых сил. Фонд «Русский мир» не просто изыскал такую возможность: он сделал книгу бесплатной и дарит ее всем желающим. Я в этом жесте вижу символизм и надежду, в сборнике ведь есть стихи поэтов, живущих на Украине за пределами Донбасса. Например, Ирина Быковская. Когда мы просили у нее разрешения на включение стихов в сборник, думали, что побоится, а она обрадовалась. И это человек, у которого и без сборника десятки тысяч перепостов в социальных сетях. Значит, мы находим правильную дорогу к людям».

Владислав Русанов, составитель и один из авторов сборника, подчеркнул, что в него вошли стихи поэтов не только из Донецка и Луганска, но и из маленьких городов, в том числе с территорий, которые сейчас заняты украинской армией. «Мы хотели показать лицо поэзии Донбасса, – сказал Владислав Русанов. – Стихи, вошедшие в сборник, демонстрируют не провинциальный уровень словесности».

ПОСМОТРЕТЬ В ГЛАЗА АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ

6 июня, в День русского языка, который одновременно является и днем рождения Александра Сергеевича Пушкина, группа поэтов Донбасса пришла в столичный Государственный музей А.С. Пушкина. Директор музея Евгений Богатырев встречал гостей как родных.

«Это очень важно, что сборник стихов донбасских поэтов успели издать именно к 6 июня, – считает поэт, драматург, актриса, доцент кафедры международной экономики Донецкого национального университета Анна Ревякина. – Это своеобразный жест генетической памяти: 216 лет назад родился человек, на языке которого мы говорим и язык которого объединяет и формирует наши взгляды на мир». Так День русского языка для поэтов Донбасса начался в весьма символическом и знаковом месте.

«Добро пожаловать в «Дом Пушкина», – вышел навстречу гостям директор Государственного музея А.С. Пушкина Евгений Богатырев. – У нас давние дружеские отношения с фондом «Русский мир». Теперь благодаря фонду наших друзей в вашем лице прибыло. Вы – у себя дома».

Литераторы не растерялись. «Это надо отметить!» – оживилась Анна Ревякина. Она уверенно направилась к бронзовому бюсту великого

поэта, стоящему в огромном холле музея. Поэтесса попросила сфотографировать ее на мобильный телефон, а сама отвернулась от камеры и коснулась бронзового пальца Пушкина. «Щелкайте!» – попросила она. А потом бойко объяснила коллегам, почему не захотела смотреть в объектив. «Зачем? – удивлялась она. – Когда я еще в глаза Пушкина посмотрю?»

Под впечатлением от непосредственности Анны Ревякиной ее коллега, поэт из Донецка Владимир Скобцов, достал свое удостоверение члена Союза писателей ДНР и тоже поднес его к бронзовому пальцу Пушкина. «С Александром Сергеевичем снимете? – попросил Скобцов товарищей. И встал в позу прилежного ученика. – Все же сам Пушкин мне удостоверение выписывает!»

Анна Ревякина, Владислав Русанов, Владимир Скобцов, Елена Заславская и Светлана Максимова с сотрудниками фонда «Русский мир» в Музее А.С. Пушкина

Раздавать автографы донбасским поэтам приходилось постоянно. Елена Заславская подписывает сборник «Час мужества»

ВЫЗОВ РАЗЛОМУ РУССКОГО МИРА

И вот так – открыто, с шутками, с обстоятельностью читателей и доброжелательностью соседей – поэтов Донбасса и их «Час мужества» встречали везде: в Союзе писателей России, на радио и телевидении, в Театре имени Владимира Маяковского и в Государственной думе.

Открывая встречу 5 июня в Государственной думе, глава комитета Госдумы по образованию, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов сразу сказал, что «книга о нас всех». Он подчеркнул, что «в Донбассе произошел разлом Русского мира, и сейчас здесь настал час испытаний». Эту братоубийственную войну, по словам Вячеслава Никонова, спровоцировали внешние силы, и счет жертв идет уже на десятки тысяч.

«За 2013–2014 годы изучение русского языка в Донбассе свелось к минимуму, – рассказывает один из авторов сборника «Час мужества», Марина Бережнева. – Вся документация – в банках, в официальных учреждениях, на вокзалах – все было только на украинском языке. Доходило до нелепостей: в школах Пушкина и Лермонтова переводили и изучали на украинском, чтобы не было русской речи даже там, где она изначально. Конечно, внутреннее сопротивление такому искоренению русского языка было мощным и нашло отражение в майском референдуме 2014 года, когда народ проголосовал за провозглашение ДНР. Что напомнило Украине: Донбасс – это 100 национальностей, которых объединяет русский язык».

Марина Бережнева считает, что референдум заставил поверить в себя и дал толчок уже иному сопротивлению – с оружием в руках отстаивать право говорить на языке своей культуры. Вскоре русский язык вернулся не только в школы и вузы, в социальных сетях люди стали двуязычными – переписываются на русском и украинском языках, что давно стало нормой, которую Киев пытался нарушить.

«На долю русского языка и Русского мира выпадало немало испытаний, – согласился с Мариной Бережневой Вячеслав Никонов. – У нас не раз

Презентация
сборника
«Час мужества»
в Государствен-
ной думе РФ

наставал «Час мужества». Так свое стихотворение назвала Анна Ахматова. Стихотворение, написанное в 1942 году в Ташкенте. Тогда действительно была схватка не только за нашу страну, не только за свободу человечества, это была и схватка за русский язык. Неслучайно Ахматова написала: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово, свободным и чистым тебя пронесем, и внукам дадим, и от плена спасем навеки». В прошлом году «Час мужества» настал для той части Русского мира, которая называется по-разному – Донбасс, Донецкая народная республика, Луганская народная республика, Новороссия. Как бы то ни было, это та часть Русского мира, по которой прошел разлом. Как говорили многие из выступавших в Госдуме, книга «Час муже-

ства» – духовный вызов этому самому разлому, вклад в дело борьбы за свободу, за свою самость, за русский язык.

«МОЙ ЯЗЫК КОМУ-ТО СТАНОВИТСЯ ПОПЕРЕК ГОРЛА»

Поэтесса Анна Ревякина убеждена, что историкам, социологам и военным аналитикам еще предстоит кропотливый анализ событий в Донбассе, а поэзия потому и поэзия, что она всегда идет впереди, предвосхищая восприятием и чувствами не только анализ, но и сами события. Так, стихотворение Анны Ревякиной «Родная речь», не вошедшее в сборник «Час мужества», было написано в феврале 2014-го, накануне гражданской войны на Украине, словно предисловие к ней.

Поэтесса
Светлана
Максимова
читает свои
стихи перед
журналистами
и парламентариями

*Мой язык кому-то становится
поперек горла.
Говорить на нем все равно что
терпеть сверла
по металлу в кости подязычной
и рядом с небом.
Мой язык поэтический уродлив
для русофоба.
Моя личная фобия – договаривать
все до точки,
моя личная точка там, где ушная
мочка
переходит в хрящ. В нем нервическая
основа,
перевод синхронный влетевшего
птицей слова.
Отстранившись прилюдно,
перебираю смыслы,
мой язык гениален, выдыхается
углекислым.
Лишний повод расти деревьям,
цветам и травам,
лишний повод закату стать
навсегда кровавым.
Мой язык для кого-то сложен
и неприемлем,
он впитал весь пот, что отдан был
русским землям,
он звучит внутри, как то, что
молчать не может.
Мой язык – пятно несмываемое
на коже.*

Донбасская поэтесса Марина Бережнева хотела лично пообщаться с председателем правления фонда «Русский мир» Вячеславом Никоновым. И это ей удалось

«Эти строки – концентрат нашего мировоззрения, – сказал поэт, член Союза писателей ДНР Владимир Скобцов. – Как только в кровавом винограде 2014–2015 годов на Украине появился нацизм, для Русского мира Донбасс стал концентратом России. Донбасс, как и Россия, многонационален и объединен русской культурой и русским языком. А нам под дулом автомата и бомбежками «предлагают» другую идентичность. Нашла коса на камень. Факт: украинская армия не может силой взять Донецк и Луганск. Наша

сила в том, что не бытие определяет сознание, а сознание формирует наш дух. «Язык есть Бог», – сказал Бродский. Или: «В начале было слово». Вот источник нашей силы. Именно вибрации языка, которые нельзя увидеть и потрогать, формируют наше интеллектуальное, духовное и физическое поведение, наше тело и силу духа, а в итоге – фактор Победы».

ПРАВДА О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ

Когда поэты Донбасса начинали читать свои стихи, не важно где – в музее, на пресс-конференции, на радио или в стенах Госдумы, – всюду их слушали внимательно и сосредоточенно. Владислав Русанов, Анна Ревякина, Светлана Максимо-

ва, Владимир Скобцов, Марина Бережнева, Юрий Юрченко в полном зале читали свои стихи и стихи своих товарищей, которые не смогли приехать в Москву. Ведь в сборник вошли произведения 33 авторов. «В Государственной думе часто звучат стихи, но таких я не помню. Такой уровень эмоционального напряжения здесь я слышал впервые», – прокомментировал выступление поэтов Донбасса заместитель руководителя аппарата Госдумы Юрий Шувалов. Он пообещал сделать все возможное, чтобы поэзию, представленную в сборнике, узнали широко во всей стране, и предложил поэтам совершить поэтический тур по городам России. «Это настоящая правда о том, что происходит. Она лучше любых но-

Встреча донбасских поэтов с коллегами в Союзе писателей России

востей и фронтовых сводок», – сказал Юрий Шувалов.

«На наших глазах возрождается традиция фронтовой поэзии, которой, я думал, уже нет, – считает писатель, главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков. – Это великая традиция, она возродилась, будто и не было никакого перерыва. Поэзия такого нравственного накала и социальной значимости должна присутствовать во всем информационном пространстве. Но, к сожалению, нам четверть века внушали, что поэзия – это всего-навсего милая литературная игра, которой занимаются филологически подготовленные люди, и как бы к жизни нации, к ее историческому будущему это не имеет особого отношения. Это, конечно, абсолютная ложь, но, к сожалению, укоренившаяся в наших, особенно электронных, СМИ. Увы, гражданская поэзия почти ушла из нашего эфира. И даже на канале «Культура», где удалось создать поэтическую передачу «Вслух», стихи, которые там звучат, ничего, кроме оторопи и недоумения, не вызывают. Думаю, чтобы московские встречи с донбасскими поэтами имели реальный выход в мир, стоит обратиться к каналу «Культура», чтобы он в передаче «Вслух» приглашал авторов «Часа мужества».

Впрочем, то, что для многих в Москве звучало откровением или открытием особого нерва донбасской поэзии, для Донбасса – норма. Например, на вопрос: «Что дает силы людям в Донбассе выживать в такой ситуации?» – Владимир Скобцов ответил: «Простые вещи. Раз я случайно услышал, как сосед говорил соседу, что за доли секунды успел увернуться от обстрела улицы. Тот ему ответил: «Скажи спасибо, что живой». Теперь это и моя молитва и благодарность Богу».

«Ментально Донбасс – часть Русского мира, поэтому литературный процесс сродни языку – один язык и один литературный процесс, но у них разные акцентные моменты, – сказала Анна Ревякина. – Донецкая литература резкая, конкретная и очень конструктивная. Донецк традиционно был и остается городом, где есть два векто-

На встрече с сотрудниками фонда «Русский мир» Владимир Скобцов исполнил песни собственного сочинения

ра роста – балет и шахтеры. Балет нашей мировой знаменитостью: Вадимом Писаревым возведен в ранг лица города, а с шахтерским лицом Донецк, можно сказать, родился. У украинского фотохудожника Арсена Савадова есть фотосессия «Донбасс и шоколад». Там шахтеры принимают душ после смены и на них... балетные пачки. Резко, китч, он искажил реальность, но Донбасс – он такой. Может, поэтому для нашей литературы характерны две главные черты – кровь и любовь, простите за рифму. Там, где труд идет рука об руку с угрозой жизни, там, где живут как порхают на пуантах, всегда есть четкое понимание: пуанты не только крылья, но и кандалы. Отсюда градус донецкой поэзии, она прорастает именно через эти глубины».

Однако появятся ли авторы «Часа мужества» на канале «Культура», ясности нет: ведутся переговоры. Пока «Литературная газета» взялась за публикацию не только стихотворений из сборника «Час мужества», но и других стихов, как авторов сборника, так и других донбасских поэтов.

Следующим шагом станет распространение сборника «Час мужества». Книга появится сначала в школах и библиотеках Донецка и Луганска, затем в России, а потом и по всему миру. Сборник пополнит библиотечные фонды всех Русских центров и Кабинетов Русского мира, которые открыты фондом «Русский мир» более чем в ста странах.

Но первый шаг к популяризации и распространению «Часа мужества» уже сделан: сборник может бесплатно скачать любой желающий на портале фонда «Русский мир».

«Это только начало, – утверждает Владислав Русанов, – следующий такой сборник будет издан с участием молодых, от 12 до 20 лет, поэтов и прозаиков Донбасса. У них другое чутье жизни, другое перо, другое мироощущение. Думаю, сборник будет как на русском, так и на украинском языке. Да, дети говорят на разных языках, но они видят Донбасс, как и мы, – без нацизма, без фашизма и говорящим на языке, который объединяет все наши народы, – на русском». ■

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Два дня в Москве шло обсуждение проблем русской журналистики за рубежом

КАКИЕ ВЫЗОВЫ БРОСАЕТ ЖУРНАЛИСТАМ ВРЕМЯ?

АВТОР

ОЛИГА СЕМЕНОВА

В СЕРЕДИНЕ ИЮНЯ СВЫШЕ 500 ЖУРНАЛИСТОВ ИЗ 63 СТРАН СЪЕХАЛИСЬ В МОСКВУ НА XVII ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС РУССКОЙ ПРЕССЫ. ВЫБОР РОССИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЕЖЕГОДНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ФОРУМА ИЗДАТЕЛЕЙ, РЕДАКТОРОВ, СОТРУДНИКОВ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ, ТЕЛЕ- И РАДИОКОМПАНИЙ, ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ И ПРОЧИХ СМИ БЫЛ СИМВОЛИЧЕН.

В ГОД 70-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ Победы нужно встречаться в Москве. Особенно если конгресс не просто повод для встречи старых друзей и не просто место для налаживания новых профессиональных связей, а площадка для серьезных дискуссий, связанных с теми вызовами, которые бросает русскоязычным СМИ время. За год, прошедший с предыдущего конгресса, который состоялся в Шанхае, изменился мир и изменилась медийная среда. И теперь участники и гости форума и в конференц-зале, и в кулуарах больше говорили не столько о проблемах своих изданий, сколько о глобальных вопросах, связанных с отношением к России в современном мире, информационной войной и фальсификацией истории.

«СИСТЕМА СМЫСЛОВЫХ КООРДИНАТ»

Организатор ежегодных конгрессов русскоязычных СМИ – созданная в 1999 году Всемирная ассоциация русской прессы (ВАРП). Это, сообщая ее официальный сайт, «открытая международная неправительственная организация печатных и электронных средств массовой информации, агентств, издательств, редакций, телевизионных и радиопрограмм, а также иных легальных производителей и распространителей всех видов массовой информации на русском языке». Среди членов организации и участников ее конгрессов есть представители разных взглядов и убеждений, приверженцы разных политических течений и геополитических векторов. Их объ-

единяет профессионализм и русский язык. По данным ВАРП, на русском языке выходит 3,5 тысячи средств массовой информации в 80 странах. Выступая перед участниками XVII Всемирного конгресса русской прессы, председатель правительства России Дмитрий Медведев заметил, что, «безусловно, русская зарубежная журналистика представлена людьми, которые очень по-разному оценивают происходящее и в нашей стране, и в мире в целом... Однако какие бы противоречия ни существовали между нами – в России и за ее пределами, – есть, конечно, то, что объединяет нас на глубинном уровне: это наш общий культурный код, образный и сильный русский язык».

Именно эти факторы, подчеркнул российский премьер, «задают нам всем, кто живет в разных странах, единую систему смысловых координат. Эта система выше политических споров, идеологической борьбы».

В плоскости этой системы – общий культурный код, общий язык и любовь к России, пусть даже зачастую сопровождаемая критикой государства и его лидеров. Но это не имеет ничего общего с оголтелой русофобией, которая в последний год разползается по медийному пространству, в том числе русскоязычному, и в первую очередь по Интернету. Как заметил другой гость конгресса, председатель попечительского совета Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой, который создан при ВАРП, спикер Госдумы Сергей Нарышкин, «нужно максимально использовать именно «мягкую силу», чтобы ломать стереотипы холодной войны и русофобские настроения, идущие от незнания реалий». «Зачастую талантливая книга, музыка, живопись лучше и правдивее расскажут о нас, о нашей стране, чем тысячи речей дипломатов и политиков», – уверен он.

Еще один рецепт назвал руководитель администрации президента России Сергей Иванов. Противопоставить лжи можно «только одно – объективную правду». Но, увы, «профессиональная аналитика все больше уступает место пропаганде, и людям все труднее разобраться в происходящих событиях». В этом отношении празднование 70-летия Победы стало для СМИ лакмусовой

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Участники Всемирного конгресса русской прессы традиционно знакомят коллег со своими изданиями

бумажкой. По словам Сергея Иванова, за последние десять лет доля европейцев, признающих решающий вклад СССР в победу во Второй мировой войне, сократилась с 40 процентов до 30. «Мы не уменьшаем роль союзников, – пояснил Сергей Иванов, – но даже эти факты искажаются». «Мы не пытались и не будем пытаться построить русскую прессу в одну шеренгу и требовать единомыслия, – заявил глава кремлевской администрации. – Нет никаких попыток повлиять на свободу слова. Мы хотим только, чтобы СМИ на русском языке представляли объективную информацию».

«КЛЯНУСЬ ГОВОРИТЬ ПРАВДУ, НО...»

Открытая в фойе конгресс-центра московской гостиницы Crowne Plaza выставка «Русская пресса в годы войны», посвященная 70-летию Победы, где были представлены десятки газет, выходивших в военные годы в первую очередь за пределами СССР, ажиотажа среди участников форума не вызвала. А жаль. Кроме того, что это просто интересно, выставка продемонстрировала истинное отношение эмигрантов первой волны (а после 1917 года из Советской России бежало около 2 миллионов человек) к оставленной, но любимой родине вне зависимости от политических пристрастий авторов публикаций и издателей газет. Научным руководителем выставки был директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук,

профессор Сергей Мироненко. Его выступление на конгрессе вызвало горячие дискуссии, которые не прекращались до разъезда участников. Но истина в споре не родилась.

Свое выступление Сергей Мироненко построил на тех исторических фальсификациях, на которых выросло не одно поколение советских людей. И одна из них – легенда о подвиге 28 панфиловцев, очерк о которых под названием «О 28 павших героях» был опубликован в газете «Красная Звезда» в январе 1942 года. Расследование этой истории началось еще во время войны, потому что уже летом 1942 года похороненные авторами публикации панфиловцы стали один за другим «воскресать». Началась проверка фактов. Материалы были переданы секретарю ЦК ВКП (б) по идеологии Андрею Жданову. В 1948 году была подготовлена справка по материалам расследования. Она была подписана главным военным прокурором Вооруженных сил СССР Николаем Афанасьевым. В документе указано, что «подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, освещенный в печати, является вымыслом корреспондента Коротеева, редактора «Красной Звезды» Ортенберга и в особенности литературного секретаря газеты Кривицкого. Этот вымысел был повторен в произведениях писателей Н. Тихонова, В. Ставского, А. Бека, Н. Кузнецова, В. Липко, Светлова и других и широко популяризировался среди населения Советского Союза».

Нужно интересоваться архивами и писать одну только правду, убежден

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В кулуарах конгресса. Председатель комитета Совета Федерации по международным делам Константин Косачев и журналистка из Молдавии Ирина Мельник

Мироненко. Но стоит ли? И всю ли? Мнения разделились. Генеральный менеджер журнала «Русские эмираты» Сергей Токарев считает, что «если в доме 18 роскошно обставленных комнат и один плохо убраный туалет, то почему нужно показывать только туалет». Главный редактор и ведущий радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов, напротив, уверен в необходимости публикации всех доступных документов: «Если не говорить правду, аудитория будет узнавать ее из других источников». Главный редактор «Российской газеты» Владислав Фронин убежден: самое главное – «не говорить неправды». История, предположил он, «это то, что развело нас с Украиной». «Украинцы говорят: не пишите за нас историю!» «Свежие документы, связанные с нашим общим прошлым, выплескивать в общество нужно очень осторожно, учитывая настроения и обстановку в том или ином регионе», – поделилась своим мнением с корреспондентом «Русского мира.ру» главный редактор газеты «Русское слово», которая выходит в Молдавии, Татьяна Борисова. «Нужно искать и находить уникальную для сегодняшнего дня информацию и способ ее подачи», – уверена она. Для борьбы с фальсификациями истории редакция «Русского слова» помимо обычных газетных публикаций использует «максимальное вовлечение молодежи в военно-патриотическую работу». При редакции создан уникальный музей, где хранятся экспонаты, обнаруженные членами по-

искового отряда «Август» на местах кровопролитных боев Ясско-Кишиневской операции 1944 года и в других регионах Молдавии. Сюда приходят на уроки истории целые классы. Все можно рассмотреть, потрогать, подержать в руках. «Нужно видеть, какие лица у ребят, когда они рассматривают продырявленный шлем советского солдата или его медальон. Они уходят потрясенными отсюда, и никакие фальсификаторы истории уже не смогут изменить это впечатление». Вместе с отрядом «Август» редакция «Русского слова» участвует в полевых поисковых экспедициях, куда привлекаются и совсем молодые ребята.

О БЛОГЕРАХ, РЕКЛАМЕ И ЛАТВИЙСКИХ ШПРОТАХ

«Блогер – это чайник, который все время пыхтит и хочет высказываться», – заявил председатель Союза журналистов Москвы, издатель и главный редактор «Московского комсомольца» Павел Гусев, выступая в рамках дискуссии «Государство и СМИ. Глобальные тенденции нового тысячелетия». Недовольный поправками в российское законодательство, принятыми в мае прошлого года и приравнявшими блогеров к журналистам, а социальные сети к СМИ, Гусев объяснил: «Возводя блогеров на пьедестал, мы уничтожаем профессию журналиста. И это политика, наносящая колоссальный вред журналистской профессии». Гусев раскритиковал и другие поправки в законодатель-

ство, запрещающие рекламу некоторых видов деятельности и затронувшие малый и средний бизнес, что ударило по СМИ, которые живут за счет рекламы. По словам главного редактора «Московского комсомольца», телевидение из-за этих нововведений лишилось 18 процентов рекламы, «глянец» – 55–60 процентов, печатные СМИ – 40 процентов. И это притом, что печатные СМИ остаются в России востребованными. В регионах именно они, а не Интернет и соцсети, остаются основным источником информации. Тяжелая ситуация сложилась с русскоязычными СМИ в Латвии, сообщила главный редактор рижского журнала «Открытый город» Татьяна Фаст. «По нашему бизнесу прошелся каток санкционной войны. Удар пришелся на русскую прессу», – сказала она. Запрещенные в России рижские шпроты были настоящей рекламной золотой рыбкой для русскоязычных изданий. Потеря даже одного рекламодателя – серьезная проблема для этих СМИ. Из-за экономических проблем закрыты три ежедневные газеты на русском языке, осталась одна, но и та дышит на ладан, рассказала Татьяна Фаст. Газета «Вечерний Тбилиси» сталкивается с другими проблемами. В Грузии падает процент русскоязычного населения, а следовательно, сужается аудитория русской прессы. Об этом рассказал заслуженный журналист Грузии, главный редактор «Вечернего Тбилиси» Вадим Анастасиади. «К тому же, – посетовал он, – есть проблемы с подготовкой кадров, и, когда старшее поколение уйдет, смену смогут принять лишь единицы». С подобными трудностями сталкиваются и в Литве. «Каждое издание должно быть независимым и само зарабатывать деньги», – уверен директор издательства «Обзор» Владимир Фарберов. «Русскоязычной прессы в Литве не так много. За то время, пока мы издаемся, в республике умерло несколько русских газет. Рынок сложный, потому что число русскоговорящих уменьшается, люди уезжают в основном в Европу зарабатывать деньги. Поэтому, думаю, в конце концов в Литве останется одна русская газета», – предположил Владимир Фарберов. ■

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФРОНТ ИСТОРИИ

БЕСЕДОВАЛА

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

ОДИН ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ ШВЕЙЦАРСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ, ГИ МЕТАН, ПОПЫТАЛСЯ НАЙТИ ОТВЕТ НА ВОПРОС ПОИСТИНЕ ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ВАЖНОСТИ: «ПОЧЕМУ ЗАПАД ТАК ЛЮБИТ НЕНАВИДЕТЬ РОССИЮ?» ЭТИ СЛОВА, ВЫНЕСЕННЫЕ ПРЯМО НА ОБЛОЖКУ ЕГО НОВОЙ КНИГИ, САМИ ПО СЕБЕ СПОСОБНЫ ПРИВЛЕЧЬ ВНИМАНИЕ НАСТОЛЬКО, ЧТО ПОНАЧАЛУ ДАЖЕ НЕ ЗАМЕЧАЕШЬ НАЗВАНИЕ САМОГО ТРУДА. А ВЕДЬ ОНО ОПИСЫВАЕТ МАСШТАБ ПРОБЛЕМЫ: «РОССИЯ–ЗАПАД. ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ВОЙНА: РУСОФОБИЯ ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО УКРАИНСКОГО КРИЗИСА».

— МЫ, РОССИЯНЕ, ИНОГДА ОЧЕНЬ обижаемся на одностороннее и тенденциозное освещение западными средствами массовой информации любых российских действий в той или иной сфере. Но слово «война» слишком страшно и читать, и слышать. Надеюсь, вы хотя бы имели в виду только информационную войну?

— Конечно, речь идет о метафоре. Та самая тысячелетняя «война» между Западом и Россией, о которой я говорю, в большинстве случаев проходила на идеологическом фронте.

Но я хочу напомнить, что уже в XIII веке поляки призывали к «крестовому походу» против России. И мы можем насчитать дюжину военных попыток западных стран подчинить себе Россию: от тевтонских рыцарей до шведов; от поляков до Наполеона; от немцев кайзеровской и гитлеровской Германии до японцев, а теперь и Соединенных Штатов Америки.

Человеческая природа такова, что не может быть иначе. Обширная территория России, изобилующая полезными ископаемыми и другими ресурсами, иногда вызывает восхищение у Запада, иногда — отторжение, но всегда — определенную ревность.

— Нет ли преувеличения в том, что историю противостояния России и Запада вы отсчитываете с эпохи Карла Великого? Вряд ли кому-то тогда в Европе было дело до чужой неведомой страны. Поэтому давайте уточним, с какого момента мы можем говорить о появлении реальной русофобии, исходя из вашего утверждения, что «русофобия — это состояние сознания, а не заговор».

— Я имел в виду, что с Карла Великого началось геополитическое соперничество между Западом и византийским Востоком, чьей духовной наследницей после падения Константинополя в 1453 году стала Россия. Это противостояние приняло религиозный характер со времен Великой схизмы — или Великого раскола между

православным Востоком и католическим Западом, который произошел в XI веке. Инициирован этот раскол был германскими императорами, стремившимися придать своему правлению некую собственную идентичность, свободную от влияния Восточной церкви времен первых Вселенских соборов. Отсюда проистекало их стремление видоизменить христианское учение и христианскую церковную службу.

Великий раскол 1054 года был буквально наполнен предвзятыми мнениями, различными клише, попытками создания негативного имиджа Востока. Впоследствии многое из всего этого почти автоматически перенеслось и на имидж России в тот момент, когда она в конце XV века освободилась от татаро-монгольского ига и вновь стала независимой политической силой. Как раз именно от этих самых клише, которые сформировали современную русофобию, и пошли все те постоянные ссылки на деспотизм, варварство и русский экспансионизм, которые мы встречаем в нынешних неоконсервативных дискуссионных клубах и доминирующих западных медиа, причем зачастую даже с мало изменившимся вокабуляром.

— В России чрезвычайно болезненно реагируют на тенденциозную подачу информации на Западе. Однако большинству россиян и в голову не может прийти то, что западная пресса, столь гордящаяся своими принципами, по отношению к России в большинстве случаев ведет себя как заштитное провинциальное издание, ангажированное местными властями. Вы, зная ситуацию изнутри, пишете в книге: «Простое желание понять, чем именно вызываются российские действия, и выслушать мнение России воспринимается как непростительная ошибка». Неужели все до такой степени необъективны?

— Мы сейчас наблюдаем информационную войну и массированную пропаганду со всех сторон. Каждая из сторон в такой информационной

войне ведет себя не особо лучше другой. Но я более нетерпим к поведению моих западных коллег в силу того, что они сами постоянно выпячивают свою якобы большую объективность, большую незаинтересованность и моральное превосходство. Хотя, к сожалению, это совершенно не соответствует действительности.

Когда западные медиа рассказывают об украинском конфликте, они цитируют одних и тех же экспертов, близких к НАТО. Они публикуют, совершенно сами от этого не дистанцируясь, информационные коммюнике, подготовленные Киевом, причем так, как будто это просто Евангелие! Именно поэтому я и говорю о «десантной» журналистике, пример которой мы могли наблюдать во

время первой войны в Персидском заливе, когда военные корреспонденты практически были включены в состав американской армии.

– Один из принципов, который вы сформулировали за свою успешную профессиональную карьеру, это убеждение в том, что медиа должны избегать морализаторства. Поскольку оно в большинстве случаев маскирует совершенно другие интересы, которые предпочитают оставлять в тени. Но даже профессиональные СМИ давно погружены в морализаторство, не говоря уже о блогерах, которые не моргнув глазом сообщают свое мнение по любому вопросу. Каково же в таком случае будущее журналистики?

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ ГИ МЕТАНА

«РОССИЯ–ЗАПАД. ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ВОЙНА: РУСОФОБИЯ ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО УКРАИНСКОГО КРИЗИСА»

«Идол более не соответствовал тому имиджу, который они себе сконструировали. Он стал помехой для их планов академической и журналистской карьеры. Когда Солженицын покинул Соединенные Штаты, для того чтобы вернуться в Россию и начать защищать свою униженную, деморализованную, распродаваемую Родину, когда он возвысил свой голос против «западников» и либералов, отрицающих самобытность России, для того чтобы было легче использовать ее в целях хищнического капитализма, он превратился в объект для безжалостной критики. Он стал всего лишь старым, избалованным писателем, тогда как сам Солженицын не изменился, критикуя с тем же пылом изъяны рыночного тоталитаризма, как в свое время критиковал изъяны тоталитаризма коммунистического.

Его замалчивали, принижали, оскорбляли за этот выбор, причем зачастую те же самые люди, которые использовали его первые битвы против режима. Но сквозь все встречные ветра, не сгибаясь перед наиболее могущественными силами, которые стремились его раздавить, Солженицын всегда защищал только одно – Россию. Ему не простили того, что он обратил свое перо против Запада, принявшего его и рассчитывающего за это на его вечную благодарность. Хотя Солженицын просто следовал своему долгу».

«В 2014 году, когда начали разворачиваться события на Майдане, которые впоследствии привели к государственному перевороту, а потом и к гражданской войне, стало невозможным оставаться молчаливым свидетелем происходящего и наблюдать, не реагируя, новый всплеск антироссийской истерии, вновь захлестнувшей западные медиа. Тошнотворные объяснения тех, кто оправдывал свои атаки на Россию, ссылаясь на пропаганду российских медиа, не могли остаться без ответа.

Именно в надежде разрушить или хотя бы немного поколебать эту стену предвзятости я и взялся за написание книги, отдавая себе отчет в том, что погружаясь в сложную и комплексную проблему. При этом у меня вызвала интерес возможность проанализировать тот деформированный образ и то не соответствующее действительности восприятие России, которое жители Запада аккумулировали в течение веков, конкретно с того момента, когда Карл Великий порвал отношения с Византией».

«Масштаб нынешней русофобии, превратившейся чуть ли не в психологическую болезнь, распространяемую официальными лицами и западными редакциями, не является фатальным. Эта книга преследует в конечном счете единственную цель: продемонстрировать, что совершенно нет никакой необходимости враждебно относиться к России, для того чтобы общаться с ней.

Сделаем пояснения: данная книга ни в коей мере не является антизападной. Продemonстрировать истоки злобы (ненависти) по отношению к России вовсе не означает отказаться от демократических ценностей, от свободы и прав человека, которые Запад продвигает со времен Французской революции, не означает это и слепого обожания России при президенте Путине. Критика наиболее одиозного поведения Запада не нивелирует имеющиеся проблемы России... Речь идет только о том, чтобы воспроизвести отношения Запада и России во всей их комплексности и отдать должное тем десяткам миллионов россиян, которые в течение 25 лет строили свое демократическое общество, не копируя все западные рецепты; которые поднимали экономику, разрушенную во времена приватизации, и которые создавали будущее по своим, а не импортированным извне рецептам».

– Даже газеты с известной и устойчивой репутацией, такие как «Нью-Йорк таймс» или «Ле Монд», поддаются этой разрушительной тенденции к камуфлированию правды во имя некой провозглашаемой морали. При этом в обширной англосаксонской и иногда немецкой прессе мы можем найти практически всю информацию из различных источников, но ее нужно искать. Новая критика в адрес Европейского союза или нынешнего киевского режима может быть напечатана мелким шрифтом где-то глубоко внутри газеты, притом что антироссийские новости окажутся в заголовках на первой полосе. Блоги и сайты до определенной степени компенсируют такой перекос информации, но не полностью, поскольку приводимые ими данные не всегда проверяемы, а следовательно, за их достоверность полностью нельзя поручиться.

Настоящий журналист должен при всех обстоятельствах каждый день самому себе задавать вопрос: придерживается ли он скорее фактов, нежели мнений? И не служит ли он, пусть и невольно, неким частным интересам в ущерб более объективной информации?

– Именно после вашей книги мне очень четко стала понятна чрезвычайно опасная тенденция: с точки зрения медийного освещения украинский конфликт уже стал подобием палестино-израильского. В нем СМИ также по своим причинам брали за основу точку зрения одной стороны и уже не сворачивали с этого пути. Есть ли шанс на изменение такого подхода?

– Я умеренный оптимист. Моя книга была достаточно хорошо принята в Швейцарии – стране, где существует традиция уважать и выслушивать мнение меньшинств.

В Соединенных Штатах Америки и Германии мы можем также выражать свое мнение, но без особого шанса быть услышанными, как это, например, продемонстрировал комментатор Стивен Коэн.

Но я был поражен тем, какой почти всеобщий антирусский настрой царит во французских интеллектуальных кругах. Исключением во Франции является газета *Le Monde diplomatique*, которая, к сожалению, имеет не очень большие тиражи, а также, например, позиция Жана-Пьера Шевенмана, автора двадцати книг, неоднократно занимавшего в свое время министерские посты. Такое положение дел на родине Вольтера и Золя просто поражает.

– Похоже, в нынешней ситуации всем журналистам приходится не только становиться политологами, но и пытаться научиться понимать тенденции международного права. Вы пишете, что в англосаксонских странах «право в меньшей степени представляет собой дело принципа, а в большей является отражением эволюции юриспруденции». Лично вы слышали хоть один убедительный аргумент, доказывающий, что раз-

вал Югославии, дирижируемый Западом, нельзя сравнивать с отделением Крыма от Украины, на чем так настаивают сегодня западные политики?

– С запоздалым сожалением чрезвычайно тяжело видеть, как во имя европейских идеалов в 90-е годы разрушили Югославию и спровоцировали украинский кризис в 2014 году. И в Югославии, и в Чехословакии провозгласили в директивной форме, что те границы, которые существовали во времена холодной войны, вполне могут быть аннулированы, тогда как украинские границы Запад представляет как нечто священное и неприкосновенное.

То же самое можно сказать и по отношению к Косово и Крыму: в одном случае выход из состава государства признавался легитимным, а в другом – нет. Это притом, что жители Крыма два раза проголосовали за независимость от Украины: один раз в 1991 году, а второй – в марте 2014 года! Для того чтобы оправдать нарушение правовых норм, юристы маскируют ряд аспектов, выдвигая на первый план юридическую казуистику, которая особо ничем не подкреплена. Иногда это напоминает теологов папы римского, которые задним числом оправдали религиозную Схизму, обвиняя во всем ортодоксальную церковь...

На международном уровне право практически всегда на стороне более сильного и никогда – на стороне проигравшего.

– Двадцать лет назад вы удочерили русскую девочку из Суздаля. Наверное, именно поэтому Россия стала вам близка по-особому. Но как нам, россиянам, достучаться с объяснением своей позиции до остального мира? Или же просто смириться с нынешней информационной войной?

– Да, действительно, очень важное событие для моей семьи сделало меня гораздо более внимательным к тому, что происходит в России и что по ее поводу говорится в западных средствах массовой информации.

Что касается возможного изменения общего отношения западных средств массовой информации к России, то здесь я смотрю на вещи достаточно пессимистично. Дело в том, что большая часть западных медиа находится в руках или под контролем частных групп или государств, которые преследуют свои собственные интересы и не имеют никакого желания бороться за объективность информации. Кроме того, журналисты очень ослаблены тем кризисом в профессии, который продолжается уже двадцать лет. Они обеспокоены за свое будущее, поэтому в таких условиях им зачастую невыгодно плыть против течения.

Но во все времена существовали люди, которые ставили правильные вопросы. Одним из лучших примеров здесь можно считать вашего соотечественника Солженицына. Он был диссидентом и при коммунистическом режиме, и при капиталистическом. К большому разочарованию своих западных почитателей. ■

ВОЙНА И МИР ЧАРЛЬЗА ГИББСА

БЕСЕДОВАЛА

АЛЕКСАНДРА ПУШКАРЬ

«Я ОСОБО ПОЛАГАЮ СЕБЯ ОБЯЗАННЫМ ОТМЕТИТЬ ВЫСОКУЮ СТЕПЕНЬ ЛИЧНОГО БЛАГОРОДСТВА И ГЛУБОЧАЙШУЮ ПРЕДАННОСТЬ РУССКОМУ ЦАРЮ И ЕГО СЕМЬЕ ДВУХ ЛИЦ: ВОСПИТАТЕЛЯ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ШВЕЙЦАРЦА ЖИЛЬЯРА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА АНГЛИЧАНИНА ГИББСА». СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ Н.А. СОКОЛОВ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ в России подняли цунами ненависти среди народов. Они же дали примеры высокой преданности и чести. Страшной жертвой смертоносной волны стала венценосная семья, возглавлявшая империю более трех веков. Ее убийство – квинтэссенция ненависти. Но то, как Романовы противостояли злу, – это урок любви, который останется в памяти поколений. Первыми, кто ему последовал, были люди из ближайшего окружения царя – камергеры, фрейлины, врачи, лакеи. Они совершили выбор, который стал подвигом верности на все века. Одним из этих подвижников был Чарльз Сидней Гиббс – британский подданный, учитель английского языка великих княжон и цесаревича Алексея. *Сидней Иванович*, как он проходил по документам имперских и большевистских канцелярий, *Сид*, как его звали венценосные потомки, не побоялся последовать за своим воспитанником в ссылку, а потом, под прицелом красных шпионов, участвовать в следствии по делу об убийстве царской семьи. В 1930-х Гиббс принял православие и постриг, а вскоре и митру, став первым ортодоксальным епископом-англичанином. Но свое истинное крещение он прошел в 1917-м. Крещение миром войне вопреки. О судьбе Чарльза Сиднея Гиббса «Русскому миру.ру» рассказывает один из авторов-составителей книги «Наставник. Учитель цесаревича Алексея Романова», историк и скульптор Кирилл Протопопов.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– Учитель Гиббс – не первый человек в окружении российского императора. С точки зрения истории – песчинка в водовороте событий, захлестнувших мир в начале XX века. Как вы сами о нем узнали и что вас в нем привлекло?

– В 1987 году во Франкфурте-на-Майне вышло почти полное издание архивов Михаила Константиновича Дитерихса (Николай Росс. Гибель царской семьи. Изд-во «Посев». Франкфурт-на-Майне, 1987) – царского генерала, сподвижника Колчака, одного из инициаторов следствия по делу об убийстве царской семьи. Это – настольная книга всех исследователей последних лет жизни Романовых. Как раз там я почерпнул информацию о Гиббсе. Меня поразила его преданность. Он, англичанин, через Россию в огне поехал за царской семьей в Сибирь.

– Как Гиббс оказался при дворе?

– До него учителем английского языка при царской семье был Джон Эппс. Он был шотландцем, и в какой-то момент британский король Эдуард VII заметил императрице Александре Федоровне, что у детей не тот акцент. Видимо, его это немножко задело – у Англии и Шотландии всегда были сложные отношения.

– Кто рекомендовал Гиббса императрице?

– Учитель русского языка и старший преподаватель Петр Васильевич Петров. Осенью 1908 года он привез Сиднея Ивановича во дворец, и тот дал первый урок старшим великим князьям, Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне. Его представили фрейлине Тютчевой, тогда находившейся при великих князьях. С этого времени он стал приезжать в резиденцию царской семьи – Александровский дворец.

– А как он попал в Петербург?

– Гиббс изучал психологию в Кембридже. Его отец хотел, чтобы он стал англиканским священником. Но Гиббс не нашел себя в этом и хотел подобрать работу по сердцу. Наверное, он был романтик. Петербург привлек его тем, что это далеко и так непохоже на его родину.

Пьер Жильяр, Петр Петров и Чарльз Сидней Гиббс. Царское Село. 1915 год

– Сидней Иванович приехал в Россию в 1901 году и сделал карьеру – в 1907-м стал вице-президентом Гильдии преподавателей английского языка Санкт-Петербурга. Как ему это удалось?

– Он был педагогом от Бога. В этом убеждают его дневниковые заметки с описанием уроков. Кроме того, он любил детей. Просто по-человечески испытывал к ним большую нежность. Это помогало ему в обучении. Его дела пошли в гору, когда он получил место в Британской школе Притча. Она помещалась в доме №76 по Невскому проспекту, в ней преподавали английский детям петербургской аристократии. Гиббс принимал в ней активное участие и в 1916 году даже приобрел ее пополам со своей сестрой Дженнифер. Однако президентом Гильдии он стал, когда начал ездить в Александровский дворец. Осенью 1909 года он был представлен императрице Александре Федоровне. Она произвела на него большое впечатление. Его поразило, что при всем величии она была чрезвычайно проста в общении. Гиббс пишет, что ее чопорность многих раздражала, но что он сам этого не чувствовал. Может, потому, что внутренне был ей близок. Императрица рано осиротела и, будучи внучкой английской королевы Виктории, пользовалась особым материнским участием этой правительницы. Она воспитывалась в Великобритании, говорила и писала по-английски, считала себя англичанкой и не любила, когда вспоминали о ее немецком происхождении. Гиббс тоже англичанин, ее сдержанность была ему понятна.

– Какие из характеристик российской императрицы лейтмотивом проходят через его воспоминания?

– В неопубликованных мемуарах, которые он писал в 1930-х годах в Англии, уже приняв священнический сан, он говорит, что много раз себя спрашивал, почему Александру Федоровну не любили в России. И отвечает, что причиной была холодность ее характера. Однако под этими внешними проявлениями он угадывал какую-то внутреннюю застенчивость. Он вспоминает, как она подавала руку для поцелуя. Это была рука царицы, но в то же время она как будто стеснялась. В том, как она это делала, было и понимание своего статуса, и вместе с тем смирение, которое она в себе развивала, приняв православие. Другой важной темой, к которой он неоднократно возвращался в своих воспоминаниях, была сила веры императрицы и Николая Александровича. В Тобольске во время поста он писал: «Я удивляюсь, как жива эта женщина. Она питается одними макаронами». Все вместе произвело на него такое впечатление, что он сам принял православие.

– А как царская семья воспринимала Гиббса? Всего при ней состояло около 20 преподавателей. Его как-то выделяли или он был «одним из»?

– Дети его очень любили. Придумывали разные штуки – особенно великая княжна Анастасия Николаевна. Она была большая выдумщица, в дневниках Гиббс описывает некоторые из ее шалостей.

Как-то она явилась на урок в маскарадном костюме с вымазанным краской лицом. В другой раз, загляживая недостаток прилежания, выхватила охапку цветов из дворцовой вазы и от всего сердца вручила ее учителю. Но истинная духовная связь была у Гиббса с цесаревичем. Об этом он сообщает своей крестной матери (она была русской, профессором Оксфордского университета, дожила до 2000 года). Алексей Николаевич был очень застенчив и долго привыкал к новому педагогу. Прошло немало времени, прежде чем обучение вошло в нормальное русло. За это время Гиббс по-настоящему привязался к маленькому ученику. Поэтому его мученическая смерть произвела на него такое сильное впечатление и так изменила его жизнь. Приняв православие, он взял имя Алексей. В письме, написанном в 1930-х в Харбине, он говорит, что сожалеет о том, что, постригшись в монахи, вынужден был от имени этого отказаться. Что ему это было тяжело, так как он любил цесаревича.

– У наследника было два гувернера: учитель французского швейцарец Пьер Жильяр и преподаватель английского Чарльз Гиббс. Первого в семье воспринимали как родного и называли «милым Жиликом», а со вторым соблюдали дистанцию, он был «мистером Гиббсом». В какой момент он стал «своим» – Сиднеем Ивановичем, «Сидом»?

– Я думаю, это произошло в 1913 году, когда Гиббс стал гувернером. Он занимался с цесаревичем дважды в неделю, но продолжал жить в Петербурге. Перед войной он был в отпуске в Англии, а когда она началась, Александра Федоровна вызвала его в Россию и предложила переехать в Царское Село. Он вернулся и получил квартиру в Екатерининском дворце. С тех пор они виделись с наследником каждый день. Сидней Иванович делил с ним досуг, сопровождал во время дворцовых мероприятий, в поездках в Ставку. Я думаю, тогда он и стал «Сидом».

– Когда царскую семью арестовали, у Гиббса был момент колебания – остаться с ними или вернуться в Англию?

– Такого выбора не было абсолютно. Он был уверен, что должен быть вместе с царской семьей. Накануне ареста императрица попросила Гиббса съездить в Петроград. Он поехал, а когда вернулся, в Александровский дворец его не пустили. Тогда он связался с английским послом Бьюкененом, чтобы тот помог ему присоединиться к царской семье. Такого разрешения ему не дали, и он общался с пленниками посредством писем. Последнее, кстати, примечательно. Не каждый из царского окружения отваживался писать Романовым. Всю почту в Александровском дворце перлюстрировали.

– Почему его к арестованным не пускали?

– Я не исключаю, что это был вопрос бюрократической волокиты. Однако Гиббс был столь настойчив в своем желании разделить участь царственных

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Цесаревич
Алексей
с Джоем.
Царская Ставка.
Могилев.
1916 год

пленников, что, когда их отправили в Тобольск, на следующий день от помощника комиссара Временного правительства по бывшему Министерству Императорского двора инженера Макарова он добился разрешения следовать за ними. Он купил билет, но началась забастовка на железной дороге, и пришлось ждать три недели. И только в начале октября на последнем пароходе он все-таки поехал в Тобольск. Дальше река встала, и он бы не добрался.

– Гиббс, кажется, был последним из царского окружения, кого туда пустили...

– Да, и ему разрешили поселиться в месте заключения царской семьи – тобольском Доме свободы. Все, кто приехал позже, уже не могли этого сделать.

– При переезде из Тобольска в Екатеринбург детей и родителей зачем-то разлучили и везли врозь. Гиббс и Жильяр сопровождали великих князю и цесаревича Алексея. По прибытии на место в Ипатьевский дом они уже не попали, а остались в вагоне и жили в нем 10 дней. На что они надеялись, чего ждали?

– В Екатеринбурге утром опять же сначала забрали только детей. Потом пришли за генералом Татищевым, князем Долгоруковым, фрейлиной графиней

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Великие княжны
под арестом.
Александров-
ский парк.
Июнь 1917 года

Тобольск.
Дом свободы.
Ноябрь 1917 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ней Гендриковой, гоф-лестрикой Шнейдер. Двух последних отвезли в городскую тюрьму, а после расстрела царской семьи отправили в заключение в Пермь и вскоре жестоко убили за городом. Во второй половине дня прибыл комиссар Родионов и объявил остальным, что они свободны и могут делать что хотят. В числе тех, кого к Романовым не пустили, были Жильяр и Гиббс. Они остались в поезде и каждый день ходили к дому, стараясь быть незамеченными. Так они делали, пока не пришел приказ покинуть Екатеринбург. Тогда они решили вернуться в Тобольск, но оказались отрезаны линией фронта и смогли доехать только до Тюмени. Там их застало известие о расстреле в Екатеринбурге и о последующем взятии города Колчаком. Они помчались обратно, отправились в Ипатьевский дом и увидели, что там произошло.

– *Красные так спешно бежали, что даже не за-
мели следов?*

– Нам удалось обнаружить дневники Гиббса, их он вел в Екатеринбурге во время следствия Николая Соколова, который на протяжении многих лет вел дело об убийстве венценосной семьи сначала в Екатеринбурге, а затем в Европе, опрашивая свидетелей из числа эмигрантов. Гиббс описывает свое посещение Ипатьевского подвала 2 ноября 1918 года. Пятна крови на бетонном полу, сорванные обои, замытые водой стены. Он несколько раз был в подвале – раз в ноябре и дважды в октябре 1918 года, а также в 1919 году, когда уже работал секретарем в британской миссии Чарльза Элиота.

– *Британцы участвовали в расследовании?*

– Только Гиббс, частным образом. Как человек, близкий царской семье, как свидетель, он сам по своей воле помогал Соколову. Он, кстати, много фотографировал, хотя в основном снимал британский журналист Роберт Уилтон. Узнав о следственных мероприятиях в Екатеринбурге, он специально приехал туда из Лондона. Но это нигде не описано. Нет никаких подробностей – как он добирался...

– *Следствие инициировал Дитерихс?*

– Изначально это была инициатива Колчака. Генерал Михаил Константинович Дитерихс состоял при его штабе и с 17 января 1919 года курировал

расследование по его приказу. За что мы ему особо благодарны – это он попросил Колчака поручить дело царской семьи следователю по особо важным делам Соколову и издать постановление об отчуждении дома Ипатьева в собственность государства. Когда белые заняли Екатеринбург, генерал Гайда – командующий Северо-Уральским фронтом и Чехословацким корпусом – устроил там свой штаб. С 3 ноября 1918-го по 11 февраля 1919-го в доме жили офицеры, и понятно, что они там творили.

– *Следственные мероприятия в Екатеринбурге продолжались год, пока город оставался во власти Колчака. Гиббс участвовал, продолжая работать в британской миссии. Рождество 1920-го он встретил в Чите, а дальше ему сказали, что находиться в России опасно. От кого исходило это предупреждение?*

– От Соколова. Он написал письмо Гиббсу – де, Сидней Иванович, просите в миссии, чтобы помогли доставить останки и вещи доки в Англию.

– *Опасность исходила от красных?*

– Да, в Екатеринбурге было много шпионов, которые пытались завладеть материалами следствия. Убийство царской семьи было «большевицкой тайной». В официальной прессе писали, что царская семья жива и «спрятана в надежном месте», и потому было важно препятствовать следствию. Позднее его участников преследовали даже в Европе, куда они переехали в марте 1920 года. В Берлине ограбили квартиру, где жили Соколов и его помощник капитан Булыгин. Было сымитировано нападение немецких коммунистов, но впоследствии выяснилось, что нападавшие действовали по приказу из России. Они забрали все документы. Однако Соколов заранее сделал несколько копий, а подлинные свидетельские материалы спрятал в нескольких местах.

– *А что Гиббс?*

– Гиббс поехал сначала в Пекин и устроился в британское посольство секретарем. Потом Чарльз Элиот предложил ему место в Маньчжурii, в таможне Харбина, где он провел следующие двадцать лет.

– *В 1928 году Гиббс побывал на родине, но там не остался. Он как-то объяснял – почему? Был обижен на соотечественников, что они не спасли царскую семью? Ведь существовала такая договоренность, и все ждали, что Романовых вывезут из России...*

– В поздних воспоминаниях он об этом упоминает. Он не то чтобы обижался, а просто не мог этого понять.

– *Когда британский посол Бьюкенен решил опубликовать историю несостоявшегося спасения царской семьи, британские власти пригрозили ему лишением пенсий. Этот эпизод так и остался засекреченным?*

– Да, посол молчит о нем в своих мемуарах, и то небольшое, что мы знаем, известно по воспоминаниям его дочери Мериел, которые вышли в Англии в 1938 году. Мериел Бьюкенен познакомилась с принцессой Аликс еще в детстве. В годы Первой мировой войны она находилась в России и вместе с Александрой Федоровной и великими княжнами работала медсестрой в Царскосельском госпитале. Конечно, она была в курсе переговоров между Керенским и сотрудниками британской миссии в Петрограде. Зимой 1917 года Временное правительство изъявило готовность выслать царскую семью, король Георг V – дать ей приют в Англии, и Керенский лично брался сопроводить ее до Мурмана, где ее ожидало британское судно. Решение отказать в убежище было принято на уровне премьер-министра. Король в Англии, как известно, не управляет страной. Для Бьюкенена это решение стало неприятным сюрпризом. Он лично участвовал в подготовке эмиграции Романовых и был эмоционально в нее вовлечен.

– В 1930-х, уже будучи в Китае, Гиббс принял православие. Как он к этому пришел?

– В письме к сестре Гиббс называет принятие православия «возвращением домой». Это возвращение было долгим. В начале 30-х он работал в Манчжурии. Он тосковал по России, но было понятно, что обратной дороги туда нет. Возможно, поэтому он усыновляет русского мальчика-сироту Георгия Павельева. Позже они отбыли в Англию. Сын Павельева – внук и полный тезка Чарльза Сиднея Гиббса – является правопреемником Сиднея Ивановича, хранителем семейных архивов. Гиббс скучал и по Англии, но ехать туда не хотел. Наступил период духовного поиска. Он отправился в Японию и провел год в даосском монастыре, а выйдя оттуда, в апреле 1934 года принял православие с именем Алексей. В декабре 1935 года Гиббс постригся в монахи с именем Николай, в том же году был рукоположен в дьяконы, а затем принял священнический сан. С 1936 по 1937-й, целый год, он жил в русской православной миссии в Иерусалиме, после чего вернулся в Англию и получил приход. Первая служба прошла в 1938 году. Вскоре он был посвящен в архимандриты архиепископом Камчатским и Петропавловским Нестором (Анисимовым), жившим в изгнании в Харбине, став первым англичанином, удостоенным этого сана.

– В 1945 году архимандрит Николай перешел из Русской зарубежной церкви в Московский патриархат. Почему?

– Гиббс верил в возрождение России и считал, что подлинная вера, а значит, и подлинная церковь помещаются там. Но это принесло ему страдание, потому что часть его прихожан заняли непримиримую позицию, считая истинной только Русскую зарубежную церковь. О Московской они говорили, что ею управляют большевики, и не хотели иметь с ней ничего общего. В 1946 году

Георгий Павельев
(в центре).
Рождество.
Харбин. 1924 год

в Оксфорде Гиббс приобрел коттедж, обустроил его. В 1949 году храм был освящен. Он назывался Никольским домом и был одновременно часовней, музеем и духовным центром. Судя по письмам, отец Николай хотел привнести свет православия именно в Оксфорд, который более восьмисот лет являлся философским и богословским центром англосаксонского мира. Для него это было важно еще и потому, что он наблюдал, как молодое поколение русских забывало традиции и язык своих предков. До них он хотел донести ту веру, которую принял, рассказать, какую силу она имеет и что дала ему лично.

– Гиббс принял Русский мир и русскую историю через общение с царской семьей. Неслучайно храм украшен личными вещами Романовых, вывезенными из Екатеринбурга. Люстра из тобольского Дома свободы, иконы, подаренные императрицей, валенки, которые он вез государю из Тобольска в Екатеринбург... Любовь к царской семье, тоска по России, православная вера слились для него в единое целое, из которого нельзя, не разрушая, изъять какую-то часть.

– Он начал это понимать уже в зрелом возрасте. Это осмысление помогло ему принять веру и обрести мир.

– В ходе работы над книгой вы совершили какие-то открытия?

– В английском архиве Гиббса нам удалось обнаружить его дневники за период с 1914-го по март 1917-го. Фрагменты из них публиковались

Графиня А.В. Гендрикова и баронесса С.К. Буксгевден.
Александровский дворец.
1916 год

АНДРЕЙ СЕМАШКО

прежде, однако полностью они не были известны. То, что они изданы, это большая удача, потому что для российских читателей это важный документ. Дневники ведутся от имени цесаревича, это подобие игры, которая помогала наследнику освоить язык. Кроме того, мы нашли неизвестные воспоминания Гиббса о царской семье тобольского периода. Этот текст был написан Сиднеем Ивановичем в 1937–1938 годах для одного оксфордского профессора, который готовил статью о последних годах жизни Романовых, но почему-то ее не опубликовал. Наконец, в архиве обнаружено немалое количество ранее неизвестных фотографий. Они также издаются впервые.

– Помимо архивов Гиббса в книгу вошли документы, связанные с фрейлиной Маргаритой Хитрово. Это фантастическая дама – такая молодая и такая смелая!.. 21 года от роду через разорванную войной страну поехала в Тобольск освобождать царскую семью! Почему для вас было важно рассказать также и о ней?

– Это была моя идея – включить ее письма в этот проект. Маргарита Хитрово была близкой подругой великой княжны Ольги Николаевны, работала с ней в госпитале и этой дружбе осталась верна до конца. Мы публикуем уникальную фотографию из архива Хитрово в ГА РФ – снимок 1949 года, сделанный австрийским журналистом, бравшим у нее интервью. На снимке вещи, которые Рита берегла всю жизнь: письма государыни, лото, подаренное цесаревичем, кусочки засохшего редиса, выращенного царской семьей на огороде в Александровском парке... Но письма Маргариты – не

единственное отступление от главной темы. Я посчитал возможным включить в книгу и материалы о графине Анастасии Васильевне Гендриковой. Она также входила в ближний круг царской семьи, последовала за ней в ссылку и трагически погибла. В личном томе генерал-лейтенанта Дитерихса сохранилась ее переписка, в том числе с Александрой Федоровной. И там есть записка. Дата отсутствует, но есть подпись – «Узница А.». Значит, это от императрицы из Тобольска. Такие детали постепенно проявляются...

– Но чем они интересны? Ведь это персонажи даже не второго, а пятого и десятого плана!

– Любовь, благородство, честь не имеют измерения. Они всегда на первом плане. Эти люди остались верны царской семье, и потому важно знать, что ими двигало, каково их происхождение, что с ними случилось потом. Удалось собрать сведения лишь о некоторых из них – исторически значимых или наиболее близких. А ведь остаются фигуры, о которых по-прежнему мало известно. Например, лакей Франц Анатольевич Журавский. Он находился под арестом в Царском Селе и последовал за царем в Тобольск и Екатеринбург. О нем мы практически ничего не знаем, хотя он был уважаемый человек, кавалер Георгиевских крестов. Его фото мы разыскали в архиве Гиббса, оно публикуется впервые. Снимал Сидней Иванович 10 мая (по старому стилю) 1918 года в поезде по прибытии в Екатеринбург – за полтора месяца до трагедии. Рядом на снимке повар Дмитрий Максимович Верещагин. О нем тоже ничего не известно. Рассказать о них – задача будущих исследователей. ■

«ПРИВЫКНУТЬ К ХОЛОДУ НЕВОЗМОЖНО»

БЕСЕДОВАЛА

МАРИНА КРУГЛЯКОВА

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ АРКТИКИ, О ДРЕЙФУЮЩИХ ПОЛЯРНЫХ СТАНЦИЯХ И О БУДНЯХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, РАБОТАЮЩИХ НА НИХ, ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ НАЧАЛЬНИК ВЫСОКОШИРОТНОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АРКТИЧЕСКОГО И АНТАРКТИЧЕСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА (ААНИИ) РОСГИДРОМЕТА, ОКЕАНОЛОГ ВЛАДИМИР СОКОЛОВ.

— **В**ЛАДИМИР ТИМОФЕЕВИЧ, КОГДА вы в первый раз попали в Арктику?

— В 1973 году, когда я учился на арктическом факультете Высшего инженерно-морского училища имени адмирала Макарова. Мы проходили практику в экспедиции, которая занималась исследованиями в районе Датского пролива между Исландией и Гренландией. На мой взгляд, в таких экспедициях на больших судах, где довольно комфортные бытовые условия, значительно проще работать. А самое сложное и тяжелое — это работа на маленьких судах, на дрейфующих станциях, а также в авиационных отрядах, которым приходится садиться на дрейфующий лед.

— Вам приходилось работать на маленьких судах?

— Через три года после окончания училища я работал в ледовом патруле на маленьком судне «Шторм», принадлежащем Архангельской гидробазе. Мы проводили исследования в Баренцевом, Карском и частично в Лаптевом морях. Тогда было три ледовых патруля — западный, в котором я работал, центральный и восточный.

— Чем отличается работа на таком маленьком судне?

— Чем больше судно, тем дальше ты находишься от реальной природы. Ты как бы отстранен от нее комфортными условиями. Смотреть на океан с высоты 6–10 метров — это одно. А когда находишься от воды на расстоянии метра или даже полуметра, испытываешь совсем другие ощущения. Чем меньше судно, тем меньше его автономность, тем чаще приходится высаживаться на берег. На «Шторме» мы заходили в великие сибирские реки Обь, Енисей. Все это произвело на меня очень сильное впечатление, хотя у меня за плечами к тому моменту были три арктические экспедиции. Особенно запомнилось плавание среди льдов. И, конечно, арктическая природа — абсолютно уникальный и неизвестный мне на тот момент мир Арктики. Поразили необычные проявления природы, ее неповторимость и многообразие. Оптические эффекты — преломление лучей в ледяном покрове, в атмосфере. Все это очень красиво. Например, такое редчайшее явление, как зеленый луч, появляется в атмосфере, когда солнце садится за горизонт в океане.

— Как вы в первый раз попали на дрейфующую станцию?

— В 1980 году в рамках Высокоширотной воздушной экспедиции мы прилетели на дрейфующую станцию «Северный полюс — 22». Это была уникальная станция, проработавшая в океане более девяти лет. Она размещалась на ледяном острове толщиной 20–30 метров. С каждым годом толщина этого ледового образования уменьшалась, но оно оставалось устойчивым для жизни и проведения исследовательских работ. Мы использовали ее в качестве базы. Работали по два-три дня, затем улетали, снова возвращались. В 1990 году я приехал на дрейфующую станцию уже надолго — возглавил станцию «Северный полюс — 30» и проработал на ней год.

— Первая дрейфующая станция, «Северный полюс — 1» под руководством Папанина, начала работать в 1937 году. Отличались ли условия работы и жизни на «СП-1» и «СП-30»?

Н.М. КУЗНЕЦОВ

Панорама дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный полюс – 36» весной

А.А. ВИСЕВСКИЙ

В.Т. Соколов на ледовой базе «Барнео» в 2001 году

– Основные сложности работы и жизни на дрейфующих льдах сохранились. Главная из них – сам дрейфующий лед, который может расколоться в любой момент. Моей станции очень не повезло. У нас было 132 раскола дрейфующего льда. Это очень много. А если говорить о том, что изменилось, то в первую очередь накопилась довольно большая база знаний об Арктике, о тех районах, где мы работаем. Появились новые технологии для обеспечения жизни и исследований на дрейфующем льду. Например, мы уже жили не в палатках, а в мобильных домах-комплексах, в которых относительно тепло и комфортно. Это домики площадью где-то 16 квадратных метров из щитовых специальных конструкций, которые при необходимости можно быстро собрать или разобрать. Они на лыжах, и при помощи тракторов – у нас на станции было два трактора – их можно перетаскивать с одного места на другое. Домики были жилые и лабораторные. Иногда они соединялись воедино, но обычно мы старались их развести. Хотя сейчас все чаще это нарушается.

– Почему?

– По сравнению с теми условиями, которые были, когда я в первый раз попал на дрейфующую станцию, в настоящее время все сильно

изменилось. Появилась современная вычислительная техника. Сейчас совершенно иные технологии доступа к информационным источникам и приборам, установленным на станции. Они позволяют разместить компьютерную технику в доме, где живешь, и дистанционно следить за показаниями. Но в остальном все осталось как прежде. Как и прежде – это очень тяжелая работа в сложных климатических условиях, с мощнейшими ветрами, в условиях полярной ночи, а летом – с таянием снега и образованием снежицы (проталин), связанная с психологическими нагрузками и, в какой-то мере, с риском для жизни. Когда раскалывается льдина... В общем, это не улучшает настроения. И еще – атмосфера угрозы, она всегда существует, ты всегда должен быть собран и готов к неожиданностям.

– То есть там человек живет в постоянном страхе?

– Угроза – это не страх. Любое судно, находящееся в море, может в любую минуту утонуть, если природа «рассердится», а человек не справится с нею, но люди свыкаются с этим и принимают это обстоятельство как должное. Если человек испытывает страх, то ему на дрейфующей станции нечего делать. Были случаи, когда людей приходилось увозить либо по их просьбе, либо по

Перед вылетом на ледовую разведку на атомном ледоколе «Россия» по поиску льдины для дрейфующей станции «Северный полюс – 38» (А.Н. Чилингаров, Т.В. Петровский, В.Т. Соколов)

А.Ю. ШАРОНОВ

просьбе окружающих, когда они видели, что человеку страшно и он просто непригоден к работе в таких условиях.

К тому же когда происходит разрыв и лед начинает двигаться, всегда есть время для того, чтобы переместить лагерь. Не страх возникает, а происходит привыкание к сложным условиям жизни, это уже просто работа. Сначала она новая, потом становится привычной, ну а затем – рутинной. Значительно более опасны были летные прыгающие экспедиции, когда ты каждый раз садился на неизведанную льдину и не знал, останется ли у тебя целый самолет и взлетишь ли ты потом с нее. В одном из таких летных отрядов я работал, а потом и руководил им. У меня было 1300 посадок – это очень много. Где-то 5 тысяч часов мы провели в воздухе над акваторией Северного Ледовитого океана. Эти впечатления были намного сильнее тех, с которыми я столкнулся на дрейфующей станции. Смена событий, встреча с необычными явлениями природы и постоянная борьба с ней для достижения поставленной перед тобой цели... Это очень интересная, активная и живая работа, которая идет на грани серьезного риска, но человек способен с ним справиться.

– А что это за «прыгающие экспедиции»?

– Каждую зиму, с марта по май, иногда с февраля по июнь, на акватории арктических морей работала Высокоширотная воздушная экспедиция «Север». Попастъ в эти районы можно только с помощью авиации. Это была планомерная работа по исследованию Северного Ледовитого океана и его ледяного покрова, изучение энергетических потоков и многого другого.

Обычно шли два самолета, иногда три. Гидрологи и летчики выбирали льдину, осматривая ее с воздуха, определяя ее толщину и размеры. Затем один из самолетов приземлялся на лед и тут же взлетал. Если след от его лыж был сухой, то самолет садился, но не останавливался. Из него на ходу, где-то на скорости 60 километров в час, выскакивали два человека с буром, чтобы определить толщину льда. Если она оказывалась больше 30 сантиметров, то самолет делал круг, подъезжал к краю льдины, и по его следу садился второй самолет. Разгружались палатки, лебедки, термометры, приборы для проведения наблюдений, зондирования океана, взятия проб для химического анализа воды и так далее.

– У вас возникали экстремальные ситуации?

– В истории экспедиций «Север» экстремальные ситуации были. Например, самолеты разбивались или проваливались под лед. В нашем отряде такого не происходило, а в других, которые работали рядом с нами, иногда случалось. Но мелкие происшествия бывали. Отвалится лыжонок у самолета, когда он сел на лед или взлетел, и неизвестно, что делать дальше. Или самолет заблудился в высоких широтах. Но все заканчивалось благополучно.

– У вас в таких ситуациях не возникало ощущения слабости, уязвимости человека перед Арктикой?

– Чувство беспомощности, пожалуй, никогда не испытывал, а ощущение неопределенности возникало. Помню, мы возвращались из Северного Ледовитого океана через море Лаптевых на мыс Челюскин. Изменилось направление ветра – он стал встречным. Тогда информация была менее доступна, нежели сейчас, хотя сами прогнозы

были в какой-то мере лучше и метеорологических данных по региону было больше. Скорость ветра увеличилась и в какой-то момент стала измерима со скоростью самолета, то есть мы летим, но практически не движемся. В конечном счете, меняя высоту полета, мы смогли как-то продвигаться вперед, но не понимали, хватит ли нам топлива для того, чтобы долететь до земли. Уже стемнело, и подобрать площадку для экстренной посадки, в случае если кончится топливо, стало невозможно. Но мы долетели, сели «на красных лампах», как говорят летчики, на аэродром на мысе Челюскин. Иногда блуждали в океане. Штурман ошибется чуть-чуть, мы должны были бы выходить на те или иные острова, а их нет. Садились на лед, определялись при помощи инструментов и летели дальше. Это сейчас существуют GPS-навигаторы, которые позволяют с высокой точностью определять местоположение, а тогда все было довольно сложно.

– Когда вы работали начальником на дрейфующей станции «Северный полюс – 30», что было самым сложным?

– Все основные трудности создавало постоянное воздействие природы на нашу льдину. Нам просто не повезло. Ни у кого на станциях не было такого количества расколов, как у нас. С этим были связаны постоянные нагрузки, потому что приходилось одновременно выполнять исследовательскую работу и справляться со сложностями, связанными с природой, с переездами. Были периоды, когда трещины шли чуть ли не каждый день, за ними подчас начинались подвижки льда, шел вал торосов. Однажды вал торосов пошел на станцию. А у меня домик уже тогда стоял на краю трещины. Недалеко от него – флагшток. И вот этот вал торосов идет, уже начал наезжать на оттяжки флагштока, на дом... Смотришь на это и думаешь – то ли дом спасать, то ли бежать флаг снимать, чтобы его не завалило движущейся пятиметровой грядой льда. К счастью, лед остановился.

Дрейфующие полярные станции ассоциируются у большинства людей с романтикой, с приключенческими фильмами о Севере, но мало кто знает, чем конкретно там занимаются люди.

«Сердцем» станции всегда считается энергетическая или дизельная установка, которая обеспечивает ее электроэнергией. Люди, работающие на ней, можно сказать, определяют жизнь станции. Подбирают одного-двух механиков, имеющих опыт работы в арктических или антарктических условиях. А также еще одного-двух стажеров, которые перенимают их навыки и готовятся в дальнейшем работать самостоятельно. Хотя все это зафиксировано в отчетах, книжках, где бы описывались опыт жизни, работы на дрейфующих льдах и технологии обеспечения жизнедеятельности станции, нет, по крайней мере, мне такие не попадались. Все это всегда передавалось от одного человека к другому. И если бы эти люди не пере-

дали своих знаний другому поколению, когда был 12-летний перерыв в работе дрейфующих станций, то нам пришлось бы начинать все сначала.

На станции есть повар, который готовит завтрак, обед и ужин. Радисты. Их задача постоянно передавать информацию, которую получают исследователи. Она требует оперативной передачи, так как востребована во внутренней (отечественной) и международной метеорологических телекоммуникационных системах и базах данных, что позволяет как минимум в течение получаса усвоить эти данные на уровне планеты и на их основании строить фактические и прогностические карты по всей поверхности Земли. Океанологи на станции исследовали океан, метеорологи – атмосферу, аэрологи зондировали толщу атмосферы от поверхности льда до высот 30 километров и выше. Проводились электромагнитные, ионосферные, ледовые наблюдения и многие другие исследования.

– Когда люди живут длительное время изолированно небольшим коллективом, то неизбежно возникают какие-то психологические проблемы.

– Высокоширотная Арктика определенным образом действует на кровеносную систему и на выделение разных кровяных телец в составе крови, которые влияют в том числе и на психологию. Наши врачи, исследуя человека в таких условиях, обнаруживали, что у полярников меняется состав крови, что сказывается на поведении и взаимоотношениях. То есть через определенные промежутки времени их психофизическое состояние меняется. В среднем, скажем, через полтора месяца – первый рубеж, через три – второй, через полгода – третий. И все эти этапы сказываются практически на всех. Человеку все сложнее и сложнее находиться в таких условиях. Поэтому, конечно, справляться в таких ситуациях с коллективом непросто. Там же нельзя, если что-то не нравится, использовать административные или волонтеристические методы, например сделать человеку выговор. Ведь нам еще с ним жить и работать дальше. Я не должен его обижать. Поэтому надо все время объяснять, что происходит, практически согласуя с каждым все дальнейшие жизненные действия и рабочие моменты.

– Белые медведи вас на станции навещали?

– Обычно они приходят уже по светлоте времени, но есть и шатуны, которые могут забрести на станцию ночью. Для этого на ней всегда есть собаки, которые должны предупредить человека и, по возможности, отогнать зверя подальше. У нас жили четыре собаки, и они вполне справлялись со своими обязанностями. К нам медведи приходили дважды. Мы были очень высоко за полюсом, и в тех местах тогда их было немного. Приходили медведица с медвежатами и потом еще один молодой медведь. Мощный зверь, наверное, ему было года три-четыре. Нам пришлось повозиться, прежде чем удалось его отогнать. На ракеты он не реагировал, мы вынуждены были применить

боевое оружие. Как ни странно, когда мы выстрелили специально рядом с его головой и пуля просвистела – хотя звук был гораздо тише, чем из ракетницы, – медведь тут же развернулся и ушел. Мы с моим напарником-метеорологом потом его вели еще 2 километра, чтобы отогнать от станции. Им нельзя давать прижиться. Их привлекают запахи кухни, и они не всегда могут от этого отойти, и только насилие, угроза заставляют их покинуть территорию, которая для них как бы своя.

– С 1991 по 2003 год полярные дрейфующие станции не организовывались...

– Их и сейчас нет. Одна из основных причин – существенное разрушение ледяного покрова в последние три-пять лет. Нельзя высаживать людей на льдину, когда знаешь, что через три-четыре месяца от нее ничего не останется. Надо выждать этот период – когда пройдет пик потепления. А он уже проходит, и, наверное, в этом году будет организована новая дрейфующая станция.

– Была идея использовать для дрейфующих станций специальные платформы, которые будут вмораживаться в лед...

– Да, там речь идет о том, чтобы создать специальное судно, так называемую ледостойкую самодвижущуюся платформу. Практически это корабль совершенно нового типа, такое никогда еще в истории мирового судостроения не создавалось. Пока оно даже не спроектировано. И решения на уровне государства о его строительстве нет.

– То есть следующая дрейфующая полярная станция будет организована по старинке, на льдине?

– В действительности, если ты уверен в льдине, то наблюдения более интересны, если ведутся с нее. Потому что они должны быть *in situ*, то есть наблюдения в среде. Искусственно созданная платформа будет взаимодействовать с природной средой. Вообще, чем больше объект, тем сильнее его влияние на природу. Он меняет процессы обмена между океаном, атмосферой и ледяным покровом. Из-за самостоятельных колебаний, вызванных влиянием ветра, судно начнет крушить лед, на котором находится. Все очень сложно, и многое еще не оценено и не просчитано. Конечно, хочется, чтобы полярники жили в комфортных условиях, чтобы топливо хранилось в «танках», а не в бочках, чтобы люди питались в больших кают-компаниях, чтобы была мощная энергетика, но пока это только желания. Но природе придется исследовать на каком-то удалении, скажем полкилометра, от судна, чтобы исключить его влияние на производимые наблюдения.

– За те двенадцать лет, в течение которых в России не организовывались дрейфующие станции, появилось много нового?

– По сути, все стало новым, потому что за эти двенадцать лет, когда не было станций, в мире произошло техническое перевооружение. Появилось совершенно другое оборудование, нежели то, что было в начале 90-х годов. Сейчас современная дрейфующая станция состоит из 30 автоматизированных или полуавтоматизированных приборных комплексов. Количество информации, которое они получают и обрабатывают за день работы, превышает годовой цикл наблюдений в 80-е годы прошлого века.

– Какие экологические проблемы стоят наиболее остро в Арктике?

– Я считаю, на данный момент серьезных экологических проблем в Арктике нет. Это самое чистое место на планете. Наши наблюдения показывают, что выпадающие там осадки загрязнены только за счет деятельности человека на материках. Причем некоторые пробы значительно чище, чем приборы, которыми они берутся. То есть гораздо чище, чем дистиллированная вода, которой моется посуда для последующих наблюдений. Но мы знаем, что в последние десятилетия природа резко меняется. Понимание причин этих изменений и того, как они влияют на всю циркуляционную климатическую систему планеты, – это самое главное. Дрейфующая полярная станция в этом плане – абсолютно уникальная площадка. Сейчас, когда мы возобновили работу дрейфующих станций, к нашим исследователям, работающим в этом регионе, начало возвращаться былое уважение. А до этого уже появилось пренебрежительное отношение, несмотря на то, что Северный Ледовитый океан в первую очередь был исследован советскими учеными и они внесли основной вклад в его изучение.

– Изменились ли как-то в последние годы территории обитания животных в Арктике?

– Да, те виды, которые раньше встречались в традиционных местах обитания, за счет отступления льда и прогрева водных масс поднялись на два градуса выше, как с запада, так и с востока. То есть тихоокеанские виды стали двигаться на запад, а атлантические – на восток. В 2013 году, когда мы шли на атомном ледоколе, сняв дрейфующую станцию, в июне в море Лаптевых обнаружили гренландского кита. Они там раньше не наблюдались. Киты обычно никогда не заходили дальше Земли Франца-Иосифа. Значительно дальше распространились некоторые виды птиц.

В.Т. СОКОЛОВ

Перед расставанием. Коллектив дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный полюс – 39». Атомный ледокол «Россия» готовится отходить от льдины станции

Панорама дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный полюс – 36»

– *А на Северном полюсе вы были?*

– Да, на Северном полюсе я был одиннадцать раз.

– *Когда попали туда в первый раз, что вы почувствовали?*

– Знаете, даже не сохранились эти впечатления, поскольку это было связано с работой, с посадкой самолета в районе Северного полюса. Помню, в 2001 году нас высадили с двумя моими коллегами на лед в полутора километрах от Северного полюса. Мы поставили палатку, развернули наблюдения. Наша льдина дрейфовала в сторону полюса, и мы, когда появилось время, отправились пешком к нему. Когда подошли, попытались по GPS-приемнику найти эту точку с координатами 90 градусов и нулевой меридиан, то есть это значило бы, что мы на полюсе. Мы стоим втроем, казалось бы, полюс где-то рядом, он между нами, но «поймать» эту точку по приборам нам так и не удалось. Мы «кружились» вокруг нее минут сорок, потом поняли, что прибор не позволит нам это сделать, и отправились к палатке.

– *На какие важные вопросы, на ваш взгляд, Арктика должна дать ответы?*

– В первую очередь ответ на вопрос, насколько она выполняет функции мирового холодильника. У нас их два. Арктика и Антарктика. Если они работают, то они охлаждают планету и позволяют поддерживать тот благоприятный режим жизни,

который на ней существует. А если будет продолжаться потепление в Арктике, то это приведет к еще более сильному и активному потеплению на всей поверхности планеты. Тогда в экваториальных и субэкваториальных зонах усилятся пустынеобразующие процессы, будет развиваться активная циклоническая деятельность, энергия циклонов значительно увеличится, возрастет количество осадков, которые приведут к периодическим затоплениям некоторых территорий. Начнут таять ледники, что, собственно, сейчас уже происходит. В конечном счете это приведет к тому, что наша атмосфера станет более активной, уровень океана повысится, часть береговых территорий будет затоплена, и такие страны, как Нидерланды, прекратят свое существование. По крайней мере, большая их часть, так как при помощи дамб они отвоевали большие территории у моря.

– *Вы, наверное, за столько лет работы в Арктике уже привыкли к холоду?*

– Его можно воспринимать как неизбежное, но привыкнуть к холоду невозможно. Это для европейского человека. А для эскимосов, эвенков и других коренных народов Крайнего Севера, постоянно живущих в тех условиях, холод – это не проблема. Это их мир. А для нашего организма и мировосприятия, связанного с другими широтами, попадание в Арктику – это вторжение в чужой мир. И наша задача – его изучать. ❶

Н.М. КУЗНЕЦОВ

ВОЙНА ОТ ЛУКАВОГО

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В АРМИИ ЗА СЛОВОМ В КАРМАН НЕ ЛЕЗУТ. ЗА ПРОЗВИЩАМИ – ТОЖЕ. ОНИ ТОЧНЫ И ПОДЧАС ВЕСЬМА ОСТРОУМНЫ. «ГЕНЕРАЛ ВПЕРЕД» – ЭТО АЛЕКСАНДР СУВОРОВ. «АТАМАН ВИХРЬ» – МАТВЕЙ ПЛАТОВ. «ОРЕЛ» – АЛЕКСЕЙ ЕРМОЛОВ. «БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ» – МИХАИЛ СКОБЕЛЕВ. «ПЕРВАЯ ШАШКА» – ЛУЧШИЙ РУССКИЙ КАВАЛЕРИСТ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ГРАФ ФЕДОР КЕЛЛЕР.

БЕЗУСЛОВНЫЕ ВОЕННЫЕ авторитеты и прозвища себе получали исключительно бравадные. Иначе обстояло дело с начальниками, лишенными в

войсках ореола безупречности. Алексея Брусилова за глаза называли «Лисой». И за умение ладить с вышестоящими на грани подхалимажа, и за скромное телосложение вкупе с мелкими и

острыми чертами лица. Генерал Павел Ренненкампф удостоился клички «Желтая опасность». Существительное говорит само за себя – уж больно строг был генерал, а вот природа цвета объяснялась тем, что Павел Карлович неизменно носил форму Забайкальского казачьего войска, отличавшуюся желтыми лампасами. Генерал-квартирмейстер Ставки Главковерха начиная с августа 1915 года Михаил Пустовойтенко, все действия которого ежеминутно контролировал начальник штаба Ставки педант Михаил Алексеев, по такому случаю был переименован в «Пустоместенко». Генерала Михаила Бонч-Бруевича стали именовать «Советским генералом» сразу после Февральского переворота 1917 года, когда он поспешил наладить отношения с Псковским советом и был тут же выбран в его исполком. Всегда хладнокровный, неулыбчивый, порой угрюмый, от природы монументальный, генерал Николай Юденич заслужил прозвище «Кирпич». Судачили, что Николай Николаевич про тяжеловесную кличку ведал, но виду не подавал. Натурально, «Кирпич».

А вот знал ли свое прозвище другой Николай Николаевич? Великий князь, дядя последнего императора, Верховный главнокомандующий Русской армией в первый год Первой мировой войны. И если знал, то в силу нрава наверняка относился к ней неоднозначно. С одной стороны, прозвище характеризовало не лучшим образом. С другой – еще как льстило самолюбию. «Лукавый!» Особенно если учесть, что произвела это прозвище офицерская среда из строк, завершающих молитву «Отче наш». Всяк православный должен помнить: «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого»...

Великого князя в обильной романовской семье звали куда как менее многозначительно. Просто – «Николаша». Именно так к нему обращался и Николай II, хотя племянник был моложе дяди аж на неполных двенадцать лет.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Основательница женского Покровского монастыря в Киеве великая княгиня Александра Петровна, в инокинях Анастасия, мать великого князя Николая Николаевича-младшего

тость, мягкость, выдержку. Нелучайно, овдовев, она приняла постриг под именем Анастасии в киевском женском Покровском монастыре, ею же и основанном в 1889 году. В-третьих, повышенное количество адреналина в крови беспокоило как раз ее супруга, отличавшегося любвеобильностью и склонностью к похождениям различного рода. Буйство нрава проявилось под конец жизни Николая Николаевича-старшего. В дневнике вхожей в ближний круг князя генеральши Александры Богданович за октябрь 1890 года записано: «Бедный вел. кн. Николай Николаевич-старший сошел с ума. Пункт помешательства – что все женщины в него влюблены. Харьковский профессор, психиатр Ковалевский, нашел, что он неизлечим».

О серьезном психическом расстройстве генерал-фельдмаршала знала и его супруга, что подтверждается в ее письмах младшему сыну, Петру. Ведали про то и в Зимнем дворце. Еще в 1880 году царственный брат уволил Николая Николаевича с должности главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа по причине расстроенного здоровья. Процесс отдаления фельдмаршала от реальных процессов в государстве продолжился и при императоре Александре III. После кончины князя в апреле 1891 года в крымской Алушке государь отписал сыну-цесаревичу: «...но эта смерть скорее была желательна; в таком страшно печальном положении находился он все последнее время, почти в полном идиотизме... и в Алушке он уже не жил, а прозябал».

Так что если и винить кровь предков, то перетекла она в сына скорее от отца, чем от матери. На мой взгляд, существует еще одна причина, по которой «Николаша» отличался от многочисленных дядьев, кузенов и племянников несдержанностью нрава и неустойчивым настроением. Его родители венчались в самом начале 1856 года, а спустя десять лет Нико-

Сейчас, когда утих закономерный пафос, связанный с перезахоронением праха великого князя и его супруги Анастасии Николаевны 30 апреля 2015 года в Москве, в Преображенской часовне Братского воинского кладбища, стоит спокойно и рассудительно взглянуть на этот яркий и неоднородный персонаж нашей истории на излете империи.

ПАМЯТЬ КРОВИ

Великий князь приходился внуком императору Николаю I. Правда, своего выдающегося деда живым не застал. Родился в ноябре 1856 года, когда на трон уже взошел старший брат его отца – Александр II. Будущее первенца было предопределено, как в свое время оно оказалось предопределено и для его отца – великого князя Николая Николаевича-старшего, третьего сына Николая I. И это будущее – армия.

Граф Сергей Витте, неоднократно встречавшийся с «Николашей» в неформальной обстановке, свидетельствовал, что великий князь отличался взрывным темпераментом и впадал в гнев мгновенно. Эту черту экспремьер правительства объяснял наследственностью. Ведь

Великий князь Николай Николаевич-старший, главнокомандующий действующей армией в Турции. 1880-е годы

мать – Александра Петровна, в девичестве принцесса Ольденбургская – приходилась правнучкой императору Павлу I, в аномальности которого Витте был убежден. Равно как и в том, что эта, как он выражался, аномальность, а на самом деле повышенная эмоциональность, спонтанная экспрессия, передавалась великому князю от матери. Спорное, мягко говоря, утверждение. Ведь будучи праправнуком императора Павла Петровича по линии матери, «Николаша» являлся правнуком того же Павла по линии отца. Во-вторых, все, знавшие великую княгиню Александру Петровну, вспоминали ее кро-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий князь Николай Николаевич-младший. Миниатюра 1880-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лай Николаевич-старший фактически выгнал жену из дома, обвинив в супружеской измене со священником дворцовой церкви протоиереем Василием Лебедевым и лишив средств к существованию. Обязанности по содержанию княгини взял на себя император Александр II. Хуже того, сам князь еще до этого скандального события, несколько не таясь, жил на две семьи. Его любовницей – а по сути, гражданской женой – стала балерина Петербургской императорской труппы Екатерина Числова, родившая князю пяти-шести детей. Впоследствии Александр III исполнил просьбу дяди Низи (так звали Николая Николаевича-старшего родственника), и Числова с детьми превратились в дворян Николаевых. Последние годы эта семья жила в роскошном Николаевском дворце на Благовещенской площади, специально построенном в середине XIX века для великокняжеской пары: Николая Николаевича Романова и Александры Петровны Ольденбургской. Крайне сомнительно, что все эти семейные дразги и скандалы не сказались на формирующемся мироощущении сыновей фельдмаршала: Николая и Петра, которым в год изгнания из дома матери исполнилось 10 и 2 года соответственно.

Николаевский дворец в Санкт-Петербурге, резиденция великого князя Николая Николаевича-старшего. XIX век. Литография по рисунку И. Шарлеманя

Екатерина Гавриловна Числова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПУТЬ ОФИЦЕРА

По той же причине в официальных биографиях Николая Николаевича-младшего крайне скупое сообщается о детстве и отрочестве. После рождения был приписан к лейб-гвардии Гусарскому полку. Кто мог знать, что мальчик вымахает под 2 метра ростом, а в легкой кавалерии такие габариты не приветствовались. Получил отличное домашнее образование. В 15 лет стал юнкером Николаевского инженерного училища. Из училища «Николаша» вышел прапорщиком, некоторое время служил в учебном пехотном батальоне в столице, затем поступил в Нико-

лаевскую академию Генерального штаба, которую окончил, по его собственным словам, с золотой медалью за год до начала последней русско-турецкой войны. Впрочем, другие источники утверждают, что медаль хоть и была, но малая серебряная. На войну князь отправился в качестве офицера для особых поручений при главнокомандующем Дунайской армией. А главнокомандующим был его отец. Казалось бы, замечательный повод подвергнуть сомнениям основания для награждения 21-летнего офицера орденом Святого Георгия 4-й степени и Золотым оружием. На самом деле это как раз тот случай, когда родственные узы были развязаны полностью.

Первым особым поручением стала рекогносцировка берегов Дуная для определения наиболее удобного для переправы места. Капитан Романов справился с заданием на отлично, и 14-я пехотная дивизия под командованием генерала Михаила Драгомирова, усиленная казаками и артиллерией, ночью форсировала реку, отбросила турок от берега и захватила плацдарм у Систовских высот. Дивизия и приданные ей части осуществляли переправу в два захода. Солдаты первой волны пересекли Дунай и десантировались прежде, чем турки очухались. А вот второй волне пришлось переправляться под интенсивным огнем. В этой волне рядом оказались Николай Николаевич-младший и... генерал Михаил Скобелев, вызвавшийся волонтером.

Великий князь лично участвовал в боях за овладение Систовскими высотами на болгарском берегу – повел в атаку одну из пехотных колонн. За что и получил Георгия. Золотое оружие «За храбрость!» – это за бои на Шипкинском перевале в отряде князя Святополк-Мирского. В том же, 1877 году «Николаша» производится в полковники. Практически все, видевшие князя в деле, уверены в том, что личной храбрости ему было не занимать. Это доказывает и бо-

лее поздняя история, из 1905 года. Николай Николаевич пребывал в тульском имении Першино, когда грянула забастовка железнодорожников. А тут как назло – распоряжение императора о срочном прибытии в Петербург. Революция в разгаре, Первопрестольная готовится к боям, а великий князь с малым числом адъютантов и псарей верхом на рысях мчится из Тулы в Москву. И ничего – доскакал. На поезд и – в Питер! А вот государственной смелости князю явно не доставало. В дни Первой русской революции, когда ситуация почти вышла из-под контроля, Николай II стоял на распутье: то ли ввести «чрезвычайку», то ли пойти на серьезные уступки народу, а в сущности – либерально-политической группировке. При первом варианте особая роль – военного диктатора – отводилась дяде. Но когда до великого князя дошла сия новость, он ворвался в императорский дворец и в кабинете министра двора барона Фредерикса с выхваченным из кобуры револьвером в руке разродился: «Если император не примет программу Витте, если он захочет заставить меня стать диктатором, то я застрелюсь в его присутствии вот из этого самого револьвера. Я иду к царю; я заехал к вам только для того, чтобы сообщить о своих намерениях. Вы должны помочь Витте во что бы то ни стало! Это необходимо для блага России и для всех нас». И грянул над империей Манифест от 17 октября! Тем удиви-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тельнее, что один из авторов либеральной реформы, Сергей Витте, отзывался в мемуарах о Николае Николаевиче очень поразному. Вплоть до фамильярного: «У него был зайчик в голове». И уж совсем откровенно: «Николай II никогда бы не подписал октябрьского Манифеста, если бы на этом не настоял великий князь Николай Николаевич». Но вернемся к военной карьере. После русско-турецкой войны князь направлен в лейб-гвардии Гусарский полк. Он прослужил в царскосельских гусарах двенадцать лет, пройдя путь от командира эскадрона до командира полка. В 1890 году получил чин генерал-лейтенанта и 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию под руку. Любопытно, что оба князя – и Старший, и Млад-

Капитан великий князь Николай Николаевич – младший – выпускник Николаевской академии Генерального штаба

ший – были тесно связаны в начале военных карьер с инженерным делом. Отец принимал присягу в лейб-гвардии Конно-Пионерном эскадроне – инженерной части, сын учился в Николаевском инженерном училище. И оба страстно любили... кавалерию. Последний серьезный проект Старшего – обновление Офицерской кавалерийской школы в Петербурге в 1879 году, превратившейся вскоре в центр подготовки старших кавалерийских офицеров и центр изучения кавалерийского дела вообще. Самое счастливое время для Младшего – период с 1895 по 1905 год, когда он занимал должность генерал-инспектора кавалерии, в коей весьма преуспел. Русская конница – самая многочисленная в мире – в это время медленно, но верно возвращала себе и статус самой лучшей.

Недоброжелатели в один голос упрекали Николая Николаевича в том, что он слишком много внимания уделял парадной стороне дела. Вот высокая и тонкая фигура замерла в полупоклоне где-то на маневрах в Красном Селе, глаза вперились в стрелки хронометра: каждый всадник должен уложиться в норматив преодоления заданного расстояния на заданном же аллюре секунда в секунду. Иначе – разнос! Все верно, любил князь парады и маневры. Но также неоспоримо и то, что при нем кавалерия подтянулась: конский состав стали тренировать и учить не только парадному строю, но и работе в боевых условиях. И лошади, и люди в полках стали более выносливы, обучены, смекалисты. Высокий уровень русской кавалерии подтвердила Первая мировая война. Другое дело, что использовали ее мало, это особенно досадно было на начальном, маневренном этапе войны, когда за счет кавалерийских рейдов, охватов, быстрых перемещений можно было достичь заметных успехов. Тем удивительнее, что в эти месяцы армией верховодил заядлый кавалерист «Лукавый».

Императорская Николаевская академия Генерального штаба (Императорская Николаевская военная академия). Фотография начала XX века

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Николай Николаевич мечтал командовать. Видел в этом и призвание, и миссию. И вот парадокс: до женитьбы – а случилось сие, когда князю стукнуло 50, – он отличался не только повышенной гневливостью в адрес подчиненных, но даже жестокостью и привычкой унижать. Что уж тут рассуждать об объективности – качестве, необходимом любому военачальнику. Без нее – как выбрать единственно верное решение? После женитьбы на черногорской княжне Анастасии князь вроде бы переменился, стал мягче, до прямых оскорблений опускался все реже. Но в главных своих «темных» качествах остался прежним. Мгновенно впадал в ярость, если что-то выходило не по нему. И оставался человеком высокомерным. Спрашивается, как можно с уважением, любовью, даже восторгом относиться к такому человеку и такому командиру? Но ведь именно так многие офицеры и относились к великому князю. Да и в солдатской среде он был популярен. Большинство солдат-срочников перед Первой мировой войной еще не родились, когда «Николаша» получал первый боевой опыт на Дунае, и о русско-турецкой войне только слухом слыхивали. К слову. С той поры «Лу-

Группа офицеров лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка в нарядах начальных людей «копейщиков», существовавших в конце XVII столетия при стрелецких полках. Второй слева в первом ряду – великий князь Николай Николаевич. Фотография Левицкого

Анастасия (Стана) Черногорская, в первом браке княгиня Романовская Лейхтенбергская, с мая 1907 года жена великого князя Николая Николаевича-младшего

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

кавый» ни на одной войне замечен не был. А ведь имелись места, где блеснуть военному гению: Туркестанские походы, Боксерское восстание в Китае, наконец, русско-японская во-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

йна. Кстати, император дважды предлагал князю возглавить армию на дальневосточном театре военных действий в 1904–1905 годах. И оба раза «Лукавый» отказался. А в него как в военачальника в войсках продолжали верить.

В 1905 году он возглавил Совет государственной обороны – придуманную им же самим надстройку над всеми военными и военно-морскими структурами страны. СГО сделал одно хорошее дело – провел чистку в генеральских рядах, когда в отставку были отправлены сотни высших и старших офицеров, явно балластных. А потом начались склоки с Военным министерством, Генштабом, адмиралтейством и прочая. Казалось бы, множество врагов должно было появиться у князя: и в связи с чистками, и в связи со склоками. Ан нет, он по-прежнему

П. Ковалевский.
Переправа через
Дунай. 1880 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

авторитетен, любим, превозносим. Загадка!

Такой, например, случай. «Лукавый» крайне плохо относился к командующему Гвардейским корпусом генералу Владимиру Безобразову. На учениях князь инспектировал один из гвардейских полков. Офицеры догадывались, что как ни пройди, а доброго слова от Николая Николаевича не дождешься. Так и случилось. С особым удовольствием князь обыгрывал фамилию нелюбимого генерала: «Безобразно прошли!» После князя взял слово командир полка. И с особым чувством поздравил роты с успешным результатом. Позже за обедом великий князь обратился к офицерам полка с просьбой простить ему несправедливые слова, сказанные перед строем. И подытожил: «Замечательный полк!»

Может быть, тут отгадка? Подкупавшая прямота, столь ценная солдатом; энергия, бывшая через край и заставлявшая шевелиться самого ленивого офицера; близость к полковым манежам, а не к дворцовому паркету...

Когда приблизилась большая война, перед императором Николаем II возник вопрос, кого

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич

Великий князь Николай Николаевич во время охоты в своем имении Першино Тульской губернии. 1910-е годы

поставить над войсками. Государь планировал на должность Верховного назначить себя самого. Этого же решения чаял военный министр Владимир Сухомлинов, видевший себя в роли начальника штаба Ставки. На обсуждении вопроса в правительстве все министры, за исключением военного, выступили против. В империи множество важных дел, требующих присутствия царя в столице, – таково было коллективное мнение господ руководителей. Интересно, сами они отдавали себе отчет в том, что раз царь так необходим во главе правительства, значит, среди двадцатки министров нет ни одного, способного хотя бы временно справиться с бременем власти?

Мало кто из посвященных сомневался, что и в армии такого человека нет. Не родила Россия матушка к нужному времени новых Румянцевых и Суворовых. Возникла ситуация, столь знакомая по пословице про рака и безрыбье. Кандидатура великого князя оказалась единственно приемлемой. Вовсе не потому, что за него говорил какой-либо начальнический боевой опыт, не потому, что в штабных стратегических играх «Николаша» когда-либо демонстрировал полководческий дар. Выбор пал на Николая Николаевича потому, что он пользовался

популярностью в армии и народе в целом. Хотя именно он среди прочих Романовых народ вокруг себя не замечал совершенно.

Вот, пожалуй, самая точная характеристика Главноверха, данная его двоюродным братом великим князем Александром Михайловичем, вовсе не питавшим к «Николаше» дружеских чувств: «...Николай Николаевич был превосходным строевым офицером. Не было равного ему в искусстве поддерживать строевую дисциплину, обучать солдат и готовить военные смотры». И ни слова – о стратегическом таланте или военном гении. Примерно в том же духе – кто с пиететом, кто с нелюбовью – высказывались современники и сотоварищи князя по войне. Адмирал Бубнов писал, что Николай Николаевич, «по природе своей честный, прямой и благородный, соединял в себе все свойства волевой личности, т.е. решительность, требовательность и настойчивость». Протопресвитер Русской армии отец Георгий Шавельский вспоминал, что «Николая Николаевича все считали решительным. Действительно, он смелее всех других говорил царю правду; смелее других карал и миловал, смелее других принимал ответственность на себя. Всего этого отрицать нельзя, хотя нельзя и не признать, что ему, как старей-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Командиры лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка во время празднования 300-летия дома Романовых. Второй справа – великий князь Николай Николаевич. 1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

шему и выше всех поставленному Великому Князю, легче всего было быть решительным».

Что ж, думается, решительность – важное полководческое качество, но все-таки не единственное.

Полномочия Верховного были огромны. Он подчинялся только напрямую государю. Единственное ограничение заключалось в том, что Ставка не командовала военным министром, от которого зависели резервы и тылы. Врожденная конфликтность «Лукавого», помноженная на сложные личные отношения с министром Сухомлиновым, привела к тому, что две ключевые фигуры Русской армии в начале войны, мягко говоря, не сработались.

Солдат до мозга костей – оно, конечно, так. Но нелюбовь к штабам и паркетам, прямота и благородство вовсе не означали отсутствия всякого интереса к политическому закулисию. Тем более что великий князь ненавидел и любил с одинаковой лихостью. Те, кому он доверял, могли пользоваться его политическим и личным ресурсом без лишней скромности. И пользовались, разумеется. Владимир Сухомлинов был не самым лучшим военным министром империи. Это факт. Но интрига, подержанная «Николашей» против

него, обернулась обвинением в измене и шпионаже жандармского полковника Мясоедова. Прямых доказательств не обнаружили, но по скоропалительному решению суда – повесили! И не было великому князю и его окружению никакого дела до несчастного полковника. Важно было свалить Сухомлинова, что в июне 1915 года и удалось. А заодно вынесли из правительства министра юстиции Щегловитова и руководителя МВД Маклакова.

К этому времени «Николаша» слишком глубоко проникся собственной значимостью. В Барановичи, где располагалась Ставка, начали ездить министры, политики, крупные предприниматели. В стране сформировался второй центр силы. Главковерх уже мог позволить

Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926), военный министр (1909–1915). 1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

себе публично рассуждать о необходимости принудительно отправить императрицу в монастырь. Что уж тогда вспоминать его ответ Распутину, намеревавшемуся посетить Ставку и написавшему: «Приеду – утешу». Прекрасно понимая, что обиженный старец пожалуется царю, князь не стал себя сдерживать: «Приедешь – повешу!» О претензиях Николая Николаевича на трон заговорили в обществе. Хотя, как показали 1917 год, Гражданская война и эмиграция, претензии если и были, то очень робкие и неоформленные. Всякий раз, как перед князем возникала перспектива стать официальным лидером, он предпочитал отказаться.

Помимо интриг был еще фронт. И там дела начиная с мая 1915 года развивались неудачно. После Горлицкого прорыва, совершенного германской ударной группой генерала Макензена, русские части начали откатываться по всей линии противостояния. Были отданы Львов и совсем недавно взятая крепость Перемышль, одна за другой сдавались западные крепости Ковно, Новогеоргиевск, Брест, Ивангород, 4 августа пришлось оставить Варшаву. Войска несли огромные потери, так как катастрофически не хватало стрелкового оружия, патронов, оружейных снарядов. Весь запас мирного времени давно был израсходован, а пополняли его с трудом. Своя промышленность только перестраивалась на войну. Согласно прогнозам Генштаба, драка предстояла скоротечная, от силы на полгода, а потому и в голову не пришло озаботиться заранее. Союзники – Франция и Англия – только кормили обещаниями, срывая поставки заказанной и оплаченной военной продукции. Приходилось оплачивать еще раз – солдатской кровью.

Только ли Главковерх нес ответственность за то, что позже назвали «Великим отступлением Русской армии»? Нет, разумеет-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Номер военного журнала «Часовой», посвященный памяти великого князя Николая Николаевича. Париж. Январь 1929 года. Титульный лист

ся. Было с кого спросить государю, в том числе и с самого себя. Он и спросил. Николай Николаевич отправился наместником на Кавказ, а царь возложил ответственность за фронт на себя. Как изначально и задумывалось.

На Кавказском фронте «Николаша» попробовал вести себя привычным манером, но начальник штаба Кавказской армии генерал Юденич оказался «Кирпичом» огнеупорным. Победа под Эрзерумом, организованная и осуществленная Юденичем, окончательно успокоила турецкую армию. Заодно успокоился и великий князь, занявшийся сугубо гражданскими делами в Тифлисе.

БЕЗ БОЛЬШОГО ДЕЛА

Великий князь Александр Михайлович считал, что, оказавшись «Николаша» на своем месте в феврале 1917 года – а именно в должности командующего гвардией и Петроградским гарнизоном, – переворота бы не случилось. В свою очередь, император Александр I как-то заметил: «Нельзя остановить ход истории, на него можно лишь повлиять». И в том, что Николай Николаевич повлиял, сомнений нет. Его телеграмма царю, в которой он призвал Николая II к отречению, стала

самым сильным ударом по решимости государя сопротивляться заговору думцев и генералов. Поэтому вспомним лишний раз про историю и пресловутое сослагательное наклонение.

После того как премьер Временного правительства князь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Визит императора Николая II и великого князя Николая Николаевича в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк. 1914 год

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич

Георгий Львов дезавуировал последний приказ Николая II о назначении Главверхом великого князя, тот фактически карьеру – и военную, и уж тем более политическую – завершил. Имелись попытки реанимации, но совершались они другими людьми, а сам князь от этих попыток старательно уклонялся. Он отказался возглавить добровольческое движение на Юге России в 1918 году, хотя предложение делал хорошо ему знакомый генерал Михаил Алексеев. В 1922 году после Рейхенгалльского съезда русских монархистов в эмиграции Николая Николаевича официально пригласили стать лидером монархического движения. В своем отказе князь был категоричен.

Живя в эмиграции, сначала в Италии, потом во Франции, Николай Николаевич написал мемуары, подготовил к печати дневники. Согласно завещанию они смогут превратиться в книги не ранее 2029 года. А доселе – храниться им в закрытых архивах. На сей раз прямой и решительный князь полностью оправдал данное ему прозвище. Разве не лукавство – отсрочить на сто лет после собственной смерти возможность другим людям узнать о прошлом что-то очень важное? 📖

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЛЫЖЕБЕЖЦЫ, ЦИКЛИСТЫ И СВЕРХЧЕЛОВЕКИ

Фигуристы
на Симеоновском
катке в Петербурге
на набережной
Фонтанки,
у Симеоновского
моста. 1900 год

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

«НО ТОЛЬКО ТОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СПОРТСМЕН – КТО РАЗОРВАЛ ПЕЧАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ПЛЕН: ОН ЗНАЕТ МИР, ГДЕ ДЫШИТ РАДОСТЬ, ПЕНЯСЬ...» – ТАК ПИСАЛ ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В СТИХОТВОРЕНИИ 1913 ГОДА.

ИДЕЯ УКРЕПЛЕНИЯ здоровья овладела умами не так уж давно – всего лишь полтора века назад, когда в середине XIX столетия в обществе стали активно обсуждаться такие вопросы, как загрязненность городов, неурожаи, инфекционные заболевания.

Можно сказать, что в последней четверти XIX века спорт стал всеобщим увлечением в России. Появились первые спортивные клубы, проводились первые соревнования. В октябре 1900 года московским генерал-губер-

натором был утвержден устав Московского общества любителей лаун-тенниса, а годом раньше, в 1899 году, – уставы Клуба лыжников и Клуба автомобилистов.

МЕЧТЫ О ДОЛГОЙ ЖИЗНИ

Как увеличить продолжительность жизни и победить старение? Эти вопросы волновали общество не меньше, чем громкие политические события и театрально-художественные премьеры. И общественные дебаты, и научные дискуссии были свидетельством попыток

человечества физически выжить. Ведь по медицинским данным рубежа XIX–XX веков, даже в самых благополучных странах средняя продолжительность жизни была по нынешним меркам незначительной: в Англии – 46 лет, во Франции – 47,4, в Дании – 51,9, в Норвегии – 52,2, в Швеции – 52,3 года. Россия в этом списке занимала одну из последних строк. Средняя продолжительность населения Российской империи составляла 32,3 года: 31,3 года для мужчин и 33,4 – для женщин.

Нобелевская премия 1908 года была присуждена Илье Ильичу Мечникову и немецкому ученому Паулю Эрлиху за разработку фагоцитарной теории иммунитета. Мечников с 1887 года работал в Пастеровском институте в Париже. Он разработал теорию инфекционных заболеваний,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ми жителями, они стремились компенсировать недостаток движения пешими прогулками. Например, кожевенный фабрикант Александр Бахрушин, доживший до 93 лет, согласно воспоминаниям его внука, «по раз и навсегда заведенному правилу каждый день, невзирая на погоду, отправлялся на свою пешеходную прогулку, длившуюся час или два. Когда ему перевалило за девяносто, по настоянию детей он нехотя согласился, чтобы во время прогулок на всякий случай рядом с ним ехала его пролетка или сани с кучером».

Также мемуары Юрия Бахрушина сообщают, что другой его дед, суконный фабрикант Носов, в юности играл в русские народные подвижные игры – городки и бабки. Внук писал, что дед был «врожденным русским спортсменом, но отнюдь не по физкультурным соображениям, а из-за любви к воздуху, к движению, к природе. Почти до конца своих дней, встав утром с постели, он обливался двумя ведрами холодной воды из-под крана. Когда по каким-либо обстоятельствам ему этого не удавалось сделать, он чувствовал себя не по себе, как он говорил «каким-то вареным». Летом он постоянно купался, невзирая на погоду, бросаясь прямо в воду головой вниз». А как-то раз старый Носов, долго наблюдая, как молодежь довольно беспомощно упражняется в прыжках, кувыркании, хождении на руках и прочих «турдефорсах» (здесь – ловкие гимнастические трюки. – Прим. авт.), вдруг не выдержал, растолкал всех и прошелся колесом, к восхищению присутствующих. В своих внуках он «с особенной заботливостью культивировал любовь к спорту». Дети Носова славились на всю Москву своей англоманией и чуть ли не первыми завели теннисные корты. Носов, которому было под семьдесят, сначала подтрунивал над игрой, а потом сам так увлекся большим теннисом, что «играл всегда с большим азартом».

которые подтачивают силы человека.

Ранее, в январе 1900 года, журнал «Вокруг света» писал о Мечникове: «Из Парижа только что пришли вести о новом удивительном открытии нашего соотечественника профессора Мечникова. Это открытие если не сулит нам вечную молодость, то, во всяком случае, отсрочивает на много лет гибель человека – его смерть. Победить анемию можно увеличением в организме красных кровяных телец. Насколько именно может быть продлена человеческая жизнь, сказать нельзя, но... в Англии в начале нынешнего столетия один старик дожил до 260 лет. Вот какая долгая жизнь предстоит людям, если профессору Мечникову удадутся его дальнейшие опыты, так блестяще начавшиеся».

Пресса тех лет сообщала о распространении интереса к гигиене и рождении множества гигиенических теорий. Возникло вегетарианство, явился «профессор Егер со своею нормальною одеждой, в которой тело «дышит», пастор Кнайпп со своими советами ходить без обуви. В Берлине даже образовалось общество хождения босиком». Идеи баварского пастора Себастьяна Кнайппа об оздоров-

лении холодными обливаниями, растираниями, хождением босиком по росе и камням действительно стали весьма популярны в России.

Начиная с 80-х годов XIX века среди состоятельных русских интерес к культуре тела и закалке стал всеобщим. Не исключено, что косвенную роль в этом сыграло и то обстоятельство, что датская принцесса Дагмара, ставшая в замужестве за Александром III императрицей Марией Федоровной, была с юности очень ловкой гимнасткой и принесла свои увлечения на «вторую родину».

И вот что интересно: люди прошлого практически не знали гиподинамии. Даже став городски-

Ученый-физиолог Иван Петрович Павлов (второй справа) с игроками в городки. 1910-е годы

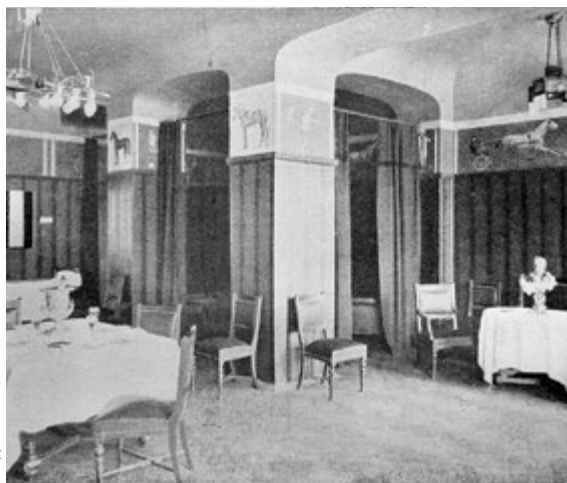
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Илья Ильич Мечников

Урок гимнастики
у V и IV классов
в Московском
Елизаветинском
институте

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ШВЕДСКАЯ ГИМНАСТИКА

Первые гимнастические залы, куда возили для занятий детей, возникли в Москве в 1880-е годы. Преподавателями были приезжие иностранцы – шведы, немцы, датчане, потому модное развлечение так и называли «шведской гимнастикой». На Цветном бульваре был немецкий гимнастический клуб «Турнферейн». Известным преподавателем там был Линденштрём – «огромного роста белокурый швед», который «всегда весело шутил, перевирал русские слова и сам первый громко хохотал над своими остротами». А самым популярным считался немец

(по другим данным, тоже швед, говоривший с учениками по-немецки. – Прим. авт.) Бродерсон, который устроил первый московский гимнастический клуб, на Большой Дмитровке. Сюда возили подростков из семей предпринимательской элиты – Третьяковых, Мамонтовых, Андреевых.

Одна из занимавшихся девочек, будущая жена поэта Константина Бальмонта, Катя Андреева, позже писала в мемуарах: «Мне очень нравились наши гимнастические костюмы. Светло-коричневые длинные шаровары из репса, такие же куртки и широкие кожаные пояса. <...> Я была лучшей уче-

Зал ресторана Скалкина в Петровском парке с настенными росписями на спортивные темы. Начало XX века

Зал в доме Московского гимнастического общества на Цветном бульваре. Во время Первой мировой войны здесь был устроен лазарет

ницей среди моих сверстников. Сам Бродерсон ставил меня в пример даже большим мальчикам: *Fräulein Andreev wird es gleich vormachen* (барышня Андреева покажет, как надо). И я, дрожа от волнения, срывалась с трамплина – навоощенных досок, поставленных для разбега, повисала на кольцах, переворачивалась, просовывала в них ноги и раскачивалась. Или впрыгивала на деревянную лошадь, соскакивала с нее».

По сценарию ежевечерних занятий физкультурники разделялись на группы по степени подготовки. Занимались все в огромном зале под звуки живого оркестра. На специальных балкончиках-антресолях могли размещаться зрители – обычно родственники занимающихся. Мемуаристы сообщали: «Вечер начинался с чисто военных, строевых эволюций, в конце которых оказывалось так, что все занимали свои назначенные им в зале места. Тогда старший инструктор, маленький ловкий чертообразный человечек, влезал на высокий помост, и начинался урок шведской гимнастики, одинаковой для всех групп». После общей разминки гимнасты по группам занимались на гимнастических снарядах, выполняя упражнения различной степени сложности.

Мода на занятия оздоровительной гимнастикой распространилась среди элиты

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Розыгрыш
первенства
Москвы
в Московском
клубе
легкоатлетов.
Сентябрь
1913 года

БАРСКАЯ ЗАБАВА

Повальное увлечение конца XIX века – большой теннис. Вышедший в 1899 году справочник «Дачное обозрение и летний спутник москвича» сообщал, что игра «лаун-теннис» «крайне интересна и удобна для участия в ней дам», а «играть в лаун-теннис можно вдвоем, втроем или вчетвером». Почти до 1930-х годов по-русски игра называлась «lawп-теннисом», дословно – «теннисом на лужайке».

Ностальгически-поэтическое описание теннисной игры в усадьбе Рождественно Петербургской губернии оставил Владимир Набоков в своих воспоминаниях «Другие берега»: «Новая теннисная площадка – в конце той узкой и длинной просади черешчатых дубков <...> – была выложена по всем правилам грунтового искусства рабочими, выписанными из Восточной Пруссии. Вижу мать, отдающую мяч в сетку – и топающую ножкой в плоской белой туфле. Майерсовское руководство для игры в лоун-теннис перелистывается ветерком на зеленой скамейке. <...> Воздушная блуза и узкая пикейная юбка матери (она играет со мной в паре против отца и брата, и я сержусь на ее промахи) принадлежат к той же эпохе, как фланелевые рубашки и штаны мужчин. Поодаль, за цветущим лугом, окружающим площадку, проезжие мужики глядят с почтительным удивлением на резвость господ... У отца сильная прямая подача в классическом стиле английских игроков того времени, и, сверяясь с упомянутой книгой, он всё справляется у меня и у брата, сошла ли на нас благодать – отзывается ли драйв у нас от кисти до самого плеча,

довольно быстро. Юрий Бахрушин, родившийся в 1896 году, писал: «Заботясь о моем образовании, мои родители не упускали из вида и мое физическое развитие. Гимнастика, или, как это теперь называют, физкультура, входила в план моего воспитания. Моя мать сама любила физические упражнения и с увлечением отдавала дань модной тогда «Моей системе» Мюллера. Я лично с восьми лет посещал физическую лечебницу доктора Соколова, где усердно манипулировал какими-то сложными гимнастическими приборами. Это заведение было рекомендовано моим

родителям как средство окончательно изжить остатки повреждения ноги при падении и начинавшейся хромоты. Лечение у Соколова стоило массу денег».

В начале XIX века расцвело движение сокольства, объединившее любителей массовых гимнастических упражнений. Гимнастику «соколов», воспринятую из Чехии, пропагандировали в России Первое русское гимнастическое общество в Москве и гимнастическое общество «Север» в Петербурге. «Соколы» считали важным соединением физического совершенствования с нравственным обновлением.

Дом Московского гимнастического общества на Цветном бульваре. Архитектор В. Фрейденберг. 1890-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Людмила Изнар, чемпионка России по теннису 1913 года, первая российская теннисистка, участвовавшая в международных соревнованиях (Монте-Карло, 1914 год). В Первую мировую войну была сестрой милосердия. После 1917 года в эмиграции

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

как полагается». Примечательно здесь упоминание о том, что в глазах «мужиков» теннис выглядел диковинной, «барской» забавой.

Теннисные корты были устроены во многих усадьбах, где проводили лето семьи московских купцов: у Четвериковых в Тимофеевке близ Щелкова, у Рябушинских в Кучине, у Найденовых в Северском близ Коломны. Сын текстильного фабриканта Юрий Бахрушин писал в мемуарах о том, что в 1900-х годах теннисом были увлечены все его родственники: «В теннис играли все – дед, отец матери, с лишним шестидесятилетний старик, мой отец, гости <...> не говоря уже о всей «молодежи», начиная с моей матери и кончая мною».

Теннис в усадьбе Самариных Молоденки Епифанского уезда Тульской губернии. В гости к сестре Антонине Трубецкой (в замужестве Самариной) приехали Трубецкие с друзьями. Слева направо: Н.А. Кисленский, княжна Варвара Трубецкая (в замужестве Лермонтова), князь Евгений Трубецкой (позже профессор филологии), княжна Александра Трубецкая (в замужестве Черток-ва), князь Сергей Трубецкой (позже профессор филологии). 1887 год

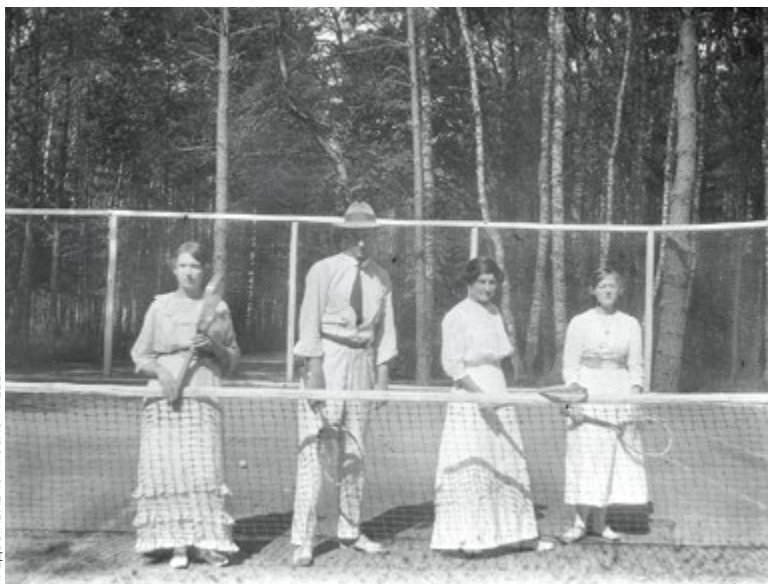
ЛЫЖЕБЕЖЦЫ И КОНЬКОБЕЖЦЫ

В конце того же, XIX века приобретают популярность занятия физкультурой и спортом, принимавшие общественные формы: катанье на коньках и лыжах. Благоустроенные платные катки устраивались в губернских и уездных городах.

В Москве конькобежцы облюбовали для соревнований каток Зоологического сада и каток «у Лазаревика» на Петровке. Там же на Петровке находился каток Московского речного яхт-клуба, славившийся «блестящей иллюминацией, двумя оркестрами военной музыки» и регулярно проводивший танцевальные вечера и факельные шествия. Еще один каток был на Чистом пруду – там также играл военный оркестр и действовало электрическое освещение до 10 часов вечера. Из окраинных районов было известно хорошим катком Лефортово.

О развлечениях на одном из катков Нижнего Новгорода дает представление объявление, помещенное содержанием катка Шибановым в газете «Нижегородский листок» зимой 1907 года: «В воскресенье 14-го января 1907 года вновь в честь публики <...> на катке Черного пруда будет устроена в 7½ вечера пиротехническая иллюминация, состоящая из следующих номеров: метеор, рог изобилия, телефон, солнце славы, голубки

Дочери московского предпринимателя Ивана Викуловича Морозова с гостями на теннисном корте в усадьбе Иславское. 1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Члены кружка любителей лыжного спорта «Полярная звезда» во время прогулки в окрестностях Петербурга. 1900-е годы

и жаворонки, роковые колеса, изображающие нарцисс, игра двух змей, звезды и кометы, свечная декорация, луна и звезды, приветствующие новый год, и в заключение – букеты». Помимо иллюминации, подготовленной пиротехником Быстрицким, для утешения публики на чернопрудском катке с 2 часов дня до 8 часов вечера играл духовой оркестр. Вход в

сад стоил всего 5 копеек, при этом «дети из сиротских приютов с провожатым» допускались бесплатно. Объявление сопровождалось примечанием, что «в случае неблагоприятной погоды или более 15 градусов мороза» иллюминация будет на неделю перенесена.

С 1903 года на катке Московского гимнастического общества на Патриаршем пруду проходили

На лыжах из Москвы в Петербург. Члены Московского Сокольнического кружка лыжников. 1913 год

забеги на первенство Москвы на трех дистанциях: 1500, 3000 и 5000 метров, а также соревнования по фигурному катанию.

В 1908 году петербуржец Николай Панин-Коломенкин стал олимпийским чемпионом по фигурному катанию на Играх в Лондоне. До этого он пять раз становился чемпионом России в этом виде спорта.

Естественно, Петербург соперничал с Москвой по части организации зимних спортивных состязаний. В Юсуповском саду Общество любителей бега на коньках ежегодно устраивало соревнования, заканчивавшиеся маскарадами. Там же соревновались и первые российские хоккеисты. О матче, состоявшемся 1 декабря 1900 года, газета «Новое время» писала: «В Юсуповском саду была игра в хоккей на льду. Несмотря на очень мягкий лед и лужи, игра велась оживленно и затянулась до весьма позднего времени». В феврале 1913 года в Северной столице прошел чемпионат Европы по конькобежному спорту. А московский «Клуб лыжебежцев» устраивал гонки-игры «В медведя». Разделившись на две команды, лыжники (из Сокольников и из Петровского парка) преследовали назначенного медведем гонщика, на спину которого прицепили медвежий хвост. «Медведь» был нагнан в Останкине, где на снежной поляне, как обычно, по-московски, окончание спортивной гонки завершилось бурным пикником...

Катя и Таня Четвериковы на лыжной прогулке в подмосковной усадьбе Тимофеевка. 1910 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Городской циклодром (место соревнования велосипедистов) в Богородске Московской губернии. Конец 1890-х годов

ИГРА ИЗ ТУМАННОГО АЛЬБИОНА

Новая заграничная игра под названием «футбол» постепенно завоевывала все больше поклонников. Первый футбольный матч состоялся в Петербурге в 1898 году.

Вскоре футбольные команды уже были созданы на ряде подмосковных предприятий, например на текстильной мануфактуре Викула Морозова. Их возникновение было связано с тем, что у Морозовых работали специалисты из Англии. После работы они любили «погонять мяч», а поскольку для полного комплекта команд англичан не хватало, то привлекали русских инженеров и рабочих. Рабочие-старообрядцы не сразу втянулись в игру – по религиозным убеждениям староверов игра и всякие развлечения считались делом греховным. Однако фабриканты Морозовы

считали, что пьянство гораздо греховнее, и потому поощряли занятия рабочих футболом.

По данным историка В.С. Лизунова, в 1911 году в Орехове-Зуеве и окрестностях было уже 29 команд и 30 футбольных площадок. Весной 1914 года в поместье Морозовых-Викуловых близ Орехова-Зуева был открыт настоящий футбольный стадион – прекрасно благоустроенный и рассчитанный на 10 тысяч человек. В честь открытия состоялась игра фабричной команды с командой Лондонского университета, окончившаяся победой гостей из Туманного Альбиона.

В 1910 году была организована Московская футбольная лига, объединившая московские и подмосковные любительские клубы. По сообщениям популярного иллюстрированного журнала «Искры», в 1911 году состоялся первый международный

Футбольный матч Россия–Швеция. Москва. 1913 год

Футбольная команда «Клуб-Спорт-Орехово» («морозовцы») фотографируется на память среди публики после матча с «финляндцами». Орехово. 1908 год. В начале XX века Орехово-Зуевская футбольная лига по количеству кружков была самой большой в стране, а команда «Клуб-Спорт-Орехово» («морозовцы») четыре года подряд (1910–1914) завоевывала первенство Москвы

футбольный турнир между командами Москвы и Берлина, год спустя – матч между командами Москвы и Финляндии. А на матче Россия–Швеция, состоявшемся в Москве в мае 1913 года, на трибунах присутствовало до 10 тысяч зрителей, при поддержке которых российская команда выиграла со счетом 8:2.

Тогда же физкультура вошла в программу средних учебных заведений. В элитарном петербургском Тенишевском училище, где учились Владимир Набоков и Осип Мандельштам, по словам последнего: «На Загородном, во дворе огромного доходного дома с глухой стеной <...> десятка три мальчиков в коротких штанишках, шерстяных чулках и английских рубашечках со страшным криком играли в футбол. У всех был такой вид, будто их возили в Англию или Швейцарию и там приодели, совсем не по-русски, не по-гимназически, а на какой-то кембриджский лад».

ДОРОГОЕ ХОБИ

Весьма модным видом спортивного досуга год от года становились велосипедные прогулки. «Дачное обозрение» в 1899 году сообщало: «Велосипедный спорт растет у нас с поразительной быстротой, и в ряды циклистов ежедневно поступают всё новые и новые лица, а вместе с тем продолжаются и нескончаемые споры о том, полезны ли эта вещь или вредная. <...> Скажем только одно: велосипед-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ная езда может быть очень полезным для организма гимнастическим упражнением, если она не переступает границ умеренности и осторожности...»

Велосипед быстро завоевал популярность. Даже 70-летний Лев Толстой любил кататься на велосипеде, особенно в своей московской усадьбе в Хамовниках. А между тем велосипеды были недешевы. В 1900 году модели «пежо» стоили 125 рублей (месячный заработок квалифицированного рабочего. – **Прим. авт.**), американские модели дешевле – от 65 рублей. Несмотря на это, велосипедами владела не только зажиточная публика, но и часть фабричных служащих. К примеру, известно, что служащие завода Зингера в Подольске в летние месяцы 1910–1913 годов регулярно совершали по выходным дням паломничества в окрестные обитатели, в том числе и в Николо-Угрешский монастырь. Только вместо запреженных

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лошадьми колясок был избран более современный способ передвижения – велосипеды.

На рубеже XIX–XX веков вслед за велосипедистами появились и велосипедистки. Хотя катанье женщин на велосипедах не всем казалось нормальным. Юбки путались в колесах, и в 1900 году был издан целый альбом карикатур под названием «Прекрасные велосипедистки». Правда, всего через несколько лет никого уже не удивляли не

Служащие
завода Зингера
в Подольске
во время
поездки
на велосипедах
в Николо-
Угрешский
монастырь

только велосипедистки, но даже женщины-авиаторы.

Конечно, женщины-авиаторы принадлежали только к очень богатым семьям: слишком уж дорого обходилась новая прихоть. Например, первая русская женщина-авиатор, Евдокия Анатра, была супругой одного из одесских итальянцев-миллионеров; семья имела судоходную компанию и мукомольный бизнес. В 1913 году Анатра установила всероссийский рекорд высоты – 3 километра, причем на самолете, изготовленном на заводе, созданном близ Одессы ее деверем – Антоном Анатрой. А в Москве первой женщиной, получившей пилотское звание, стала Елена Самсонова.

Приглядимся к старой фотографии жены крупного московского дельца – это Анна Николаевна Бурышкина. Она сфотографирована в кабине аэроплана в элегантной шляпке по последней моде. На ней бархатная юбка чуть ниже колен, по понятиям того времени – очень короткая, и шикарные сапожки на каблучках.

Герой той эпохи – Сергей Уточкин. Он собирал огромные стадионы, над которыми демонстрировал зрителям самые сложные пируэты, «зависал» на секунды в воздухе, пролетал на скорости 100 километров в час над ошеломленными трибунами на низкой высоте. Легендарный Уточкин ездил с гастролями по всей России. В мае 1910 года он участвовал в показательных полетах над Ходынским полем в Москве, причем даже взял на борт в качестве пассажира легкого биплана московского губернатора Владимира Джунковского. Надо сказать, что авиаторы в начале века воспринимались как «сверхчеловеки». Показательные полеты собирали десятки тысяч зрителей. Во время многокилометровых перелетов эти толпы – мужчины с биноклями, женщины под зонтиками – по несколько часов ожидали приземления своих любимцев. ❀

Анна
Николаевна
Бурышкина
на аэроплане.
1900-е годы

* Автор – доктор исторических наук.

Ольга Берггольц.
1970-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А Я МОГУ ЛЮБИТЬ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

МОЛОДОСТЬ, ЛЮБОВЬ, ЖЕЛАНИЕ СЧАСТЬЯ, ОСОЗНАНИЕ СОБСТВЕННОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ СИЛЫ – И БЕСКРАЙНЕЕ ГОРЕ, РЕПРЕССИИ, ВОЙНА, БЛОКАДА, ГОЛОД. ТВОРЧЕСКИЙ ВЗЛЕТ ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ – СТИХИ, РАСТУЩИЕ НЕ ИЗ СОРА, А ИЗ КРОВИ, СНЕГА И ПЕПЛА.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ РОДИЛАСЬ В СЕМЬЕ ВРАЧА из обрусевших латышей Федора Христофоровича Берггольца и его жены Марии Тимофеевны Грустильной. Федор Берггольц работал

на фабрике, мать была учительницей рукоделия. Отец, образованный, веселый, деятельный, и меланхоличная, экзальтированная, религиозная, пишущая с ошибками, но влюбленная в литературу мама были не самой

идеальной парой, хотя поначалу очень любили друг друга.

Отец оканчивал университет в Юрьеве (нынче Тарту), ездил на ликвидацию холерной эпидемии в Голодной степи; с осени 1914 года был на фронте: сначала служил в полевом госпитале, потом на санитарном поезде. Некоторое время семья жила на даче в Финляндии; Ольга Федоровна вспоминала, что они провели там зиму в 1916–1917-м: «В феврале «большие» ходили тайно, слова «в России переворот» шуршали повсюду, мы боялись чего-то, нам ни о чем не рассказывали. Но мы жадно впитывали каждое сообщение и, наконец, узнали, что царя свергли. Взмолвленные, мы недоумевали и выпячивали губы, подражая взрослым. К середине лета все чаще слышали мы слова «большевики» и «Ленин», – писала Берггольц в повести «Углич».

Семья жила в беспокойном рабочем районе за Невской заставой. Нянька обнимала маленькую Ольгу и бормотала, когда ее пугало зарево за окном: «Ницего, Лялецка, ницего... Это уцасток горит, фабричные опять бунтуют. Мало им, цто государя-анператора свергнули, теперь вот и сам уцасток подозгли...»

С 1918 года Мария Тимофеевна с дочками, Лялей и Мусей, спасалась от петроградского голода в старинном Угличе. Отец в Гражданскую был врачом в Красной армии. Он только изредка приезжал в Углич навестить семью. Повесть «Углич» рассказывает о дет-

Семья Берггольц. Слева направо стоят: Ольга Михайловна и Мария Тимофеевна (бабушка и мама Ольги). Сидят: Федор Христофорович с дочерью Марией и Христофор Фридрихович с внучкой Ольгой. 1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НЕ СПИ, ВСТАВАЙ, КУДРЯВАЯ

В «Смене» Берггольц была самой молодой. Среди других молодых поэтов выделялся Борис Корнилов, к которому Ольга сразу потянулась. Он был увлечен Есениным, в стихах его тоже заметны есенинские мотивы. Его помнят в основном по «Песне о встречном» – «Кудрявая, что ж ты не рада веселому пенью гудка?»; говорят, в этой песне Берггольц написала одну строфу.

Корнилов сделал ей предложение у подножия Медного всадника. Она вышла замуж едва 18-летней, на самом пороге взрослой жизни.

В 1927 году Корнилов и Берггольц пошли учиться на Высших государственных курсах искусствоведения при Государственном институте истории искусств. У них преподавали лучшие литературоведы и искусствоведы: Эйхенбаум, Тынянов, Соллертинский. В 1929 году курсы закрылись, и часть студентов перевели в Ленинградский университет на филологический факультет; в их числе была и Ольга Берггольц.

В октябре 1928 года она родила дочь Ирину. Жизнь с Корниловым не заладилась: он выпивал, был неверен, непостоянен. Это вообще было время большой свободы чувств – время борьбы с мещанством, под которым понимали и семейные узы, и ревность, и быт. Аскетичное жилье, фабрики-кухни, коммуны – чтобы не тратить время на тряпки, еду, посуду, хозяйство. Михаил Либединский писал о своей матери и тете, сестрах Берггольц, что они были «плохие хозяйки и отвратительные матери»; детьми занималась бабушка. У Ольги была любовь к маме сменилась неприязнью к ее «мещанству» – до приступов ненависти даже; для юной комсомолки главное было – жить и работать для нового мира.

Семья Берггольц и Корнилова развалилась в 1930 году. Ольга увлеклась однокурсником Николаем Молчановым, который стал ее вторым мужем (официально они расписались в 1932 году) и самой большой любовью.

Ольга Берггольц
с первым
мужем, Борисом
Корниловым.
1929 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЕРЯЩАЯ

Учеба в университете подходила к концу; студентов отправили во Владикавказ на практику в газете «Власть труда». Может быть, главное, что осталось в жизни Берггольц от этой практики, – необыкновенное ощущение счастья, захлестнувшее ее на Мамисонском перевале – с его огромной, вечной, не знающей ничего сиюминутного красотой: *И диким этим безучастьем была душа поражена.*

И как зенит земного счастья в душе возникла тишина.

В декабре 1930 года Берггольц окончила университет. Ее распределили в Казахстан – корреспондентом алма-атинской газеты «Советская степь». Молчанов поехал туда же. Маленькую дочь Берггольц оставила у своей матери. Бабушка и растила Ирину, в которой не чаяла души. Девочка была большая фантазерка и умница, сочиняла стихи, но не отличалась крепким здоровьем. После тяжелой ангины у нее обнаружили осложнения на сердце – и декомпенсированный порок сердца.

Берггольц работала разъездным корреспондентом. Жила в самых суровых условиях: «Чума, холера, черная оспа, – вспоминала она в набросках к «Дневным звездам». – Там хранили воду в выдолбленных тыквах и пытались замостить почти болатистые улицы Алма-Аты...» Романтика начала 30-х захватила ее целиком: она строила социализм. Писала очерки, стихи, детские рассказы. Из очерков, написанных в Казахстане, сложилась книга «Глубинка», вышедшая в 1932 году. А началась писательская биография Берггольц с детской книжки «Зималето-попугай» (так в Угличе дразнили плохо одетых), вышедшей в 1930 году. Повесть «Углич» тоже появилась на свет в 1932-м. В Ленинград она вернулась в 1931 году. Ее детские книжки издавались в редакции Самуила Маршака, который познакомил Берггольц с Горьким. Горький звал ее «тетя Оля». Однажды он сказал ей: «Тетя Оля, а ведь вы – верящая». Берггольц ответила: мол, давно порвала с религией. «Не верующая, – сказал он ей, – а верящая». И она была верящая – искренне верящая в добро, в справедливость, в коммунизм – который «грянет... разверзнется, воссияет» – так, что в него можно будет вбежать, как по горной дороге к прекрасному перевалу. Молодая, красивая, сильная, золотоволосая – настоящая комсомолка с плаката, она, казалось, летела навстречу ожидающему ее счастью.

Ольга Берггольц
с рабочими
завода
«Электросила».
Ленинград.
1931 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВМЕСТО СЧАСТЬЯ

В Ленинграде Ольга пошла работать на завод «Электросила». В 30-х партия поставила перед писателями задачу изучать пролетарскую жизнь и отправила их на производство – осваивать материал в самой гуще рабочей жизни, писать историю фабрик и заводов. Берггольц устроилась в заводскую многотиражку, занялась изучением истории «Электросилы» и Завода имени Козицкого.

Молчанова призвали в армию – служить на границе в Туркестане. Из армии он скоро вернулся: комиссовали, поскольку у него обнаружилась тяжелая эпилепсия. Болезнь очень мучила его и домашних. Жила молодая семья в доме №7 на улице Рубинштейна, который называли «слезой социализма»: «Мы, группа молодых (и очень молодых!) инженеров и писателей, на паях выстроили его в самом начале тридцатых годов в порядке категорической борьбы со «старым бытом» (кухня и пеленки!), поэтому ни в одной квартире не было не только кухонь, но даже уголка для стряпни», – вспоминала Берггольц в «Дневных звездах».

В 1932 году у Ольги и Николая родилась дочь Майя, которая прожила на свете очень недолго и умерла в 1933-м, не дожив до года. Стихи о смерти Майи в 1933 году пронизаны идеологией: «Четыре дня Республика сражалась // За девочку в удушьи и в жару»... «Но я – живу и буду жить, работать, // еще упрямей буду я и злей, // чтобы скорей свести с природой счеты // за боль, и смерть, и горе на земле». Но второе ее стихотворение о Майе, «На Сиверской, на станции сосновой...», вышедшее в «Литературном современнике» в 1935 году – это замечательные стихи, лишённые всякой декларативности – и полные сдержанной, невыносимой, прозрачной боли:

...и кто-то маленький,
не уставая,
кричал в соседнем молодом саду
баском, в ладошки: «Майя, Майя!
Майя!..»
И отзывалась девочка: «Иду...»

Ольга Берггольц.
1930 год

Наверное, именно сейчас появляется в ее поэзии ощущение трагической хрупкости и драгоценности бытия. А ее оптимизм, ее вера, ее человеческая стойкость снова будут испытаны на прочность.

У нее вроде бы все складывалось хорошо: вышел сборник «Стихотворения», ее приняли в Союз писателей. Она работала секретарем газеты «Литературный Ленинград». Одна за другой выходили книги. Она была молода,

Ирина, дочь
Ольги Берггольц
и Бориса
Корнилова,
с бабушкой
Марией
Тимофеевной.
Около 1930 года

необыкновенно хороша собой; в нее влюблялись, она влюблялась. Быть любимой, увлекаться, нравиться – это был ее способ жить; витальная энергия была из нее ключом. А муж был болен, и все тяжелее болела Ирина. Мать и бабушка метались по врачам, устроили девочку в санаторий в Детском Селе – там она и умерла в марте 1936 года. Девочка очень мучилась. У нее болело сердце, она просила камфары, умоляла дать еще («Мама, Господом Богом прошу» – «Не надо Богом»). Она понимала, что умирает, и это понимали сходящие с ума от горя мать и бабушка – были рядом и не могли помочь, и не спасли. «Сама я тебя отпустила, // сама угадала конец, // мой ласковый, рыженький, милый, // мой первый, мой лучший птенец...».

В 1936 году, когда начались репрессии, был обвинен в троцкизме Борис Корнилов. Берггольц записала тогда в дневнике: мол, Борьку не жалко (а потом – потом было чудесное стихотворение, переключка с посвященными ей стихами Корнилова; потом она требовала опубликовать его стихи, собирала его книгу, написала к ней предисловие – и не взяла ни копейки гонорара, все отдала бывшей свекрови). Корнилова исключили из Союза писателей. 18 марта 1937 года в «Ленинградской правде» вышла статья, где Корнилова называли «кулацким последышем», 19 марта его арестовали. Ольга Федоровна была беременна, беременность была тяжелой, опасались выкидыша; она лежала в больнице на сохранении. Затем в апреле разоблачили рапповского критика Леопольда Авербаха, с которым Берггольц общалась в начале 30-х. В троцкизме обвинили уже ее лично; 29 мая на заводе «Электросила» состоялось заседание партийной ячейки, на котором беременную Берггольц вопрошали о характере отношений с Авербахом. Протокол заседания опубликован Михаилом Золотоносовым; вот один из вопросов, занесенных в протокол: «Ты жена Молчанова, имела дочь, а вела себя

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

так вульгарно, с другими крутила, в машинах кататься ездила, по ресторанам ходила, по 3 часа просиживала с ним – чем это объяснить?» Берггольц объясняла: с ним было приятно общаться, общались на литературные темы, а не на политические... Собрание постановило «за потерю политического лица как в партийном, так и в бытовом отношении» исключить Берггольц из кандидатов в члены ВКП (б). В июле ее вызвали на допрос по делу Авербаха. После допроса у нее начались преждевременные роды на шестимесячном сроке; ребенок умер. С завода ее скоро уволили, на демонстрацию 7 ноября, куда она пришла, не пустили – для нее это было тяжелое унижение. Она пошла работать в школу: полгода преподавала русский и литературу в седьмых классах. В характеристике, которую ей дали в школе, подчеркнуто, что она все делала правильно и хорошо. Затем, после постановления Пленума ЦК ВКП (б) о перегибах при исключении коммунистов из партии, решила восстановиться в партии. Это ей удалось: и в партии восстановиться, и в Союзе писателей. Она даже вернулась на завод. Но ненадолго.

Корнилова расстреляли в феврале 1938 года, а 14 декабря арестовали Ольгу Федоровну. Она снова была беременна и надеялась, что будет мальчик Степка. Ей вменяли в вину организацию покушения на Жданова; по од-

ной из версий следствия, Жданова должны были расстрелять из танка во время демонстрации. Показания на Берггольц и Николая Молчанова дал под пытками друг ее юности, вместе с ней бывший в Казахстане и мечтавший о светлом будущем.

На одном из допросов у нее начались преждевременные роды, хлынула кровь. Босую и окровавленную, ее отвели под конвоем по снегу в медчасть. Она рассказывала потом: «Сидели несколько врачей. Не подошел никто. Молодой конвойный со штыком наперевес, пряча слезы, отвернулся.

– Ты что, солдатик, плачешь? Испугался? А ты стой и смотри, как русские бабы мертвых в тюрьмах рожают!»

Она просила доктора передать мужу, что «Степки больше нет». Отлежала несколько недель в тюремной больнице и снова вернулась в тюрьму. Выпустили ее в короткий период борьбы с ежовщиной в июле 1939 года.

Тюрьма все перевернула в ней. Она записывала в дневнике: «Все отзывается тюрьмой – стихи, события, разговоры с людьми. Она стоит между мной и жизнью». О тюрьме невозможно было говорить; этот опыт требовал осмысления – но говорить она могла только с дневником. Этот дневник, вышедший недавно под заглавием «Запретный дневник», стал ее свидетельством о времени. Она так и писала: «Я здесь, чтобы свиде-

Фотография
Ольги Берггольц
из тюремной
картотеки

тельствовать». Дневники свидетельствуют о потере веры в советскую власть и мучительном рождении новой веры – в гуманизм, в силу слова, в совесть, в человека. «Тюрьма – источник победы над фашизмом. Потому что мы знали: тюрьма – это фашизм, и мы боремся с ним, и знали, что завтра – война, и были готовы к ней», – записала она потом. А в партию она снова вступила в 1940 году.

Стихи и дневники Берггольц конца 30-х полны предчувствия катастрофы, войны, грядущих бедствий и потерь – и ощущения силы, цветения, творческого взлета. Она уже сейчас мощный, серьезный поэт – свободный от идеологических заклиний, от пустой риторики. Об одном из стихотворений этого времени она написала в дневнике, что сама его испугалась. Это «Аленушка» – разговор с совестью:

*Голосом звериным, исступленная,
я кричу над олутом с утра:*

*«Совесть светлая моя, Аленушка!
Отзовись мне, старшая сестра.*

*На дворе костры разложат
вечером,
смертные отточат лезвия.*

*Возврати мне облик человеческий,
светлая Аленушка моя...*

Обсуждать тюремный опыт было невозможно. Оплакивать ушедших было невозможно. Невыплаканная скорбь копилась в ней, ощущение катастрофы стучалось – и когда катастрофа грянула, Берггольц оказалась к ней готова. У нее нашлись и слова, и сила, чтобы стать голосом блокадного Ленинграда. И отстоявшаяся, густая скорбь, и ненависть к палачам любого рода, и любовь к жизни, и вера – все это сделало ее «блокадной Мадонной». Радио в блокадном Ленинграде было дыханием жизни, и Берггольц помогала держаться за жизнь. Она и сама однажды осела от слабости, споткнулась, села на что-то – оказалось, на замерзшего покойника, и так бы осталась замерзать – но услышала свой голос по радио, убеждавший ленинградцев жить, и поднялась, и пошла дальше...

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Ее дневник времен блокады полон ненависти к власти, допустившей войну и медленное умирание Ленинграда, и к фашистам, которые для нее – проявление той же силы расчеловечивания, с которой она столкнулась в тюрьме, – и в то же время жажды жизни, жажды любви, женского счастья. Ей едва за 30, она в самом расцвете красоты и силы. Она флиртует и кокетничает со знакомыми мужчинами; с сентября начался роман с Георгием Макогоненко, ее начальником по радиокомитету. Она предвидела, что мы, потомки, читая страницы дневника, будем ее осуждать, – и записывает, что не для потомства она все это пишет, что это просто жизнь – жизнь, за которую идет война, за жизнь против смерти...

Удивительно, но еще до войны она предвидела и то, что будет война, и то, что муж погибнет; его эпилептические приступы становились все чаще; голод довершил дело. Горячо любимый муж умер в холодной больнице в январе 1942 года – минус пять, заledenевшие лужи мочи...

Макогоненко и сестра Муся, которая приехала из Москвы с подарками ленинградским писателям, убедили ее, страдавшую тяжелой дистрофией, улететь в Москву в командировку и этим спасли. Она не хотела покидать Ленинград. Но она думала, что опять беременна. В Москве оказалось, что она просто страшно отекала от голода.

По сравнению с мучительно и гордо умирающим Ленинградом военная Москва казалась обычным городом. Здесь был, писала она Макогоненко, а там, в Ленинграде, – бытие. В Москве нельзя было говорить о трагедии Ленинграда, а она ни о чем другом говорить не могла. Нельзя произносить слово «дистрофия». Нельзя посылать посылки с продуктами: Жданов запретил, чтобы не было кривотолков. Она хотела кричать: слушайте, что происходит, – но не слушали... А кривить ду-

В блокадном
Ленинграде

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

шой она не могла: «После смерти Коли ложь стала совершенно для меня непереносима», – записала она в дневнике.

Зачем, зачем?

*Мне даже не баюкать,
не пеленать ребенка твоего.*

*Мне на земле всего желанней мука
и немота понятнее всего.*

Как странно отражаются эти строчки в ахматовских, написанных тремя годами позже: «Всего прочнее на земле печаль и долговечней – царственное слово». И еще одна знаменитая перекличка в их строчках: «Но в мире нет людей бесслезней,

// Надменнее и проще нас», ахматовское 1922 года, и у Берггольц в предвоенном, в мае 1941 года написанном стихотворении: «Но не было людей бесстрашней // И горделивее, чем мы!» Ахматова и Берггольц очень похожи именно этим скорбным величием и бесстрашием людей, все потерявших – отсюда, наверное, и их творческая перекличка, и взаимная симпатия.

Берггольц перестала бояться – и об этом тоже писала в дневнике в 1942 году: «Все мои горести, весь страх позади – я уже потеряла все, и мне нечего больше терять. Жизнь – это уже не утрата». И дальше удивительное: но сердце сжимается от жалости к сестрам, к женщинам: уж пусть лучше я одна, «если б можно было ценой своего горя купить покой и отраду другим». В этом, наверное, и сила ее блокадных стихов и выступлений – не сила ненависти, а сила любви в них звучит, ощущение родства со всеми теми, кто проходит через ледяной мрак ленинградской блокадной ночи.

*Что может враг? Разрушить
и убить.*

И только-то? А я могу любить...
И город откликнулся любовью. Ее узнавали на улицах, ей писали – много, взволнованно, и она замечала: «В ответ на это хочется дать им что-то совсем из сердца, кусок его, и вдруг страх – не дать!»

Обложка
блокадной книги
Ольги Берггольц
«Ленинградская
поэма».
Ленинград.
1942 год

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НЕ ЛГАТЬ

Эта всеобщая любовь защищала ее потом, после войны, во время очередного заморозка. Еще во время войны она спрашивала знакомого: как, по-вашему, после войны что-то изменится? Оказалось, ничего не изменилось: то же вранье, те же палачи, которые истоптали ее молодость и лишили надежды иметь детей. Сразу после победы, в конце мая, на X Пленуме Союза писателей поэт Прокофьев заявил, что Берггольц слишком много говорит о страданиях ленинградцев. Осенью, откликнувшись на поэму «Твой путь», где была поразительная по силе часть о вмерзшем в лед человеке, тот же Прокофьев сказал – мол, товарищ Берггольц знает, что трупы в Ленинграде с улиц убрали вовремя. В 1946 году, когда началась травля Ахматовой и Зощенко, ленинградские писатели должны были дружно осуждать их на собраниях. Берггольц, напротив, заступалась за них, отчего сама подверглась гонениям: «Так как я не «разоблачила» Ахматову, меня отовсюду повыгоняли – из Правления, из редсовета издательства»...

Особенно тяжелым для нее стал 1949 год, когда пошла волна повторных арестов; Берггольц предполагала, что может снова попасть в тюрьму. В ее дневниках было достаточно крамолы для того, чтобы надолго отправить ее в лагерь. «Меня не покидает страх знакомый, что по Следам Идущие – придут», – писала она в «Триптихе 1949 года». Однажды Георгию Макогоненко, ее третьему мужу, показалось, что к их даче подъезжают черные машины. Он схватил тетрадь, в которой Берггольц вела дневник, и прибил ее гвоздем снизу к сиденью скамейки. Эта пробитая тетрадь сейчас хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства.

31 октября 1949 года Берггольц записала в дневнике: муж прибежал из издательства взволнованный и велел уничтожить все крамольные дневники и черновики: ожидали обысков. Су-

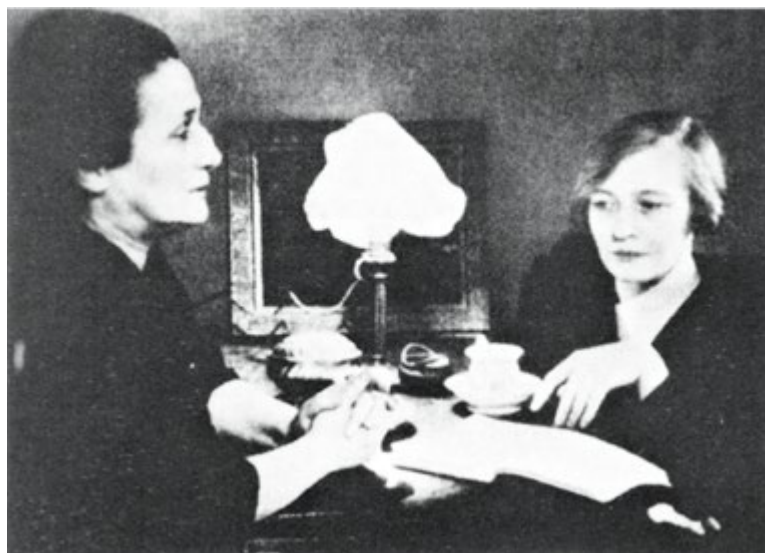
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В редакции газеты «Известия». 9 апреля 1946 года. В первом ряду в середине – Ольга Берггольц

пруги поехали на дачу, как и собирались, – но по дороге их не покидало чувство, что за ними едут, чтобы их арестовать.

Она стала пить. Пьянство помогало уйти от реальности, с которой она ничего не могла поделать. Знаменитое ее стихотворение – «На собрание целый день сидела – // то голосовала, то лгала... // Как я от тоски не посидела? // Как я от стыда не померла?..» – оно как раз об этом: о невозможности жить среди вранья. Лирическая героиня уходит в пивную, где пьет в забегаловке с инвалидами, вспоминающими штрафную роту. Макогоненко пытался ее удерживать дома – как

писала в письмах друзьям ее мать, удерживал тем, что дома был коньяк, и домработницы ее подпаивали. Запой были страшные: мать писала, что Ляля выпивает полтора литра коньяка каждый день и почти не ест; что муж ее бьет. В 1952 году ее впервые уложили в больницу лечиться от алкоголизма. Больница ненадолго приводила ее в нормальное состояние, она могла работать и писать. Главные ее послевоенные произведения – поэма «Первороссийск» о юных мечтателях, строящих коммуны в среднеазиатских песках, и лирическая повесть «Дневные звезды» – неоконченное повествование о жизни. Она хотела

Анна Ахматова и Ольга Берггольц. 1947 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ольга Берггольц и Михаил Шолохов
на Третьем съезде писателей.
Май 1959 года

продолжить «Дневные звезды», которые считала своей Главной книгой, именно так, с большой буквы. Сохранились ее наброски ко второй части. «За трагическое в литературе. За наивысшую правду», – записывает она в набросках.

Она открыто помогала Ахматовой и требовала отмены постановления об Ахматовой и Зощенко, воплощающих трагическое и комическое в русской литературе. Она выступила на Втором съезде Союза писателей в 1954 году, смутив коллег кра-

мольной речью о «самовыражении писателя».

Макогоненко в конце концов ушел от нее и женился на другой. Разрыв этот был предсказуем: слишком несовместимы были благополучный литературовед и вечно пьяная поэтесса, резавшая правду-матку, как древние юридивые: «...причина нашего отставания – я говорю о литературе послевоенных лет – очень проста. Мы действительно очень много лгали». Ее и тронуть было нельзя, и осудить за бытовое разложение нельзя: тут и алкоголизм защищал как ненормальную, и не давала память о войне. На лице ее, как некогда на лице Данте, еще со-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ольга Берггольц.
1947 год

хранилась тень пройденного насквозь ада.

Может быть, это расставание в какой-то степени вернуло ей себя – выжившую в катастрофе вечную вдову Коли Молчанова; вернуло сосредоточенность и понимание: у меня еще осталось время, им надо правильно распорядиться.

*Вот видишь – проходит пора
звездпада,*

*И кажется, время навек
разлучаться...*

*...А я лишь теперь понимаю, как надо
Любить, и жалеть,
и прощать, и прощаться...*

Она садится за письменный стол и обещает себе: «Никакой гордыни, никаких самоупоений, но твердое знание своей силы, предназначения и обязанностей».

Ее задача – помнить и свидетельствовать.

«Память – чудо, совершенное чудо мира, природы и человека, воистину божественный дар. Она неистребима».

Ольга Берггольц умерла в Ленинграде в ноябре 1975 года. Памятник на ее могиле поставили только в 2005 году...

Ольга Берггольц
подписывает
книги читателям,
среди которых
Даниил Гранин.
Ленинград.
1962 год

КАЦКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

АВТОР

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ
СЕМАШКО

СО ВРЕМЕНИ ПРОШЛОГОДНИХ КОМАНДИРОВОК В БЛОКНОТЕ ОСТАЛИСЬ МАРГИНАЛИИ: ТЕЛЕФОНЫ И АДРЕСА ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ТОГДА НЕ ВПИСАЛИСЬ В МАРШРУТ ЭКСПЕДИЦИИ МОСКВА – ВОЛГА, ОСТАЛИСЬ В СТОРОНЕ, НО КОТОРЫХ ОБЯЗАТЕЛЬНО ХОТЕЛОСЬ ПОСЕТИТЬ.

В ОТ, СКАЖЕМ, СЕРГЕЙ Николаевич Темняткин – создатель Этнографического музея кацкарей в селе Мартынове, что в 40 километрах от Углича. Этот деревенский музей посещает более 20 тысяч человек в год – и это само по себе необычно. Ну что может деревенский музей показать такого, чего не было бы в экспозиции любого музея краеведческого? В смысле бытовой утвари, домотканых дорожек и старинных фотографий. А Темняткин все перевернул и за основу рассказа о своих земляках вообще взял слово: кацкий диалект живого великорусского языка и слово памяти – журнал «Кацкая летопись», который сам же и издает уже 22 года. А написанная им книга «Моя Кацкая Русь» была удостоена диплома первой степени национальной премии в области литературы и искусства «Серебряный голубь».

БЛИЗКОЕ «ДАЛЕКО»

Если ехать от Углича, то оказывается, что «далеко» залегает совсем близко: сначала кончается асфальт, потом исчезают автобусные остановки, а потом и сами деревни. И все тянется-тянется по краям дороги заросшая ку-

старником болотистая равнина, где, наверное, по осени хорошо уток стрелять, но в предзимье щемит сердце от скудного, выцветшего пейзажа, писанного крапом неплотно легшего снега да торчащей из-под него ржавой травы. Область эта принадлежит Угличе Полю – северному ополью, протянувшемуся вдоль Волги, ее притоков и притоков этих меньших рек, в данном случае – по реке Кадке. Границы «Поля» хорошо видны, можно сказать, они и составляют речную пойму, отороченную невысоким лесом. Когда-то эти пойменные земли общей площадью 460 квадратных километров и составляли Кацкую волость, или Кацкий стан. А кацкари – это местные жители, проживаю-

щие в бассейне Кадки. Так же как в бассейне реки Сити проживают сицкари. И те, и другие в глубине времен связаны с финно-угорскими племенами меря и весь, на что указывает и само название реки – оно ведь не от кадушки происходит, а от финского корня «кад», что означает «рука» или даже «рука, указывающая направление». Была, значит, Кадка путеводной стрелкой в сети неисчислимых водных дорог и тропинок раннего Средневековья. А к XV веку относится первое письменное упоминание о Кадке как о местности: ее великий князь Московский Василий Темный завещал своей жене. В Смутное время все земли Кацкой волости были окончательно поделены между поме-

ни Кацкого стана, когда на его территории было 130 деревень с населением в 23 тысячи человек (1908 год). Теперь, когда прошло еще более ста лет, этих деревень осталось 68, а население в них сократилось до полутора тысяч. Причем таких, где жителей не единицы, а хотя бы два-три десятка – можно сосчитать по пальцам рук. Разумеется, поэтому Мартыново, где жителей все-таки 153, со своими вековыми избами и того же возраста деревьями, посаженными в палисаде – могучими серебристыми тополями и огромными березами, – кажется настоящим оплотом культуры, чудом оказавшимся в конце разрезженной дороги.

КАК «ПЕРЕФОРМАТИРОВАТЬ» ДЕРЕВНЮ

Помню, в 90-е годы, собираясь в командировку куда-нибудь в провинцию, я не раз слышал напутствие: «Только не надо соплей и слез по поводу погибшей деревни...» Государственная, «правильная» позиция в отношении всего сельского Нечерноземья была уже, значит, сформулирована, нерентабельные деревни стали не нужны, и населению их предстояло, жестко говоря, вымереть. В некоторых местах все рухнуло почти единомоментно с августовским путчем 1991 года. Растащили совхозное имущество – и стали вымирать. А кое-где люди были поумней, сохранили производство, и там по накатанному жизнь долго еще продолжалась. В Мартынове в 90-е были еще сельсовет, школа, дом культуры, рабочие места в колхозе «Верный путь», сельские праздники... В начале 90-х Сергей Темняткин, окончив угличское педучилище, как раз вернулся в Мартыново – учителем в школу. 19 лет. Интерес к прошлому родного края, к истории предков у него был уже тогда. А вот понять, что деревни в ее советском виде больше не будет, что деревня вообще в новом обществе (которое

щиками, которые порой вели за свои вотчины настоящие войны. От тех помещиков не осталось даже и следа. А вот краткий, не продолжавшийся и ста лет ренессанс помещичьего землевладения в Екатерининскую эпоху и в начале XIX столетия следы в Кацке оставил, правда стершиеся, уже едва читаемые. Скажем, лиственничную аллею и пруд на месте бывшей жемчужины усадьбы Апраксина, которым владело славное семейство Батуриных. И удивительный по размерам и по крепчайшей архитектурной «сбитости» храм в селе Николо-Топор (до сих пор не обрушился!), строительство которого было инициировано помещи-

ком и местным предводителем дворянства капитан-лейтенантом А.И. Башмаковым. Как писал один из исследователей этого архитектурного феномена, храм в Николо-Топоре, ставший главной вертикалью всей Кацкой волости и «собирающий» пространство на 30–40 километров в округе, храм такой «благородно-дворянский», «богато-староусадьбинский», стал последним словом полновластной местной аристократии, которая после реформы 1861 года быстро сошла с исторической арены. Прошлое умирает раз – и навсегда. Пореформенная эпоха оставила память о самой оживленной, пожалуй, странице в жиз-

Сергей
Николаевич
Темняткин –
современный
культурный герой

светила и солнца социологии называют то «постиндустриальным», то «информационным») это, говоря беспощадным современным языком, «неформат», – этого, конечно, молодой учитель тогда еще понять не мог. Как и того, что, чтобы сохранить деревню, ее нужно перевести в новый «формат» этого нового информационного общества. Вплести в Сеть. Сделать ее привлекательной. Но как? Сейчас, по истечении двадцати лет работы, ясно, что из деревни, из сельского быта, живности, неповторимого кацкого диалекта получается отличный туристический бренд. Но, повторяюсь, это ясно теперь, через двадцать лет. Многие ведь пробовали, да мало у кого чего вышло, хотя превращать деревни в музеи под открытым небом – это общемировая, если хотите, тенденция. Темняткин оказался то ли везучим, то ли по-кацки упертым – у него получилось.

Этим стенам больше ста лет и еще столько же простоят

КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Есть такие счастливые стечения обстоятельств, когда время как бы позволяет вырасти, созреть и состояться в своей миссии Гению места. В 1992 году, когда Сергей с несколькими друзьями задумал выпускать журнал «Кацкая летопись» – первый номер решили посвятить престольному деревенскому празднику, который по-кацки произносится как Успенъё («ё» безударная), – у него еще мыслей о музее никаких не было. Хотелось просто, чтобы все юбилеи, рождения, печали и радости кацкарей за минувший год где-то были зафиксированы. Материалы написали от руки, повезли в Мышкин, в городскую газету «Волжские зори». Там люди оказались понятливые, сочувствующие, дали молодым энтузиастам газетный разворот под шапкой «Кацкая летопись №1, август 1992 года». Так журнал и стал выходить при газете раз в

месяц. Содержание – история края, генеалогия, кацкий диалект, события районного масштаба. Темняткину пришлось освоить печатную машинку (дали в сельсовете) и разобратся в типографских шрифтах – что есть боргес, а что петит: газета районная выходила еще по-старому, высокой печатью, когда написанные строчки отливаются в металле, собираются в раме газетной полосы, потом на набор наносится краска и уж потом бумага по ней прокатывается... Докомпьютерная, короче, технология. Но журнал неожиданно «пошел». И тут сидение в угличском архиве в поисках своих корней Сергеем ой как пригодились: генеалогия ведь всех интересует, а в таких небольших и сравнительно изолированных сообществах, как Кацкий стан, – вдвойне. Тут, если покопаться, все свои, все родственники, так что это даже нашло отражение в

ОКНО В ИНОЙ МИР

Идея музея, как это ни странно, была спущена сверху: когда коммунизм рухнул, с ним рухнула страна. Мое отечество – СССР. Так мы его называли. И чем это все заменить? Тогда в школы «спустили» новый предмет – краеведение, отечество малое, велели закрепляться на земле, создавать школьные музеи. Со школьного музея все и началось. Он быстро себя перерос – и под музей отдали второй этаж дома культуры. И он таким переростком некоторое время и был – школьным музеем при доме культуры. Но со второй половины 90-х Мартыново стало быстро приходить в упадок, сама жизнь тут замирала: не до культуры стало и не до веселья. Зато ясно, что как сельцо традиционного типа Мартыново обречено. Сначала упразднили в нем местную власть и все полномочия по принятию решений передали в Рождествено. Там сделали центр, а Мартыново переименовали в Приволжское сельское поселение. Потом приехали люди и по-тихому скупили у колхозников их колхозные пай: по сути, выкупили всю землю. Потом закрыли школу и детский сад. И в какой-то момент сердце Темняткина не выдержало. Я не слишком расспрашивал, да он бы ничего и не прояснил – на то он и Темняткин, – но однажды он вдруг оказался главным редактором районной мышкинской газеты «Волжские зори». Возможно, не всякому по нутру жить в «поселении». Есть в этом какая-то аракчеевщина. Во всяком случае, в Мышкине он стал проводить больше времени, чем в Мартынове, хотя по-прежнему тянул в «Волжских зорях» свою «Кацкую летопись»...

Но время шло, и дело, затеянное им когда-то, само собой свершалось. Письма, давно им написанные, дошли наконец по адресу, а идеи нашли сторонников. И когда губернатору Ярославской области Лисицыну потребовалось сделать некий символический жест, он приехал именно в Мартыново и здесь выкупил

языке. В Кацком стане мир разделен как бы на две половины: своих, кацкарей, и тех, кто вне этого мира, вне волости – «заволостных». Вот.

Но в какой-то момент, однако, все это чуть не окончилось крахом: докомпьютерные технологии устарели, почти невозможно стало с ними работать. Так, скажем, фотографии при высокой печати печатались с клише – пластинок из сложного сплава, на которые специальный автомат нарезал изображение, а при прокатке это давало что-то вроде офорта: пейзажик там или портрет. И вот эти клише вдруг в типографии закончились. А новых уже никто не изготавливал. Что делать? Кто-то вспомнил, что вроде можно клише делать из целлулоида – пластика, которым облицованы, например, аккордеоны. Поехали в Киров, на баянную фабрику, закупили целлулоид. Стали нарезать

целлулоидные клише. Люди сами себя не могли узнать на фотографиях. Но так или иначе Сергей Темняткин героически дотянул свою «Кацкую летопись» до 2005 года, когда журнал стали печатать в Ярославле на современном оборудовании. Правда, до этого много времени должно было пройти. А главное – сам Сергей должен был принять Решение. Которое человеком принимается, может, раз в жизни.

В музее сохранились «подзорные» занавесочки, вырезанные из газеты

Саночки на повети

освободившийся дом под Этно-графический музей кацкарей. Пост главного редактора газеты Темняткин оставил без промедления. С точки зрения карьеры это, может быть, было своего рода понижение. Но если есть Господь, то тут он сложил все правильно: и Сергей оказался на своем месте, и Мартыново ожило. Здесь Темняткин создал свой мир: мир кацкарей в его квинт-эссенции. В предельной какой-то концентрации. Турфирмы «распробовали» его на удивление быстро. Музею присвоили статус муниципального. А муниципальный музей имеет план, в том числе и на число посетителей. И вот при плане в 14 тысяч он много лет уже дает 20. Естественно, хочется спросить: чем же он так привлекателен? Но для начала скажу о другом: когда не умирающий колхоз, а развивающийся музей стал «градообразующим» предприятием, Мартыново задышало свободнее. В музее работает 30 человек – считай, каждый пятый житель села. Остальные продают туристам кто молочко топленое, кто – сувениры. А насчет того, чем Мартыново привлекательно... Я вспоминаю рассказ про нынешних московских девчонок, которых вывезли за город, и одна увидела вдруг теленка. «Смотрите! – закричала она. – На корову похоже!»

Урок кацкого
диалекта всегда
проходит на ура

Для многих деревня, живая курица, живая корова – это как бы USB-порты в другой мир, в другую вселенную. Неведомую. Которая оказывается вдруг необыкновенно и необычайно привлекательной. Городская среда ведь теперь принципиально иная, чем мир деревни. И компьютерный мир иной. В городе не хватает присущей деревне теплоты, родственности, когда даже чужого человека запросто можно назвать «сыном».

В книге отзывов о музее много благодарностей. В основном они сводятся к тому, что люди попали в какой-то очень добрый, подлинный и содержательный мир и благодарны создателям музея за это. Ярче всего это выражено в одном письме: «...Я наблюдала за собой и своими друзьями и думаю, что ближе всего стоят к описанию наших чувств слова «спокойствие» и «счастье». Весь автобус уезжал от вас убаюканный, мурлыкающий, но причина, мне кажется, не в мифах кацкарей, не в топленом молоке, которым нас щедро напоили. Просто все вдруг в мире встало для нас на свои места, достигло гармонии и равновесия...» Такой вот отзыв. И еще: «...музей ваш удивляет не диковинами, а наоборот – какой-то обыкновенностью, что ли. На-

деюсь, вы не обидитесь на мои слова... но разве каждый из нас не видел таких печек, лавочек, вышивок крестиком, подзоров, лоскутных одеял... Мы видели, а вы разглядели. Вы подарили обыкновенному ощущение необыкновенного, чувство открытия, прозрения...» Такие отзывы не вдруг достаются и дорогого стоят.

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

Мы разговаривали в доме администрации – красивом, старинном билибинском доме, – когда Сергею принесли список мероприятий на завтра. Я попросил посмотреть и тут же был озадачен: ибо, как и часть документации музея вообще, список был составлен на кацком диалекте.

– Вот: бахорица. Кто это?

– Рассказчица, экскурсовод. Затем они помаскалят (пойдут) на подворье, где их ждут животные: корова, две лошади, овцы.

– А Трифон Бородатой?

– Аналог Деда Мороза. Мы ставим елку, но иначе: елка ставится на дворе, потом убивается – украшается бантами, повязывая которые загадывают желания, а на Масленицу эту убанченную ель сжигают как чучело зимы.

– А «Лера-98»?

– Это название турфирмы, которое придумывается у вас, в Мо-

Свидание
с Белой коровой

скве. Они приезжают в 14.30 и начинают с коменничанья. Это от слова «комедия». Коменничать – представлять комедийный сюжет. Причем в кацком традиционном коменничаньи мужские роли исполняют женщины, и наоборот. Суть в том, что пожилым родителям нужно женить своего сына. Все это на диалекте, разумеется.

– А дальше у них небольшой перекус, похоже. Что такое – наливуха?
– По-русски было бы – наливуха. Блин. Его же на сковородку наливают.

– А пряжонец?

– Пирог.

– Все в общем-то понятно. А мерянские корни остались?

– Кое-где остались. Есть такой глагол – «отодубеть». На языке

мерян «тодуба» – это чувство. Поэтому «отодубеть» – значит «прийти в чувство», «прийти в себя». «Кокой», «кока» – крестный отец или крестная мать. Но самое важное слово – «писига». Изначально это штука какая-нибудь. Штука. Pissika по-фински «маленький». Или лучше – «штуковина»? Фотоаппарат запросто может быть назван писигой. Штуковиной. И возник даже глагол «писигать». В смысле – фотографировать.

Вечером налетел быстрый слепой заряд снега, который в мгновение ока превратил все вокруг в волшебную белую рождественскую сказку. И тут же начал таять. К утру о белой зиме можно было не вспоминать. И тем не менее, прежде чем

прикатил первый автобус с гляженными (туристами), Сергей уже расхаживал в образе Трифона Бородатого в штатном костюме Деда Мороза. Черный кот, с половинкой бойцовского хвоста и одним пылающим желтым глазом, по кличке, разумеется, Пират, тоже расхаживал, поджидая туристов и потребной ему порции человеческих ласк. Расхаживали под тентом, натянутым от непогоды, продавцы сувениров, зная, что нет такого автобуса, в котором не найдется человека, готового восхититься берестяными туесами, расшитыми полотенцами, самодельными дорожками и «обызьяниться» или, говоря по-русски, поиздержаться. А автобусов ожидалось три. Отсыревшие за ночь, желтели и краснели аккуратные поленницы березовых и ольховых дров. Переваливаясь и осторожно гогоча, на оранжевых лапах прошествовала по снегу стайка гусей. В промоинах серого неба сквозила холодная ясная голубизна. Но главное последовало потом, когда школьники наконец приехали. Погружение в добрый, подлинный и чрезвычайно осмысленный мир – тут ни прибавить, ни убавить. Самый запомнившийся мне экспонат – сухой бычий пузырь, наполненный сухим горохом. Погремушка для младенцев Человека Натурального. Помню, в экспозиции девичьей шестиклассники оживились: лавка, прятка, кованный светец для лучины. И ни единой возможности подключить свой гаджет. Как же они развлекались долгими зимними вечерами? Или все время уныло пряли? Вопрос был для детей насущным. Экскурсовод объяснила, что веселиться и любили, и умели: ходили на встречины (причем подростки – на свои, парни и девушки постарше – на свои), играли, пели, плясали. В то время, чтобы развеселиться, нужно было тратить много энергии. Сейчас можно, не напрягаясь, подключиться к неисчерпаемым источникам информации и с удовольствием

Дед Мороз,
он же – Трифон
Бородатый

превратиться в расслабленно-кайфующее существо. Это два разных подхода к веселью.

Помню скотный двор. Кто-то знал, что корове не надо гладить вокруг глаз, а по морде – можно; кто-то опасался дать ей хлеб с руки, боясь шумного дыхания животного и огромного дышка; а какая-то девочка, глядя на корову, вдруг вздохнула: «Вот бы мне такие ресницы...»

Белая корова (а корова была белая) в мифологии кацкарей – символ солнца. Это, очевидно, архаичный, дославянский еще образ. Да и вообще, с мифологией не все так просто. Здесь верят в снежный вихрь, который уносит мужчин и по-кацки называется «Чугрей», а на языке коми (финского народа) – «Шувчей». От него можно уберечься, если, выйдя из дому, первый свой след на снегу перерубить крест-накрест топором. Еще здесь верят в Ужа-Палучато, который является частью традиционного узора «вырёзов» (резьбы на оконных наличниках). В литовской мифологии Палучато явлен образом Короля ужей. Король и Королева ужей – основа мира, добрая сила, напрямую связанная с силами природы. И здесь, и там Уж имеет огненную сущность и приходит к человеку через очаг... Это глубокая мифологема, воспевающая силу и чистоту природной жизни... В полной мере тема вселенского Ужа разработана в творчестве литовского гения Чюрлёниса – но это уже серьезная сказка для взрослых.

ПОБАХОРИМ ПО-КАЦКИЕ?

Теперь различных строений по деревне у музея штук десять: включая конюшню, школу, дом администрации и хранилище. Здание бывшей четырехклассной школы в Мартынове, где мы в конце концов оказались, построено ровно сто лет назад. Высокие, пропускающие много света, «классические» окна соответствуют, кажется, тому времени, когда всех помещений в этом доме было три. Классная комната, где занимались одновременно четыре класса начальной школы, с единственным послаблением

Наколол стог дров – сложи в поленницу

для первоклассников: на первом уроке те занимались одни. А ко второму уроку приходили второй, третий и четвертый классы, и учительница одновременно вела у них занятия. Иногда разные. В одном классе – чтение. В другом – арифметику. Жилая комната учительницы была рядом. Она и жила при школе. При этом вовсе не поощрялось вступление народной учительницы в брак. Она всю себя должна была отдать детям. Так считалось до революции. И было еще третье помещение – каморка, что по-кацки обозначает кухню, где готовили поесть ученикам. От той старой школы остались грифельная доска да несколько древних черных парт с откидывающимися крышками и местом для

чернильницы. В антураже старой школы Сергей Николаевич представляет сейчас фирменную программу музея: «Побахорим по-кацкие?» («Поговорим по-кацки?»). Каким-то шестым чувством Темняткин сразу угадал, что яркий кацкий диалект станет одним из столпов музея, его изюминкой. В диалекте очевидно отклонение от нормы, но, одновременно, явлена жизнь языка, какая-то альтернативная, непротиворечивая, по-своему успешная возможность его, языка, развития. Иногда испытываешь восхищение от того, как отличаются друг от друга по смыслу, хотя и остаются, в общем, понятными, слова обычного и диалектного языка: дрягаться – долго ехать, упетаться – устать, при-

Баньки строим

лобуниться – стукнуться лбом, барандить – говорить не дело, торить голову загоня – идти с высоко поднятой головой...

В современном стандартизированном мире диалект радует как некая непредсказуемость и неуловимость. Он спонтанен. Он сохраняет потенцию для творения новых слов, новых смыслов. Тот язык, на котором мы говорим в больших городах, правильнее было бы назвать на английский манер «стандартным», а не «литературным». А литературный язык, при всем его богатстве, условен, остановлен, зафиксирован в текстах, в то время как диалект на 99,9 процента явление устное – это вечно кипящий котел самотворящей речи, терпкое молодое вино.

ВЕРНЫЙ ПУТЬ

За окнами школы налились синие декабрьские сумерки, а потом и вовсе стемнело. А еще ждали в музей третий автобус. И пока была свободная минутка, захотелось как-то подбить итоги разговора. И я спросил: вот, говорю, Сергей Николаевич, был у вас колхоз, назывался «Верный путь», а вы сейчас как считаете – верный вы путь тогда, двадцать лет назад, выбрали? Ну, Сергей Николаевич, естественно, ответил, что верный. Каков вопрос – таков и ответ. Свободы выбора я ему ни-

какой не оставил. Хотя Сергею-то Николаевичу на этом верном пути пришлось поработать за десятилетия. Я когда из Москвы впервые дозвонился до него, он сначала нас умолял не приезжать: конец года, говорит, отчеты, проверки... Потом смягчился: ну ладно уж, Бог с вами. Примаскаливайте. Хотя, подчеркнул, работа главного хранителя – она же нежная, архивная, она тишины и сосредоточенности требует, а я и так тут и Трифоном Бородатым, и учителем по кацкому языку, и в Ярославль вот должен на конференцию...

Темняткин свой Кацкий стан знает досконально: всерьез изучил то, что осталось, да и в архивах почерпнул, так что у него такие ниточки вяжутся – тоньше паутинки. И про язык, и про особенности кацкой мифологии и мировосприятия. «Кацкая летопись» сейчас – вполне серьезное краеведческое издание, подписчики которого есть не только на территории Кацкого стана. Сейчас журнал публикует списки кацкарей, принимавших участие в Первой мировой войне. Выясняются их судьбы. На страницах журнала от номера к номеру публикуется словарь кацкого диалекта с пояснениями. Когда-нибудь эти публикации выльются, конечно, в книгу. Обязательны рассказы о земляках,

Небольшая река
Кадка – нерв
всей Кацкой
волости

о старинных обычаях и даже танцевальных коленцах...

Двадцать лет прошли недаром: иногда прошлое должно почти умереть, чтобы возродиться в новом виде – как культурный проект информационного века. Темняткин – главный менеджер этого проекта. Гениальный менеджер. Человек он неординарный, и мотивы его сложны: он первый задумался над кацкой идентичностью и показал ее, что, как ни странно, помогает приезжающим сюда людям лучше понять себя. Поэтому они сюда и едут – к тихой Кадке. Темняткин и его соратники развернули вспять традицию ухода. Теперь не только кацкари уезжают в Москву и Питер. Теперь уже москвичи и питерцы, европейцы и китайцы приезжают сюда.

И нет пока человека, кто мог бы в этом деле Темняткина заменить. Поэтому его «верный путь» – путь неотрывного, как в крестьянском хозяйстве, труда.

Под конец я спросил, много ли ему самому приходится ездить.

– Ездить? – оторвался от своих мыслей Сергей Николаевич. – Да, случается.

– В Европе, наверное, уже побывали?

– Нет, – просто ответил он. – Единственная заграница, где я бывал, это Украина...

Наверное, это давно было. ■

СТЕКЛЯННАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЭТО ЗРЕЛИЩЕ ЗАВОРАЖИВАЕТ: ПЛАСТИЧНЫЙ, НИ НА ЧТО НЕ ПОХОЖИЙ СГУСТОК ГОРЯЧЕГО СТЕКЛА В РУКАХ МАСТЕРА ВДРУГ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПТИЦУ, ЦВЕТОК ИЛИ ВОЛНУ. СМОТРЕТЬ НА ЭТО МОЖНО БЕСКОНЕЧНО. И ВРЯД ЛИ УЖЕ НУЖНО ЗАДАВАТЬ ВОПРОС ХУДОЖНИКАМ ПО СТЕКЛУ, ПОЧЕМУ ВСЕМ ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ ОНИ ПРЕДПОЧЛИ ИМЕННО ЭТОТ. ЕСТЬ КАКАЯ-ТО МИСТИЧЕСКАЯ ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ В МЯГКОЙ, БЫСТРО ЗАТВЕРДЕВАЮЩЕЙ СТЕКЛЯННОЙ МАССЕ, ЗАСТАВЛЯЮЩАЯ ЛЮДЕЙ РАБОТАТЬ С ЭТОЙ СЛОЖНОЙ И НЕПРЕДСКАЗУЕМОЙ СУБСТАНЦИЕЙ...

СТЕКЛО – ВСЕГДА ИМПРОВИЗАЦИЯ. Наверное, поэтому о своих будущих работах художники – участники VI Международного симпозиума по художественному стеклу и скульптуре в Никольске говорят неохотно, словно наперед зная, что хитрый материал обязательно преподнесет какой-нибудь сюрприз. Они даже названия своих работ не спешат объявлять заранее. Вдруг готовое капризное произведение продиктует совсем другое имя?

Вот и художник из Риги Дайнис Гудовскис тоже осторожничает

со своей готовой работой. Сначала он назвал ее «Мягкий ветер», но не спешит внести это имя в реестр выставки: «Я еще не совсем придумал, как это будет звучать по-русски...»

Забавная история с названием стеклянной статуи произошла на прошлогоднем симпозиуме с ученицей Гудовскиса – Андой Мункевицей. Ее работа «Ландшафт» была установлена в центре Никольска, на улице Московской. Но жители города быстро переименовали ее в «Ухо» из-за поразительной схожести с этой частью человеческого тела. Дошло до того, что

обитатели и гости Никольска шепчут в стеклянное ухо свои мечты, и говорят, что кое у кого они сбылись.

Когда нынешним летом в Никольск начали съезжаться участники очередного международного симпозиума, то жители собирались попросить Анду подарить городу еще одну скульптуру – «Глаз». Имя Анды Мункевицы из Риги в списках участников числилось, но в итоге она не смогла приехать и осчастливить новой работой городок в глубине Пензенской области, уже третий век славящийся своим хрусталем и стеклом. Преподаватель отделения стекла Академии художеств Латвии Дайнис Гудовскис, прибыв в Никольск, первым делом отправился посмотреть, цела ли работа его ученицы. Они оба переживали из-за русских морозов и местной молодежи, боялись, что работа будет испорчена. Но, вопреки опасениям, скульптура Анды была цела и невредима. Правда, Дайнис сообщил ученице о маленькой трещине на «Ухе», но счел, что благодаря ей в стекле будут лучше преломляться лучи света.

СПОРЫ МЭТРОВ

В мастерской организатора симпозиума Александра Фокина я без труда опознаю Дайниса Гудовскиса по вельветовым брюкам, кепочке и замшевому жилету. Вокруг него толпятся слушатели, которым Дайнис увлеченно рассказывает о мастерах стекольного дела прошлых лет.

Но тут в студии появляется высокий, похожий на медведя человек в шляпе. В его руке – банка пива, на шее болтается замызганный шнурок с большим куском стекла. Это известный на весь мир мастер из Чехии Иржи Шугайек, работы которого украшают собрания крупнейших музеев и известных коллекционеров. За звездой симпозиума следует художник из Польши, ведущий педагог Вроцлавской академии искусств Казимир Павлак. Шугайек грузно падает в кресло, отхлебывает пиво и небрежно бросает в сторону Гудовскиса: «Дайнис опять много говорит!»

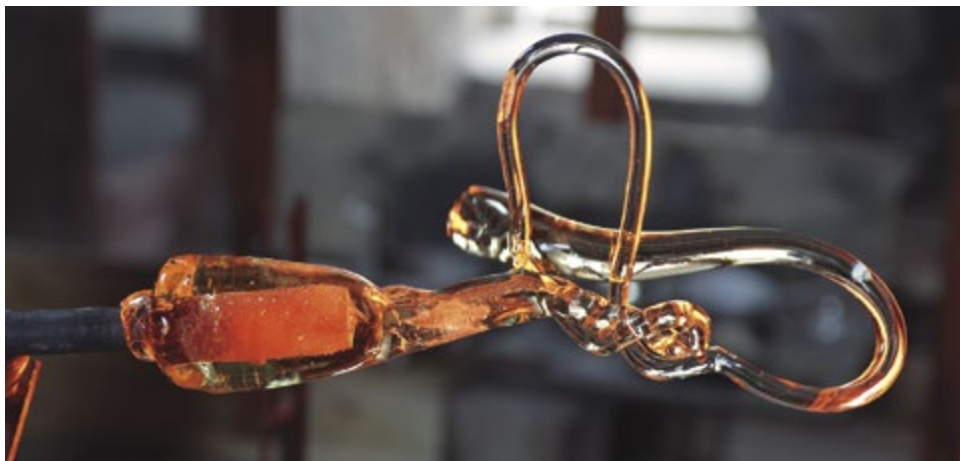
Дайнис Гудовскис и Иржи Шугайек знакомы давно. Видятся редко, но каждая их встреча заканчивается спором. Нынешняя не стала исключением. Павлак по традиции пытается их примирить.

Работа Шугайека, представленная на нынешнем симпозиуме, это трехметровая фигура казака, которую он хочет подарить Музею стекла и хрусталя Никольска. Казаки первыми освоили земли будущей Пензенской губернии. Этим и обусловлен выбор художника. Однако скульптура имеет весьма отдаленное

сходство с казаком. «Это чешский рыцарь!» – подначивает коллегу Дайнис. Но Павлак примирительно говорит, что в этом оригинальном подходе и заключается мастерство Шугайека, который за свой более чем пятидесятилетний творческий путь не устает удивлять и поражать.

На замечания Гудовскиса мэтр из Чехии не обращает внимания. Он машет шляпой так, что непонятно: то ли использует ее в качестве веера, то ли отмахивается от Дайниса. Потом наклоняется ко мне и доверительно говорит: «Они ждут момента, чтобы найти что-то, не соответствующее традиционному образу казака. Но это хорошо, я вызову скандал!»

Иржи Шугайек
импровизирует...

Мэтр нахлобучивает шляпу и уходит в цех с раскаленными печами, где для его стеклянного казака должны уже в третий раз отлить... шляпу. Все предыдущие потрескались, хотя их после печи и заворачивали в коричневую упаковочную бумагу и даже в одеяло, чтобы быстро не остыли. Как только Иржи Шугайек появляется в цехе, молодые художники бросают свои работы и устремляются за мэтром. Ведь Шугайек – один из немногих в мире художников, который сам выдувает из горячего стекла свои работы (обычно опасную и тяжелую процедуру выполняют специальные мастера-стеклодувы. – Прим. авт.). Этого не умеют ни Гудовскис, ни Павлак, ни Анда. Да и ни один из присутствующих на симпозиуме мастеров, и даже сам организатор симпозиума, заслуженный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств и хозяин студии Александр Фокин. Кстати, за два дня до окончания симпозиума он совсем выбился из сил – помогает всем, кто попросит. Вот сейчас, например, в мастерской по холодной обработке стекла он лично обтачивает пику для казака Шугайека. Присутствием своего давнего друга Иржи он очень дорожит, хотя немного устал от капризов чешского мастера. «Вот Павлак спокойный человек!» – грустно замечает Фокин.

У мастера из Польши работа уже давно готова, и он даже не прочь поговорить о процессе выдувания изделия из стекла его старым другом Иржи. В отличие от коллег Павлак свои произведения не рекламирует. Для его работы были отлиты колонны из разноцветного стекла, которые он превратил в оригинальную скульптуру. Все эти колонны и детали сделали стеклодувы по его эскизам. «Сам я никогда стекло не выдувал, в академии этому не учат, зато я мастерам говорю, что и как делать!» – объясняет Казимир. Смотреть, как его друг Иржи выдувает изделие из стекла, Павлак будет уже, наверное, в трехсотый раз...

Храм Воскресенского кафедрального собора Никольска в 1813 году возведен усердием помещика Николая Алексеевича Бахметева. С 1896 года старостой храма был шталмейстер двора Его Императорского Величества князь Александр Дмитриевич Оболенский, новый владелец Никольско-Бахметевского хрустального завода

Работы участников симпозиума по художественному стеклу остаются в музее

ГУТНАЯ РАБОТА

Стекловаренные печи для изготовления небольших изделий Александр Фокин установил не только для работы, но и для обучения этому сложному делу нового поколения мастеров. Стены цеха украшены картинками, на которых изображены сцены из жизни крепостных стеклодувов, работавших на своего барина Бахметева, основавшего здесь стекольные и хрустальные заводы еще в XVIII веке. Современные мастера явно отличаются от своих предшественников: они не носят ни колпаков, ни сапог, ни фартуков. Единственное, что их объединяет, – это трубка для выдувания стекла.

А еще на стенах цеха висят раскаты, пинцеты, щипцы, ножницы, хватки... Пинцет нужен, чтобы оттянуть расплавленный кусок стекла; щипцы – чтобы, к примеру, «пережать» горло графина; ножницы обрезающие – чтобы кусок горячего стекла отхватить. А есть ножницы фигурные...

Печь пышет жаром, в толпе, собравшейся вокруг Шугайека, люди начинают расстегивать пиджаки, снимать джемперы, кепки и шапочки. И только один

В 1764 году отставной секунд-майор Алексей Иванович Бахметев с разрешения властей основал на землях собственного поместья Никольско-Пестровка в Пензенской губернии первый в России хрустальный завод. Поскольку до середины 80-х годов XIX века предприятием управляли три поколения семьи Бахметевых, завод получил название Никольско-Бахметевского. Довольно скоро завод стал поставщиком Императорского двора и получил право изображать на своей продукции Государственный герб Российской империи.

Предприятие сильно пострадало во время Пугачевского бунта: цеха были разграблены, конторские книги сожжены, инвентарь и продукция уничтожены.

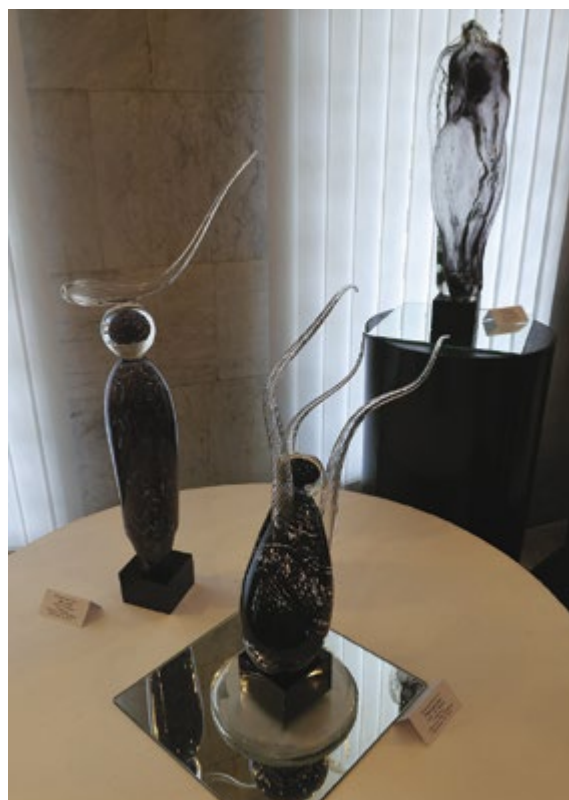
В 1789 году сын основателя завода Николай Бахметев создал музей стекла и хрусталя, в котором хранились лучшие образцы производства завода, а также предметы из коллекции семьи Бахметевых.

На первой Всероссийской выставке мануфактурных изделий в 1829 году Никольско-Бахметевскому заводу была присуждена Большая золотая медаль.

В середине 80-х годов XIX века завод по наследству перешел в собственность родственникам Бахметевых – князьям Оболенским.

В 1900 году на Всемирной Парижской выставке продукция Никольско-Бахметевского завода получила Большую золотую медаль.

С 1918 по 1924 год на заводе было введено коллегиальное управление. Предприятие стало государственным и получило имя «Красный гигант».

Собрание
Никольского
музея стекла
и хрусталя,
которое
признается
искусствоведами
как лучшая
коллекция
стекла
в России...

человек не обращает внимания на жару – сам Иржи Шугайек. Он даже свою огромную шляпу не снял! Оказывается, это его фирменный знак – выдувать стекло в шляпе. «Художник всемирно известного завода «Мозер»!.. Общепризнанный мэтр гутного стекла», – шепчут в толпе (гутной работой называют метод формирования изделий совокупностью ряда специфических ручных приемов обработки горячего стекла, которые производят непосредственно возле стекловаренной печи. – Прим. авт.).

Волшебство начинается с того, что грузный 72-летний мужчина неожиданно превращается в ловкого юношу! Предварительно разогретой трубкой Шугайек забирает порцию стекла из печи и – раз! Кусок расплавленного стекла описывает огненную дугу. Добившись, чтобы горячее стекло приняло нужную форму, мэтр кладет трубку на перила и начинает ножницами обрабатывать раскаленную субстанцию, температура которой превышает тысячу градусов! «Ни разу Иржи не обжегся, ни разу не прожог одежду! – восторженно шепчет Павлак. – Это было бы для выдувальщика позором!» Готовое изделие мэтра не устраивает. Он забирает из печи новую порцию стекла, и в воздухе вновь мелькают ножницы. А затем неожиданно он хвата-

...Теперь
пополнится
работой
всемирно
известного
мастера
Иржи Шугайека,
созданной
в самом
Никольске

ет еще одну трубку! Это важный момент! Шугайек – единственный мастер в мире, который может одновременно работать с двумя трубками (вторую трубку должен держать специальный помощник). Придавая нужную форму стеклу на одной трубке, он в то же время делает то же самое на другой. Одну деталь накладывает на другую, соединяет их в одну фигуру или узор... Толпа затаила дыхание. «Иржи –

шоумен! – шепчет Павлак. – Но важно, что после его шоу остаются хорошие работы...».

Но Шугайека все время что-то не устраивает, он снова и снова берет порции стекла из печи. Когда в печи отжиг скапливается наконец несколько изделий, Иржи отдувается, утирает пот и аккуратно ставит трубки в угол. Он оглядывается и сурово осведомляется: «Где же этот Дайнис?» Иржи ждет разочарование: Дайнис не пошел на спектакль, устроенный старым другом. Заявив, что ему нужно протереть свои работы спиртом, Гудовскис ушел искать водку. Мэтр Шугайек явно недоволен. Он вытирает лицо платком и брюзжит, что ему не пришлось бы сегодня брать за трубку, если бы стеклодувы на симпозиуме нормально выдули бы шляпу для его казака. Вот в Чехии, продолжает рассуждать мэтр, если какое-то изделие из стекла дает трещину, то его разбирают на части и тщательно исследуют на состав и на пропорции. Шугайек машет рукой и плюхается в кресло. Толпа не расходится, все ждет продолжения. Отхлебнув пива, Шугайек повеселел и стал рассказывать о том, как его учили выдувать стекло в середине прошлого века в Лондоне. «Молодым надо учиться! А где учиться этому? Только на симпозиуме, в нормальной жизни они эти вещи не могут узнать!»

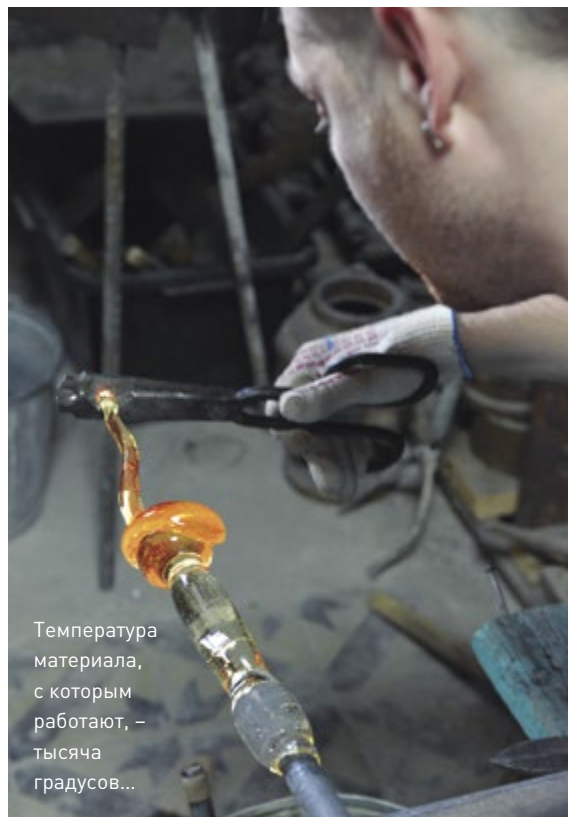
Краски всегда
недалеко
от стекловаренной
печи

Программа симпозиума в Никольске подразумевает, что гости трудятся на трех стеклозаводах. Художникам помогают местные мастера, которые по эскизам выдувают заготовки из стекла. Холодную обработку художники выполняют сами. По правилам симпозиума, одно произведение гости должны оставить в Никольском музее стекла и хрусталя. Остальные могут увезти с собой.

Работа на стекловаренной печи – дорогое удовольствие. Поэтому художники каждое лето и едут в Никольск: не только пообщаться и обсудить новости, но и поработать. Как, например, Светлана Березина из Гусь-Хрустального, Карина Щербакова из Москвы или Игорь Фролов и Юлия Денисова из Санкт-Петербурга. Молодых художников по стеклу на нынешний симпозиум приеха-

ло много. И в этом его главное отличие от всех предыдущих. Все эти художники очень благодарны Александру Фокину за симпозиум, ведь сегодня в России больше нигде такие профессиональные форумы не проводятся. Раньше они проходили в Сочи и Гусь-Хрустальном, но постоянную прописку в итоге получили в Никольске.

И жители Никольска довольны: вот, например, в прошлом году в городе установили пять красивых стеклянных скульптур. Это сделало Никольск непохожим на все другие города. Да и гостей теперь есть куда водить! А кроме того, после каждого симпозиума местный Музей стекла и хрусталя пополняется работами ведущих мастеров из Франции, Австрии, США... Какой другой провинциальный город России может этим похвастаться?

Температура
материала,
с которым
работают, –
тысяча
градусов...

Организатор симпозиумов в Никольске Александр Фокин – признанный в мире мастер гравированного портрета на стекле...

СЕКРЕТЫ МАСТЕРОВ

Вечером в маленьком ресторанчике Дайнис Гудовскис и Иржи Шугайек снова ожесточенно спорят. На сей раз Гудовскис упрекает чешского мэтра в том, что Шугайеку ничего не интересно, кроме его собственной персоны. А началось все с того, что Дайнис и Казимир, познакомившиеся на симпозиуме с сотрудниками музея «Усадьба Кусково», решили ехать из Никольска в Москву. Шугайек отказался: из Никольска он отбывает во Франкфурт, а затем у него открывается выставка в Праге. «Интересно, как, когда и где ты можешь видеть то, что делают другие художники? – кричит Дайнис. – Нет, Иржи, ты не философ!» «Да оба вы те еще философы», – примирительно гудит Казимир. Шугайек говорит, что завтра ему рано вставать, прощается и, шаркая ногами, выходит из ресторанчика.

Только теперь Дайнис наконец объясняет, почему они с Иржи все время ссорятся. Познакомились они в Гусь-Хрустальном еще в 1989 году. До того как попасть

В день закрытия VI Международного симпозиума по художественному стеклу в Никольске открыли скульптуру «Память». Работу, посвященную Великой Отечественной войне и представляющую собой хрупкую стелу, рассеченную взрывом, внутри которого голуби – олицетворение душ павших воинов и мира на земле, – выполнили российские художники по стеклу Антон Фокин и Анна Вишнякова

ло – это искусство? Ну, стакан, бутылка, ваза... Но на завод все-таки пришел. Побывал на всероссийских и всесоюзных художественных выставках, где увидел среди изделий из Гусь-Хрустального, Дятковского и Вышневолоцкого не только новые образцы посуды, но и художественные вещи, в которых авторы через форму, грань, свет пытались создать образ. Заинтересовался, окончил отделение стекла и керамики Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В.И. Мухоморова, вернулся в Никольск и десять лет проработал на стекольном заводе главным художником. Позже Александр стал хозяином собственной студии-мастерской. Со своими работами ездил на выставки в Санкт-Петербург и Москву.

Когда ему пришла в голову идея организовать симпозиум в Никольске, он сразу подумал, что лучше места и не придумаешь. После закрытия в городе старейшего в России завода по производству хрустальных и стеклянных изделий ручной работы «Красный гигант» образовалось сразу шесть самостоятельных предприятий со стекловаренными печами. На них художники, приехавшие на симпозиум, могли бы с помощью местных мастеров изготавливать свои работы. Да еще в городе есть знаменитый Музей стекла и хрусталя, в основе экспозиции которого – коллекция, собранная еще Бахметевыми.

Так и стали симпозиумы в Никольске традиционными...

В последний день симпозиума, бродя по выставке работ его участников, я вдруг поймал себя на мысли, что не вижу ни одной скульптуры, под которой стояла бы фамилия Александра Фокина. Художник, отдавший все силы организации форума, так и не нашел времени для того, чтобы закончить свою работу. Но все равно его глаза сияли от счастья. И казалось, блеска в них больше, чем во всем этом искрящемся и переливающимся стекле... ■

в лондонский Королевский колледж искусств, Шугайек учился у знаменитого чешского профессора Станислава Либенского из городка Железный Брод. Либенский был крошечного роста, зато слыл лучшим мастером в мире. «Говорил только по-чешски, закрыт был, как улитка», – усмехается Гудовский.

А Дайниса давно любопытство разбирает: какие секреты работы со стеклом передал Либенский Шугайеку? Но упрямый Иржи секретов не выдает. Дайнису это обидно. «Вот Иван Мачнев с Дятковского хрустального завода был открытым человеком!» – восклицает Дайнис и пускается в воспоминания о своем друге, гениальном, как он говорит, художнике по стеклу.

Я спрашиваю Дайниса, нравятся ли ему симпозиумы в Никольске. «Симпозиум уже тем хорош, что мы вспомнили всех мастеров стеклоделия! Да хотя бы только ради этого стоило ехать в Никольск!» – убежден Дайнис.

Придумал проводить симпозиумы в Никольске Александр Фокин. Он побывал на нескольких аналогичных форумах в Европе и понял, что и в России надо организовать нечто подобное.

Вообще-то Александр Фокин стеклом занялся, можно сказать, по воле случая. Окончив Художественное училище им. Савицкого в Пензе и прибыв заведовать художественной школой в Никольск, он получил приглашение пойти художником на стекольный завод. Удивился. Разве стек-

ВДОЛЬ ГУСЛИЦЫ, ВДОЛЬ РЕЧЕНЬКИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СВЯЩЕННИКИ КРАЙНЕ РЕДКО ВЫКАЗЫВАЮТ УДИВЛЕНИЕ НА ЛЮДЯХ. УЖ БОЛЬНО ЭТО ПО-МИРСКИ: ОТКРЫТЬ РОТ, НЕДОВЕРЧИВО КАЧАТЬ ГОЛОВОЙ, ВСПЛЕСКИВАТЬ РУКАМИ. НЕ ПО САНУ ЭТО. А ВОТ ОТЕЦ СВЯТОСЛАВ УДИВЛЕНИЯ СКРЫТЬ НЕ СМОГ. ДАЖЕ НЕ ПЫТАЛСЯ.

— ЧТО, В САМОМ деле из Москвы про наш Егорьевск приехали статью писать?

— В самом деле, — отвечаем в один голос с бессменным моим товарищем по редакционным путешествиям фотографом Александром Бурым. — А что такого?

— Вот так, без всякого повода? Не часто случается, — поясняет помощник благочинного

Троицкого собора Мариинской женской обители.

Это хорошо, что не часто. Тем больше народу, прочитав, удивится, как удивлялись на каждом шагу и мы сами, оказавшись по наитию в Егорьевске, обхватившем берега скромной речки Гуслицы на западной оконечности Мещеры. И хорошо, что без повода — свободнее себя чувствуешь. А в провинциальных старинных русских городках чувство внутренней свобо-

ды — незаменимая штука. Не будет его — тогда не будет понимания, дружбы и любви с окружающими тебя домиками, улочками-переулочками, заросшими осокой и ивняком берегами, важной Соборной площадью. И с людьми, живущими в этих домиках, проходящими по этим улочкам.

Сказанное вовсе не означает, что в городах вроде Егорьевска жизнь бесппроблемна и свободна от бытия. По сравнению с мегаполисами, скорее, наоборот — озадачивает куда больше. Но справиться с этими за-

Такие домики — по всем малым городам России-матушки. Егорьевск — не исключение

дачами дано только тем, кому наручники быта и повседневности не мешают быть свободными духом. А иначе – никак. Иначе – винный отдел или попытка сбежать. Туда, в гигантскую столицу, где в цене не воля вольная, а скорость. Где не умеют ждать, но научились успевать.

ПОД ПОКРОВОМ БОГОРОДИЦЫ

Кстати, о чувстве внутренней свободы. В поисках Казанской церкви, одной из главных достопримечательностей Егорьевска, удастся-таки запутаться в трех улицах. Приходится воспользоваться древним, как Киев, способом. Язык, он, как известно... – А что ее искать-то? – уверенно объясняет первая попавшаяся на тротуаре женщина. – Поедете по этой улице, два квартала, не больше. За правым поворотом – тюрьма. И церковь там же, рядышком. При тюрьме то есть... Оказалось, что мы, плутая, уже проезжали мимо. Но храм приняли за часовню, а тюрьма так и вовсе не показалась. На цех военного завода похожа. Выясняется, что это так называемая новая тюрьма. СИЗО-новодел! Но сохранилась где-то там – за деревьями и заборами – тюрьма старая. Точнее, окружавшие Егорьевский острог стены серого кирпича с ажурными башенками в стиле «каприз архитектора».

Самое, пожалуй, удивительное – это то, что и действующий следственный изолятор, и башенки старого острога находятся в самом центре города. А точнее – в 300 метрах по прямой от традиционного Ильича, заставшего на главной городской площади. Металлический вождь поднялся на пьедестал в 1927 году. Егорьевцы не без иронии комментируют, что это один из первых памятников революционеру номер один, а потому обличьем очень схож с оригиналом. Откорректировали образ до нужных кондиций несколько позже, когда армия скульптур двинулась по городам и весям бескрайнего Союза.

Смотровая вышка старой тюрьмы. Каприз архитектора

Внутренняя вольница настолько сильна в здешних людях, что диву даешься. Тюремный комплекс выходит на две улицы. На улице Октябрьской прямо напротив входа в СИЗО – Георгиевская гимназия. На улице Островского, практически вплоты к изолятору, – школа №7. «Безумству храбрых поем мы песню!» А вот церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, если взглянуть, – замечательная. Хотя совсем недавно отстроена заново. Перво-наперво – храм деревянный, срубленный из карельской сосны и красноярской лиственницы. Но обводами похожий вовсе не на традиционный сруб, а на образцы русской каменной церковной классики XVIII века. Когда-то на

этом месте стояли его предшественники, начиная с 1705 года. И первое, и последующие здания всегда возводили из дерева. И пусть храм несколько раз горел – как в имперское, так и в советское время, – прихожане от традиции не отказались. Приходской церковь была не всегда. В 1893 году в Егорьевске расквартировали Моршанский 139-й пехотный полк. Для города с населением едва более 10 тысяч – обуза серьезная. Пришлось пожертвовать и Казанской церковью. Она превратилась в полковую. Полковой складень моршанцев хранится в ней и сейчас. В советский период после закрытия прихода в храме открыли библиотеку, а потом переоборудовали помещения под жилье для работников находящейся рядом тюрьмы. В 80-е годы храм сгорел в последний раз. Восстановлен в 2006-м. Есть в Казанской церкви еще один храм – внутренний, входов-выходов не имеет за исключением подземного перехода, соединяющего с СИЗО. Не забыли бедолаг. Молитва, она всем в помощь. А им – особенно.

Главный вход в новую тюрьму – следственный изолятор №7. Кому вход, кому и выход

ДО «ЕГОРИЯ» И ПОСЛЕ

И Казанская церковь, и соседствующее с ней заведение с историей Егорьевска повязаны, спору нет. Но селение возникло тут по причине, не имеющей отношения ни к Казанской иконе, ни к острогу.

Первое косвенное свидетельство о том, что здесь, в 100 верстах на юго-восток от Москвы, протекает какая-то организованная жизнь, датировано XIV веком, когда княжил Иван Калита. Упоминалась некая Гуслицкая волость на берегу одноименной реки. Значительно позже Гуслицы превратились в село Ильинский Погост, и сейчас стоящее километрах в десяти западнее Егорьевска. К слову, в средневековой Руси слово «погост» означало вовсе не кладбище, а место сбора дани.

В 1462 году впервые в официальных бумагах упоминается село Высокое. Вероятно, в связи со вступлением на великокняжеский престол Ивана III, первого государя Московского. Шли ревизии и описи земель, что при появлении нового правителя дело обычное. Так бы жизнь и катилась медленно вместе с вода-

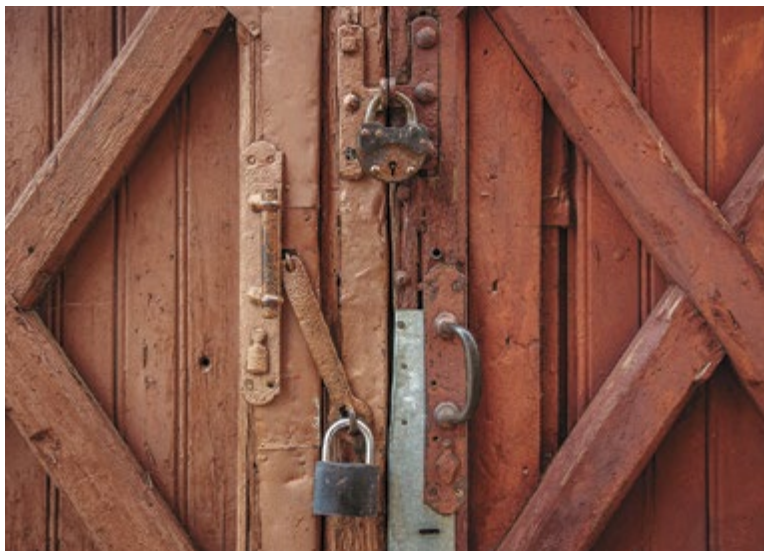
Улочки-переулки старого Егорьевска. Бывшие купеческие лабазы

ми Гуслицы, но в 1471 году царь Иван объяснил бузившим новгородцам, кто есть хозяин земли русской. А для страховки многих буйных выселил с берегов могучего Волхова на бережки куда более скромных речек да в густые леса. Кое-кто из вынужденных переселенцев попал на западную окраину Мещеры. По крайней мере, так некоторые историки и краеведы объясняют рост населения в здешних местах во второй половине XV века, а также присутствие на востоке Под-

московья признаков новгородской культуры.

Другие толкуют историю Егорьевска с позиции, «чем глубже в историю – тем краше». Говорят и пишут о том, что по факту село Высокое известно еще с 1328 года, когда помимо московского и владимирского престолов Калита занял и новгородский. Любопытное совпадение по части Новгорода Великого, верно?

Впрочем, доказать документально столь древнее происхождение

На дверях лабаза, как положено, крепкие замки

Если бы не столбы, асфальт и дорожные знаки – истинный XIX век. Вечные дома на улице Тупицына

ние Высокого никто не берет. В качестве доказательства приводится только исторический анекдот, якобы объясняющий помимо прочего и появление глагола «объегорить». В XIV веке точных границ меж княжествами не существовало, особенно в местах лесистых, болотистых, перерезанных множеством речек. В западную Мещеру приезжали за данью из Владимира, Рязани и Москвы. Уставшие от тройных податей местные ребята и придумали: владимир-

цам отвечать, что уже заплатили москвичам, москвичам – что рязанцам, рязанцам – что владимирцам. Интернета и даже телефона тогда не было, быстро проверить информацию невозможно, а скакать из княжества в княжество и выяснять истину не очень-то и хотелось. Не дружили меж собой Левию Матвеи из сопредельных княжеств, что и понятно.

Легенда красивая и вполне может быть правдой. Вот только «объегоривали» на Руси по дру-

Ничто не чуждо древним городам. Граффити в арке дома на берегу Гуслицы у бывшей бумагопрядильной фабрики

гому поводу. Глагол вырос из Юрьева, или Егорьева, дня, когда крестьяне, предварительно рассчитавшись с барами, могли менять помещиков. Коллизии при таких расчетах возникали самые разные, обе стороны пытались друг друга надуть или – объегорить. Так что глагол вошел в оборот значительно раньше, чем село Высокое стало называться Егорьевским.

ПО СТАРОМУ ОБРЯДУ

Поселение несколько раз меняло названия. После того как здесь в XVI веке построили первый храм – Святого Георгия Победоносца, – село именовали Егорий Высокий. В 1563 году Высоцкую волость указом Ивана Грозного передали Чудову монастырю, и два века места принадлежали кремлевским монахам. Так как раскол грянул спустя сто лет, в середине XVII века, то никуда не деться от вопроса, почему Егорьевск и соседние поселения справедливо считаются старообрядческими, если в годы раскола находились под рукой Чудова монастыря, в котором Епифаний Славинецкий под водительством патриарха Никона готовил реформу церкви. Нет, благочиние РПЦ здесь тоже имеется, но, например, в Егорьевске находится один из самых крупных в России старообрядческих приходов.

Можно предложить два соображения. Первое: Чудов монастырь, одна из самых богатых русских обителей, не слишком жаловал вниманием эти затерянные в лесах места. Второе: в 1652 году царь Алексей Тишайший распорядился учредить в Егории Высоком еженедельный торг и должность волостеля. Что-то вроде представителя президента на муниципальном уровне по-нынешнему. Стало быть, монастырская власть сходилась на нет, и Высокое перетекало под власть светскую. Вот и хлынули сюда, в заповедные и непростые для жизни места, толпы сторонников старой веры. Авось никониане не доберутся, не дотянутся.

Оно и сейчас на дорогах, ведущих от Егорьевска на Шатуру, Коломну и Касимов, «сломаться» или остаться с пустым баком как-то не хочется. Дело не в лихих людях, коими славилась некогда Егорьевская земля. В какой-нибудь поздний субботний вечер помощи ждать и ждать. А уж лет эдак триста назад тут было совсем немногочисленно. Да простит меня Джек Лондон – белое безмолвие. Это – зимой. А летом – тоже безмолвие. Зеленое.

Очередной сеанс удивления настигает у храма Святого Георгия на улице, само собой, Карла Маркса. Время утренней службы, а в старообрядческом храме пусто, двери все закрыты. Ну ладно бы служба закончилась несколько раньше, чем принято, но в церкву почему нельзя зайти?

Во внутреннем дворе отточенно машет метлой тщедушный, но жилистый дядька. Есть такая порода мужиков на Руси, чей возраст после лет 45–50 уже не определить. То ли до пенсии еще пахать и пахать, то ли до размена сотни три зимы осталось. Этот, с метлой, из таких. Первый вопрос встречает неласково. Поправляет на потной шее

На церковном дворе. А ведь не скажешь, что с метлой бывший пионер

Старообрядческий храм Святого Георгия Победоносца

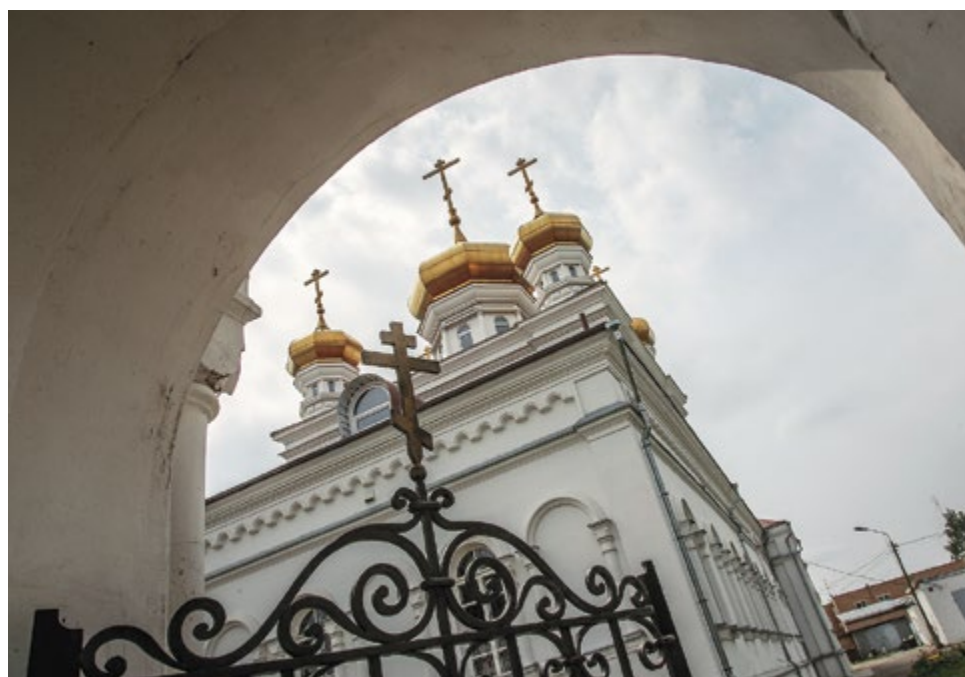
простую веревочку, на которой бьется в солнечное сплетение такой же простенький крестик:

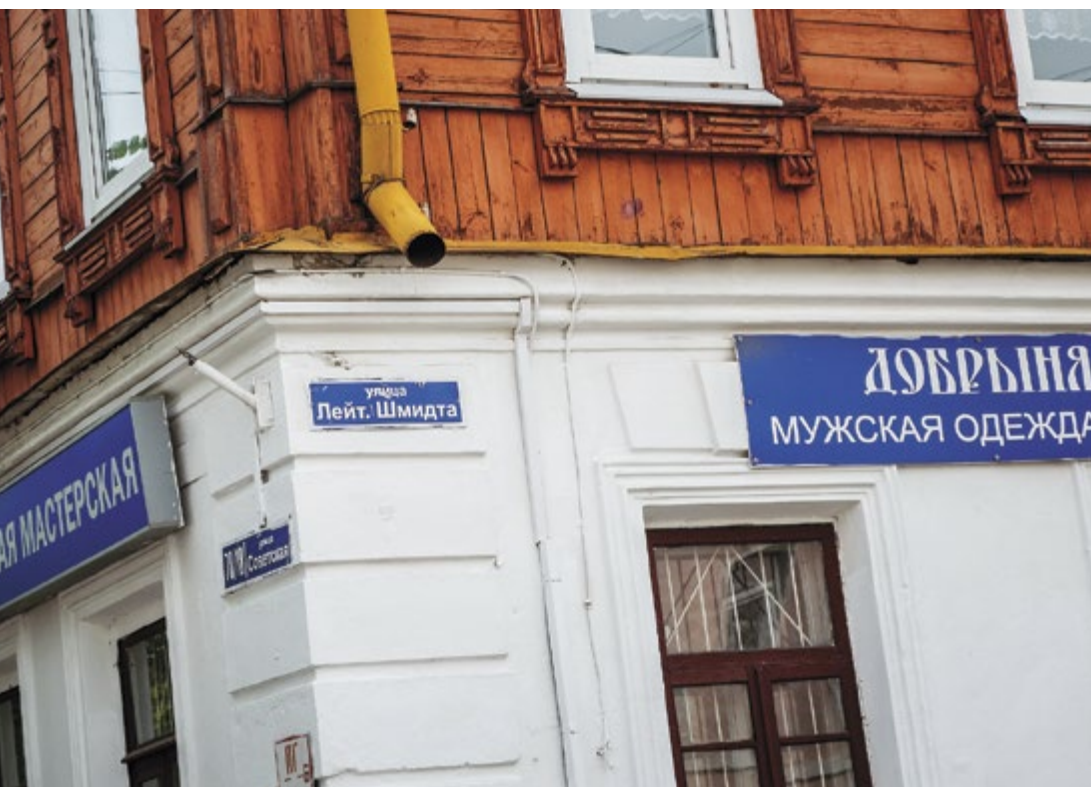
– Закрыт храм потому, что время меркантильное подошло. И люди такими же стали. Кончилась служба – и всё на замок. Ведь когда храм открыт, он расхода требует. И внимания. А по мне, так церковь всегда должна быть открыта.

– Со стороны, так храм будто невелик. А пишут, будто один из самых больших у старообрядцев...

– Верно пишут. Приход у нас более 3 тысяч человек. Места всем хватает. Когда тут в антихристовы времена городской Дворец пионеров был, тоже множество ребят помещалось.

– А вы что ж, из пионеров?

капиталы наиболее успешных его представителей. А также – удачливых.

Эту самую удачу притащил с собой из Европы Наполеон Бонапарт в 1812 году. Выглядела удача несколько странно: один в один – станки для печатания фальшивых денег. Как уж эти станки попали в Егорьевский уезд, местные краеведы не объясняют, но то, что попали, знают наверняка. Как результат – вскоре некоторые семьи, особенно из старообрядцев, сумели сколотить вполне приличные капиталы. И пустили их уже в легальное дело. Что ж, ничего нового в этой схеме нет. Все узнаваемо и в начале XXI века.

Объем фальшивых ассигнаций родом из-под Егорьевска, согласно бумагам полицейского ведомства Москвы, превышал к середине XIX века сумму в 200 тысяч рублей ежегодно. Бились с этим грехом отчаянно и без особых надежд на полную победу. Когда, уже при советской власти, за фальшивомонетничество стали давать очень серьезные сроки, перепрофилировались на билеты в Большой театр.

Деньги в лесах Мещеры добывали и другими, более примитивными способами. Например, с помощью дубины и кистеня. О Василии Чуркине и его бригаде даже роман был написан, которым зачитывались в 80-е годы XIX века. Согласно народной молве, он был благородным разбойником, отбравшим добро у богатых и помогавшим беднякам. Народ в таких случаях, как правило, приукрашивает образ бандита, так как человек вне закона – смельчак, боец, вольнолюбвец, имеющий силу и дух сделать такое, что большинству не по плечу. На самом деле Чуркин был типичным рэкетиrom, правда, талантливым. Владимир Гиляровский писал о Гуслицах, вокруг которых оседали шайки, так: «Они были расположены в смежных углах трех губерний: Московской, Владимирской и Рязанской. Здесь всегда было удобно скрываться беглым и разбойникам, шайки которых,

– Был грех. Бегал сюда в красном галстуке...

Еще человек с метлой поведаль, что, когда начинали реставрацию колокольни, приезжала комиссия из Москвы. Проверить крепость фундамента, ну, и все такое. Долбили-долбили плиты фундамента перфоратором, да так и не продолжили. Столичный архитектор сильно удивлялся.

А что было удивляться? Старообрядцы – люди закаленные, битые. Если что делают, то с запасом, с поправкой на сверхпрочность. Егорьевскому храму Святого Георгия тоже досталось. Первую старообрядческую церковь в городе закрыли еще в 1851 году. Не жаловал император Николай I всяческое разнообразие. С начала 80-х годов XIX века работал на этом самом месте моленный дом без всяких внешних признаков церковного здания. Ни куполов, ни крестов, ни символов. Только в 1904 году разрешили возвести купола и колокольню. И храм приобрел тот вид, который имел вплоть до разорения в 1936 году и имеет сейчас, после ремонта. Осталось только колокольню привести в порядок.

ГУСЛЯКИ – ЛИХИЕ ЛЮДИ

Городом Егорьевск (в первые годы – Егорьев) село Егорий Высокий стало в 1778 году по указу Екатерины II. Шла масштабная административная реформа, и городской статус был присвоен двум сотням вчерашних поселков и деревень. Что подвигло царицу включить в список и это поселение, сказать трудно. Ведь на тот момент было в новоиспеченном уездном городе 106 домов да жителей чуть более полутысячи. Дворян не водилось, население приписывало себя кто к сословию купеческому, кто к мещанскому. Те, кто купцами себя считал, тянули только на 3-ю гильдию. А это – капитал не более 5 тысяч рублей, торговля на местных базарах, в лавках, из собственности в лучшем случае – трактир.

После того как излишне резковатый в решениях император Павел I свел на нет многие новации своей матушки, Егорьевск, лишенный статуса уездного города, был, казалось, обречен. Но выручил следующий император – Александр I. Статус вернулся, а с ним – и перспективы развития. В городе стала расти торговля, а с ней население и

Единая история:
от богатыря
Добрыни
Никитича
до лейтенанта
Шмидта. Или –
наоборот

Егорьевский
Биг-Бен
показывает
московское
время

если ловят в одной губернии, – перекочевывали рядом, в соседнюю, где полиция другой губернии не имела права ловить». Чуркин был из Гуслиц, гусяком, но от Егорьевска эти места отделены считанными километрами, а в уездный город Василий навещался за деньгами регулярно. Ведь здесь уже вырос солидный бизнес, по большей части – легкая промышленность. Позже занялись добычей фосфоритов, залежами которых избалованы эти места.

НИКИФОР МИХАЙЛОВИЧ И СЫН

Материальные следы экономического бума середины XIX века видны в Егорьевске и сегодня. Вот на берегу Гуслицы – внушительные корпуса бумагопрядильной фабрики братьев Хлудовых. Фирменный знак – квадратная в срезе башня с большими часами, напоминающими лондонский Биг-Бен. Часы появились вовсе не случайно. Один из четырех братьев – Алексей Иванович – слыл ис-

Вот такие
ПТУ строили
в Егорьевске
в начале XX века.
Бывшее
Техническое
училище имени
цесаревича
Алексея, ныне
неприлично-
медицинский
диспансер

тым англоманом. И станки для фабрики, заказанные в британских мастерских, сопровождал в Егорьевск лично. Относительно недалеко от бизнес-центра, в который после недавней реконструкции превратилось хлудовское детище, сохранились здания комплекса Технического училища имени цесаревича Алексея. Если у Хлудова фантазии хватило только на Биг-Бен, то депутат III Думы Михаил Бардыгин заказал архитекторам целые замки в английском стиле. Сейчас часть комплекса на Профсоюзной улице занимает Егорьевский технологический институт, филиал МГТУ «СТАНКИН». Однако же одно здание отошло больнице и самому не любимому гражданами медицинскому диспансеру. Соседство вполне себе в духе времени и в традициях внутренней свободы. Напротив, само собой, школа. №2.

Но все это сейчас. А сто лет назад, когда Бардыгин пробивал разрешение на открытие механико-электротехнического училища с пятилетним сроком обучения, рассчитанного на 400 будущих слесарей, токарей, литейщиков, электриков, проект выглядел космическим. Таких училищ в России до Первой ми-

После утренней церковной службы на Соборной площади у храма Святого Александра Невского

ровой войны было по пальцам пересчитать. Да и в 1916 году только 45 заведений готовили младших технических специалистов. Училище после полученного от Николая II разрешения открылось в 1907 году. Отдельно стоит заметить, что Бардыгин не только полностью профинансировал строительство и оснащение учебных и жилых корпусов, но и взял на себя бремя их содержания до конца своих дней. Умер Михаил Никифорович в эмиграции в 1933 году. А бремя с него сняли в 1917-м большевики, отобрав заодно дома, предприятия, капитал в несколько миллионов рублей, егорьевский музей «Собрание русской старины» и главное – возможность спокойно жить в родном городе, для которого он так много сделал. Пожалуй, не меньше, чем сделал его отец – Никифор Михайлович Бардыгин, служивший

тут городским головой чуть менее тридцати лет.

Конечно, на рутине пиар сотворить непросто. Кто сейчас помнит, что Никифору Бардыгину город обязан первыми мостовыми, торговыми рядами на главной площади, уличным освещением, современной пожарной частью, выигранными судами по спорам о городской земельной собственности, водопроводом, скверами на месте свалок, прогимназиями. Что только за первые четыре года правления пополнение городского бюджета увеличилось в десять раз. Первая Всероссийская перепись рассказывала, что в 1897 году в Егорьевске проживало почти 20 тысяч человек. Купцов – 310, мещан – 3873, дворян – 584, духовенства – 130, рабочих и хозяев, занимающихся домашним трудом – 14 069. Вполне себе достойный социальный баланс.

Сказанное не означает, что о Никифоре Михайловиче в городе не помнят. Помнят еще как, зовут «отцом города», но помнят больше, конечно, в связи с его знаковыми поступками. Мысль поставить в городе храм в честь избавления императора Александра II от многочисленных покушений на его жизнь пришла Бардыгину в 1879 году, после очередной террористической попытки. Городская дума предложение приняла, но строительство шло не быстро. Бело-снежный храм принял первых прихожан только в 1897 году, когда на троне был уже внук Императора-Освободителя. Отличительной особенностью собора стало то, что его стены и потолки расписывали мастера из Палеха. Традиционно яркие, наполненные радостью краски и на их фоне – огромный, в золото окрашенный иконостас производил невероятное впечатление.

В советское время что-то разграбили, что-то замазали, после возвращения храма верующим в 1946 году что-то пытались восстановить – кустарно, из материалов, что были под рукой. Казалось, прежняя красота исчезла навсегда. Но... в 2010 году начались на строго научной основе работы по воссозданию росписей. И нынче собор Александра Невского обрел былое величие.

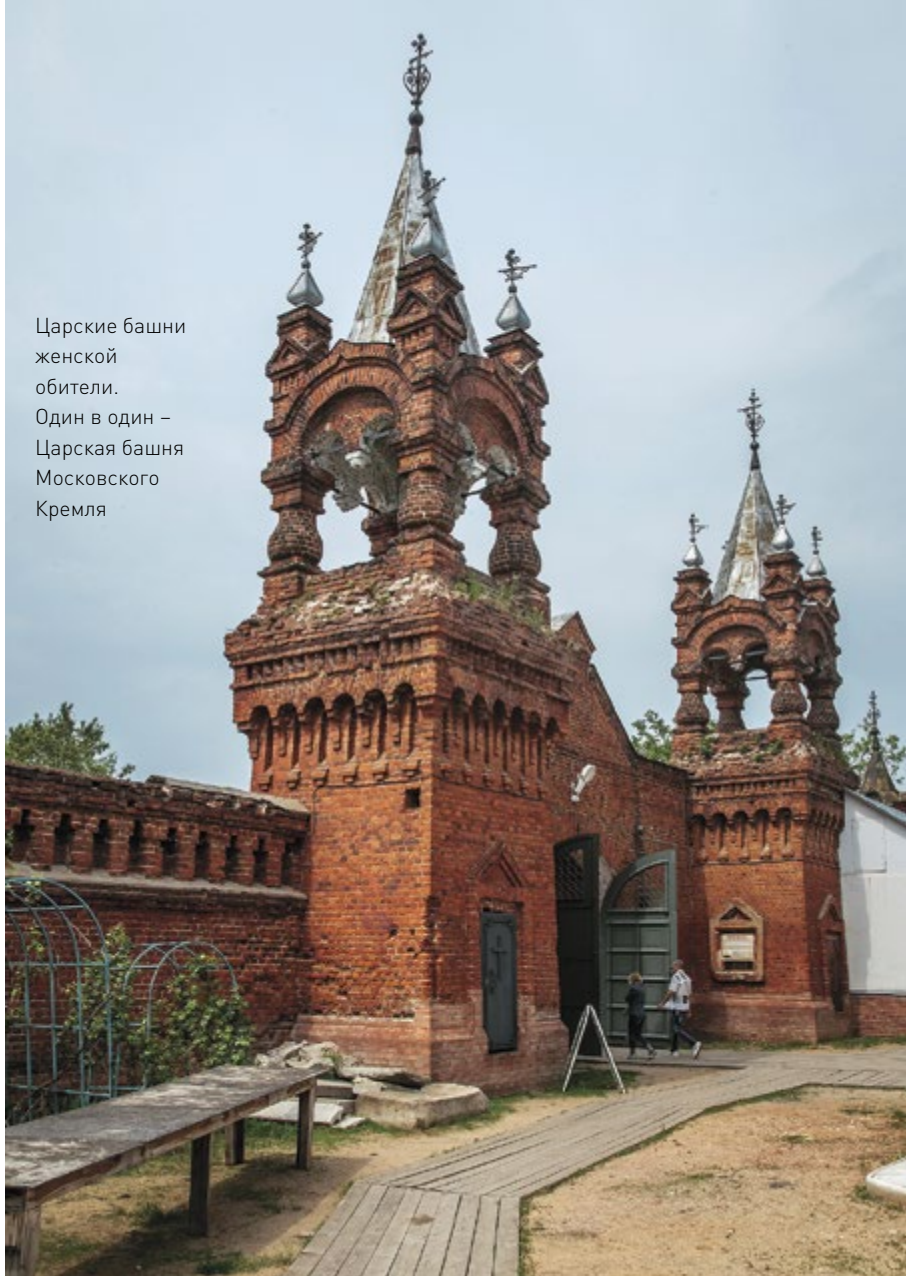
Строго говоря, и сегодня Егорьевск – город скромный. Примерно 70 тысяч жителей. Есть чем заняться в июньское воскресное утро. Уже вылезли из земли первые подосиновики, вода во множестве мещерских озер вполне себе теплая, рыба давно клюет, в дачных теплицах набрала темно-розовый цвет редиска. На Соборной площади – толпы народа. Машину запарковать негде.

А в другом конце все той же улицы Карла Маркса, на которой стоит Александро-Невский собор и которую давно бы стоило переименовать в Бардыгинскую, еще одно детище городского головы: Свято-Троицкий Мариинский монастырь.

Вдовец Никифор Бардыгин повторно женился на Марии Макарьевой, дочери содержателя питейного заведения Владимира Ивановича. Была она значительно моложе мужа и как-то в неспешной беседе решилась на признание. Если ей сужде-

В Троицком храме Мариинской обители жизнь начинается сызнова

Царские башни женской обители. Один в один – Царская башня Московского Кремля

но овдоветь, то хотела бы найти пристанище не в миру, а в обители. И отец города озабочился вопросом всерьез. В 1892 году он обратился в местную думу с просьбой о выделении некоему неизвестному лицу земли при кладбищенской церкви для учреждения и строительства там богадельни, которую впоследствии можно будет преобразовать в женскую обитель. На том и порешили.

Открытие богадельни случилось в 1898 году, ровно через год после того, как Мария Владимировна после скоропостижной болезни покинула сей мир. Человек предполагает, а Бог располагает. Несмотря на личную драму, Бардыгин дело не бросил, наоборот, взялся за него еще более энергично. Спустя год в Троицком храме, который Никифор Михайлович начал строить при кладбище задолго до разговора с женой о богадельне, было официально

объявлено об открытии новой женской монашеской общины. К этому времени храм и жилые постройки уже окружила невысокая крепостная стена красного кирпича с башенками, чем-то неуловимо напоминающая Московский Кремль в миниатюре. Хотя длина «миниатюры» – аж 600 метров.

Отец Святослав провожает нас до боковых ворот обители. Подтверждает, что часть монастырской территории еще принадлежит авиационно-техническому колледжу, расположившемуся здесь в 1947 году. Основные его помещения – бывшая богадельня и келейный корпус. Земля, понятное дело, разделена забором, за которым спиной к еще не крытым золотом куполам Троицкой церкви стоит, похоже, гипсовый летчик-герой Валерий Чкалов, учившийся в начале 20-х летнему делу в Егорьевской авиашколе. Где-то рядом – остатки старого кладби-

ща, на котором погребены солдаты Моршанского полка, дравшиеся против турок и японцев. Напротив входа в монастырь, на другом берегу транспортной развязки, – типичные производственные корпуса, сведенные эпохой в нечто целое и отвратительное. Сколотые кирпичи в стенах, застланные пылью

и кое-где треснувшие стекла окон, почерневшее от старости железо разновеликих крыш – и все это опоясано умирающей оградой. Каждому из нас такое встречалось, верно?

– Бывший знаменитый в советское время пивзавод, – уточняет батюшка. И уже без былого удивления: – Разве не слышали

Свято-Троицкий Мариинский женский монастырь. Вид с улицы Карла Маркса

о знаменитом когда-то егорьевском пиве? Сам не пробовал, не знаю, но говорят, вкусное было. Теперь уже не попробуешь. С пивом у нас вроде как закончили.

Что лучше: пивзавод напротив женской обители или напротив авиатехникума гражданской авиации? Думается, монахиням было все равно. А вот нынешние авиатехники маются.

Когда-то в Егорьевске имелся еще один памятник Ленину. После 1991 года его переместили на одну из бензоколонок на въезде в город. Три серебристо-свинцовые фигуры – вождя, солдата и матроса – стоят почти что на земле и явно что-то затевают. В народе группа получила вполне прогнозируемое прозвище – «На троих». Езжайте в Егорьевск, не пожалеете. Особенно если у вас для этого не имеется ни малейшего повода. 📍

Забор, отделяющий вчерашних мирянок от будущих авиаторов

РИММА-БЕРЕГИНЯ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ДРЕВНЕРУССКОЕ СЛОВО «БЕРЕГИНЯ» – ЗАГАДКА ДАЖЕ ДЛЯ ЛИНГВИСТОВ. ВЛАДИМИР ДАЛЬ, НАПРИМЕР, ПОСТАВИЛ БЕРЕГИНЬ В ОДИН РЯД С РУСАЛКАМИ. ДРУГИЕ УЧЕНЫЕ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ЭТОТ ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ НИКАК НЕ СВЯЗАН С «БЕРЕГОМ», А ВОСХОДИТ К СЛОВУ «ОБЕРЕГ» И СООТНОСИТСЯ С НЕКИМ МИФОЛОГИЧЕСКИМ ПЕРСОНАЖЕМ. А ВОТ НАРОДНЫЙ МАСТЕР РОССИИ РИММА ЯКОВЛЕВНА ТАРАСОВА В СВОИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРИШЛА К ИНОМУ ВЫВОДУ: БЕРЕГИНЯМИ НАШИ ПРЕДКИ НАЗЫВАЛИ ОБЯДОВЫХ КУКОЛ.

СЕЛО КОЗЛОВО СТОИТ на высоком берегу реки Росвянки на окраине современной Калуги. Представляет оно собой вроде бы печальную картину: покосившаяся автобусная остановка и старые, разваливающиеся избы, единственным украшением которых можно считать объявления «Дом продается». И даже как-то странно, что здесь ежегодно празднуется День села.

Когда-то Козлово было родовым имением адмирала Ивана Семеновича Унковского. Более двадцати лет русский мореплавец исследовал моря и океаны, совершил кругосветное плавание, был капитаном знаменитого фрегата «Паллада», увековеченного в путевых заметках Ивана Гончарова о плавании российской дипломатии в 1852–1855 годах из Кронштадта к берегам Японии. В конце жизни

адмирал вернулся домой. Начал строить в Козлове большой каменный храм – «фрегат» на берегу Росвянки. По форме храм напоминал корабль, между куполами были натянуты цепи, имитирующие очертания парусов... Упокоился адмирал в северо-западной части своего последнего «фрегата», где для него была устроена усыпальница. Храм во имя иконы Тихвинской Божией Матери выстоял во времена лихолетья, и теперь каждый год в середине июля в первое воскресенье после престольного праздника приход празднует День села. Открывает мероприятие настоятель храма отец Геннадий. Выходит на улицу к народу и зычным басом глаголет: «Открывайте капоты – будем ваши колесницы осеять!» Есть в Козлове и еще одна достопримечательность – музей кукол «Берегиня». Создала его народный мастер России Римма Яковлевна Тарасова, отдав под экспозицию почти весь первый этаж своего дома. Тысячи тряпичных созданий смотрят на входящего в музей со всех сторон. Хотя глагол «смотрят» здесь вряд ли уместен: у большинства кукол, как и положено, нет лиц. В старину кукле не рисовали лицо, люди верили, что вместе с лицом в игрушку

Несмотря на близость мегаполиса, село Козлово сохранило свой прежний вид с исторической архитектурной доминантой

вселяется дух – и не обязательно добрый. Главная часть экспозиции – около 700 обрядовых кукол или берегинь, как называют их Римма Яковлевна. Это самая большая коллекция подобных кукол в России.

– Сначала я просто собирала свою коллекцию и не планировала открывать музей, – вспоминает Римма Яковлевна. – Но в начале 90-х годов меня пригласили выступить в школе, где ученики одиннадцатого класса мне сказали, что «все русское – это отстой». Тогда-то я и решила создать музей, рассказать и показать людям русскую кукольную культуру, вообще традиционный дом, ведь помимо кукол я собираю и другие предметы старого русского быта.

Сейчас музей «Берегиня» хорошо известен в калужских школах – ученики регулярно приезжают на экскурсии к Римме Яковлевне. А вот туристическая Калуга музей не знает. Основную массу посетителей «Берегини» составляют путешественники по стране туристы. Информация распространяется с помощью сарафанного радио, да и подъехать удобно – Козлово находится в 5 километрах от Киевского шоссе.

Храм во имя иконы Тихвинской Божией Матери – последний «фрегат» и последнее пристанище адмирала Ивана Унковского

**КАК ХОББИ СТАЛО
ДЕЛОМ ЖИЗНИ**

Родом кукольница из старого Плесецка Архангельской области на реке Онеге. Родилась Римма Яковлевна в 1940 году – в те времена на Онеге еще жили хуторами и хорошо помнили народные обычаи и обряды. Римма вспоминает, как ее бабушка, отправляясь по ягоды, вставала перед лесом на колени и просила: «Батюшка-лес, помоги!» А возвращаясь с полной корзиной, кланялась «лесу-батюшке» и благодарила его...

Римма Яковлевна получила образование инженера-метролога, переехала в Академгородок под Серпуховом. За долгие годы работы в метрологии кукольница хорошо усвоила девиз основателя этой науки в России, Дмитрия Ивановича Менделеева: «Кто хочет что-то сделать, тот находит средства, а кто не хочет – причину». Так и Римма Яковлевна всегда находила средства для того, чтобы потакать своему увлечению – путешествовать: ездила в командировки по всему Советскому Союзу, организовывала экскурсии для сотрудников, была, как говорили тогда, «ответственной по культурно-массовой работе».

– Меня порой спрашивают, что такое «хобби», – рассказывает Римма Яковлевна. – Это когда ты вчера был здоров, а сегодня больной на всю оставшуюся жизнь и никто не вылечит. Так я заболела народными куклами в 1988 году, когда привезла группу в тульский Музей самоваров. Там проходила небольшая выставка традиционной куклы народного мастера Ирины Агаевой. Вернувшись домой, я сразу стала искать материал для работы. Нашла лыко – из него получилось сделать не только основу куклы, но и головной убор в виде кички с рожками.

С тех пор почти тридцать лет Римма Яковлевна изучает и сохраняет народные кукольные традиции. Она исследовала самые отдаленные уголки Калужской области. Где бы кукольница ни путешествовала, если

Ветряное колесо с ленточками во дворе дома Риммы Яковлевны – старинный оберег усадьбы

видит, что от главной дороги уходит грунтовка в забытую деревню, поворачивает туда свой автомобиль. Добраться до деревенских старожилов – дело нынче непростое. Оставшиеся в одиночестве старушки незнакомцам двери не открывают. Испытала Римма Яковлевна на себе и приступы агрессии, случалось, собак на нее спускали и даже стреляли по машине.

– Чтобы разговорить деревенскую старушку, надо еще постараться, – продолжает хозяйка музея. – Однажды я взяла с собой сестру – она в калужской школе учителем работала. Заехали мы в глухую деревню, где вместо центральной улицы почему-то проходил овраг. Подошла к бабушке, сидящей на завалинке. Начинаю издали: «Бабуль, какая у тебя кошка красивая... А картошка нынче уро-

дилась?.. Пойдем чаю выпьем, я пряников привезла...» Сестра не выдержала и ушла гулять по деревне, говорит, ерунда у тебя какая-то: кошка, картошка. А я только после чая и начинаю спрашивать о куклах. Далеко не все что-то помнят, особенно кто живет вдали от родных мест. Одна 90-летняя старушка призналась, что никаких обрядов не знает, потому как «неместная». Выяснилось, что живет она в деревне уже шестьдесят лет. Но все равно чувствует себя чужой. При этом о нашем Козлове она отзывалась так: «Ох уж эти козловские бабы, после войны в понёвах ходили». Понёва – это старинная женская юбка, в начале XX века почти полностью вытесненная сарафанами. На Калужской земле действительно сохранилось много древних обычаев, в том числе

В музее более 2500 экспонатов, около 700 из них – народные обрядовые куклы

ного из самых распространенных садовых растений. В деревнях его называют «цветок-куколка». Дело в том, что из цветка мальвы легко получается куколка в изящном платье. О таких цветочных куклах мало кто помнит, а название осталось.

КРЕСТЦЫ, УЗЛЫ, СТОЛБЦЫ

Основная экспозиция музея сгруппирована по способу изготовления кукол: крестцы, узлы, столбцы, жгуты – всего около 40 моделей. Крестец – это две связанные крест-накрест палки, служащие каркасом куклы, на который затем надевают одежду. Столбцы делали из бересты, сворачивая ее трубочкой. Жгутиковая кукла скручивается из сложенного пополам куска материи до того момента, когда появится голова-петелька. Многие куклы делались из соломы,

связанных с обрядовыми куклами. Даже если старушка уже десятки лет никаких берегинь не делала, могла на уровне мышечной памяти из подручных тряпок на глазах связать куклу. Другие подробно рассказывают, по какому поводу и как делали. Я по этой инструкции смастерю

куклу и, если старушка живет неподалеку, еду к ней сдаваться. Порой слышу отзывы типа: «Не похожа, дуже красивая, у нас таких тряпочек для кукол не было». Оказывается, удивительный кукольный архетип сокрыт в деревенском названии «мальва» – од-

лыка, льна, конопли. В местах, где был ложечный промысел, кукол мастерили из липовых ложек... Воображения нашим предкам было не занимать. «На Руси была богатейшая кукольная культура, – уверена хозяйка музея. – Деревни стоят в 2 километрах одна от другой, а куклы у них разные».

Есть немало кукол, комбинированных по способу изготовления, с применением всего имеющегося под рукой: на крестец в качестве головы надевали картошку; масленичной кукле делали воротник и рукава из настоящих блинов. Римма извиняется, что у нее блины тряпичные – помимо кукол в доме живут пять котов!

Внешне отличить берегиню от игровой куклы непросто. Чаще всего культовую куклу делали более долговечной и нарядной, использовали лучшие ткани.

Берегини сопровождали человека от рождения и до смерти. За две недели до родов маленькую куклу в виде запеленутого младенца клали в люльку, где новорожденному предстояло оказаться после появления на свет. Берегиня проводила с младенцем несколько недель, а затем убиралась до следующего новорожденного. В Калужском крае существовала и особая вида кукла – «младенец в лапте».

Какое значение придавалось тем или иным элементам берегини, Римме Яковлевне выяснить удастся нечасто. Деревенские старушки, рассказывающие о кукольных обрядах, помнят только, что так делали, смыслы же потонули в водовороте времени.

Общее назначение берегини было упреждающее: не допустить болезнь, сохранить здоровье. Люди, понятно, все равно болели, особенно дети. Римме Яковлевне рассказывали о таком способе укрепления здоровья недоношенных или слабых младенцев: ребенка заворачивали в ржаное тесто, оставляя открытым

Куклы-зернушки, наполненные зерном или крупой, ставили на обеденный стол рядом с солью

только лицо, клали на хлебную лопату и ставили в теплое устье русской печи. «Отпекание» младенца продолжалось до высыхания теста. Длительное сухое тепло дает оздоравливающий эффект. А ржаное тесто обладает способностью вытягивать через кожу всякую заразу – им, например, часто лечили нарывы. Оставшееся после процедуры тесто даже скотине не скармливали – сжигали как впитавшее в себя болезнь. Видимо, такой способ действительно был распространен, упоминания

о нем встречаются в исследованиях этнографов XIX века.

Самый маленький экспонат коллекции – крохотная куколка, сделанная из шерстяных ниточек и подвешенная на веревочке. Долгое время Римма Яковлевна не знала ее предназначения, пока в музей не пожаловала группа из пятнадцати полковников. Один из них узнал в берегиню на веревочке артефакт из своего детства. В начале 60-х в его родной деревне в Челябинской области такие куколочки надевали на шею и носили под рубахой.

Старожилы рассказывали, что в старину в доме было около сотни кукол на все случаи жизни

Кукла-масленица
в образе
мужчины
в зипуне,
бытовавшая
в одной
из деревень
Владимирской
области

«ПОКУМЬСЯ, КУМА, ПОКУМЬСЯ»

В отдельный круг собраны куклы ежегодных праздников. На Святках куклу из сорной травы кострики ставили во дворе между воротами и домом. Эта кукла в человеческий рост встречала колядовщиков. Ряженных боялись. От людей, сменивших личину, могла исходить не только добрая энергия, но и злая, взять на себя которую и надлежало берегине. Для погружения в крещенскую иордань была своя кукла – ее ставили у проруби рядом с купающимися.

Среда на Масленной неделе называлась «лакомка» – теща угощала блинами любимого зятя. Когда блины были готовы, теща выставляла в окно куклу. Если же такого условного знака нет – зятю информация к размышлению: теща чем-то недовольна, на блины не приглашает.

Кукла-масленица в виде мужчины – редкий вариант из Владимирской области. Одет он в сшитый по всем правилам костюм: в брюках сделана ластовица, у войлочного зипуна одна пола длиннее другой на 10 сантиметров, чтобы, запахнувшись, полы сошлись вровень.

В мае делали куклу плодородия. Хозяйка выходила на поле, разрывала куклу на мелкие кусочки, бросала на землю и просила хорошего урожая. На Троицу девушки кумились: «Покумься, кума, покумься», – говорили друг другу и менялись куклами. Так завязывали крепкие дружеские отношения. Если же дружба не складывалась, говорили: «Ну что, кума, раскумься» и обратно менялись куклами.

В июле мастерили куклу Ладугу – покровительницу влюбленных. Август пришел – снопомениник. После окончания жатвы последний сноп наряжали красной девицей, водили вокруг него хороводы.

Почти все куклы праздников делались в человеческий рост. В музее представлены уменьшенные варианты. На выступлениях искусствоведов о несоответствии размеров Римма

Удивительный вид у свадебной одноручицы – куклы в виде молодоженов, висят на одной горизонтальной перекладине-руке. Одноручицу подвешивали под дугу свадебного экипажа, а затем к рушнику, которым мать встречала молодых хлебом-солью. Когда рождались дети, на нерушимую единую руку между супругами привязывали маленьких берегинь для каждого ребенка.

Детскую куклу-убоженку делали в воспитательных целях. Такая жалкая, с худосочными ручками и ножками, с сухариком в пояском мешочке убоженка развивала в детях чувство сострадания к слабому, больному; куклу прижимали к груди, жалели.

Порой пополняют коллекцию оригинальными куклами сами посетители. Так, однажды капитан 1-го ранга рассказал Римме Яковлевне об игрушке своего

детства – кукле из фарфорового электроизолятора. Родители будущего капитана работали на строительстве Днепрогэса в начале 30-х, а дети делали куклы из подручного материала: брали бракованные изоляторы, надевали на них юбки, платки, рисовали лица, ныряли с ними в Днепр.

Куклу в глиняном горшке подарили музею кукольницы из города Мышкина. Это своего рода шпаргалка для малолетней девочки, которая оставалась утром за хозяйку в доме. Взрослые с зари уходили работать в поле, а девочка должна была сварить кашу для младших детей и немощных стариков. Юная хозяйка ставила куклу рядом с горшком и делала, как говорила мама: «По пояс насыплешь крупы, по шейку нальешь водицы, по головку будет каши».

Яковлевна отвечает, что ей самой тогда негде жить будет. Но в паспорте куклы записаны точные данные. Например, кукла на Духов день делается из трех молодых берез – 2 метра высотой. Единственная ростовая кукла в музее – покровительница рукоделий Параскева Пятница. Такую куклу женщины мастерили всей деревней вскладчину и ставили на месте своих посиделок.

Благодаря Параскеве Римма Яковлевна получила звание народного мастера. Изначально кукольница не планировала добиваться каких-то регалий. Все решил случай. Однажды в калужский «Дом мастеров» пожаловал Юрий Лужков. Столичного мэра впечатлила большая Параскева, сделанная Риммой Тарасовой. Нечто подобное он видел в Канаде, у представителей русской диаспоры. По просьбе бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова Римму Яковлевну направили в Центральный дом художника в столице, где кукольница представила комиссии свои работы и получила звание народного мастера России. Иногда процесс создания куклы растягивается на несколько этапов. Так, в одной деревне Римме Яковлевне рассказали, что Лада должна быть одета в особую юбку-плахту из трех не сшитых кусков ткани. Однако никто не мог объяснить, каким образом эту юбку смастерить. Так и лежала Лада неоконченная, пока в новой энциклопедии традиционно костюма кукольница не прочла подробное описание плахты. В коллекции есть экспонаты, популярные нынче на прилавках этнофестивалей, – куклы с плетеной головой, переходящей в длинную косу. Таких кукол делали совсем не на счастье, как рекламируют продавцы, а для изгнания телесных недугов. Косу плели такой длины, чтобы ею можно было обвязать больное место: голову, поясницу, колено, плечо. Верили, что на куклу переходит болезнь, и сжигали ее на рассвете, когда покажутся первые лучи солнца.

В своей мастерской Римма Яковлевна больше всего работает на гладильной доске – утюг неперенное орудие кукольницы

ПОРЯДОК В ДОМЕ И ДЕРЕВНЕ

Если куклы – берегини дома, то Римма Яковлевна – берегиня деревни. То в местном болотце рьяные охотники пытаются подстрелить последнюю утку, так что дробь свистит по деревне; то выросшие до сорокалетних мужиков одиннадцатиклассники приехали пострелять из пневматики в многострадальную автобусную остановку – кукольница выходит разбираться с хулиганами. Приходится воспитывать и местную детвору. В прошлом году мальчишки швыряли камни в старую водонапорную башню, на которой поселилась семья аистов. Римма Яковлевна погналась за хулиганами, отыскала и детей, и их родителей. Доходчиво разъяснила, что не для того орнитологи из национального парка «Угра» устроили на башне гнездо, чтобы в него кидали камни: «А если они сей-

час улетят и больше не вернуться?!» Да и организация каждого Дня села не обходится без активного участия кукольницы...

Половину второго этажа кукольного дома занимает внушительная библиотека – вдоль всех стен полки с книгами до самого потолка. Отдельное собрание – коллекция миниатюрных книжек. Обстановка в библиотеке старинная.

– С помойки принесла, – показывает Римма Яковлевна на два резных кресла, – только мягкие подушки сидений восстановила, расшила узорами... Вот ведь времена настали: люди свою историю и культуру выносят на свалку. Выкидывают целые библиотеки, старые семейные вещи, мебель, рукоделие. Мои соседи стол из красного дерева сожгли – я только две ножки с резными виноградными гроздьями спасти смогла. Другие несли в костер большую вышив-

Разные варианты берегинь для люльки новорожденного

ку вместе с рамкой – еле успела забрать. Вещизм нас все больше одолевает: купил – выбросил, купил – выбросил. У меня часто бывают французы, они этого понять не могут. Как же, говорят, можно выбросить? Это ведь француз сделал...

Я много лет читала лекции по семейной экономике в Институте усовершенствования учителей. Рассказывала всем о том, как в два раза повысить благосостояние семьи при одной и той же текущей зарплате. Этот способ описан в пьесах Александра Островского: каждый вечер хозяин берет расходную книгу и записывает все расходы. Деньги, которые не имеют счета, это черепки. Дети также должны с малолетнего возраста участвовать в планировании семейного бюджета. И домашняя работа требует особого подхода. Болгары, например, говорят: чтобы создать дом своей мечты, нужно тридцать лет каждодневного труда. В Европе хозяйка не делает авральных уборок по дому, наводит порядок понемногу, но каждый день, в свое удовольствие. Для них работа по дому – хобби, а для нас – вторая смена. В хозяйстве ничего не должно делаться на срыбе...

Теорию эту Римма Яковлевна подтверждает практикой собственной жизни. Свою цветущую усадьбу она создала на заброшенной земле, заросшей высоким осотом. Вспоминает, как была прорабом на стройке своего дома. А чтобы заработать деньги на строительство, параллельно работала прорабом на стройке чужого дома. Самосто-

Круг кукол ежегодных праздников, в которых перемешались христианские и народные традиции

тельно справляется кукольница и с обслуживанием музея. А сколько, например, требуется времени и сил, чтобы только пыль убирать с 2 с половиной тысяч кукол при отоплении дома дровяной печкой?

КУКОЛЬНЫЕ ПАСПОРТА

Мастерская Риммы Яковлевны, куда ведет крутая лестница с узкими ступенями, недоступна посетителям музея. Стол, швейная машинка, лоскуты материи, ленточки, палки, веревки, зерно... Больше всего работает кукольница на гладильной доске – делая куклу, нужно постоянно гладить утюгом материю. Берегиня-зернушка рождается в руках мастерицы за полчаса: мешочек зерна, юбка, косынка, пояс – и кукла готова. В старину такая зернушка стояла на обеденном столе рядом с солонкой. Любой член семьи мог взять ее в руки, если чувствовал недомогание или переутомление: эта кукла – нечто вроде популярной сейчас антистрессовой игрушки. Наполнение зернушки смысловое: если в доме «ладно», как говорили раньше, – хозяйка наполняла куклу гречкой; если же хотела перемен – сыпала горох.

– Все мои обрядовые куклы и связанные с ними знания – плод моих собственных выездных исследований, – признается Римма Яковлевна. – Серьезных научных работ на эту тему почти нет. Книгу о куклах я не пишу. Считаю своим вкладом в изучение народной куклы создание паспортов на каждый экспонат моей коллекции, в которых указано, кто, когда, где и что рассказывал о данной кукле. Такая информация встречается крайне редко в современных изданиях о куклах. И сами этнографы констатируют, что обрядовая кукла еще ждет своих исследователей. Только нужно поторопиться. Этот пласт нашей культуры исчезает на глазах. В Калужской области и соседних регионах уже ничего нет – за последние четыре года своих поездок по деревням я не нашла ничего. ❧

«ГОРОД РАССВЕТА»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ВОЗМОЖНО ЛИ СОЗДАТЬ ОБЩЕСТВО, В КОТОРОМ ЛЮДИ БУДУТ ТРУДИТЬСЯ НЕ РАДИ ДЕНЕГ, А ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ РЕАЛИЗОВЫВАТЬ СОБСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ НА БЛАГО СООБЩЕСТВУ, КОТОРОЕ, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, ОБЕСПЕЧИТ ВСЕМ НЕОБХОДИМЫМ КАЖДОГО СВОЕГО ЧЛЕНА? ДЛЯ ОТВЕТА НА ЭТОТ ВОПРОС В ИНДИИ ПОЧТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД ПОД ЭГИДОЙ ЮНЕСКО БЫЛ СОЗДАН «ГОРОД РАССВЕТА» – АУРОВИЛЬ. В ЭТОМ ДЛИТЕЛЬНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ УЧАСТВУЮТ И РОССИЯНЕ.

С ПЕЦИАЛЬНО ПОЕЗДУ в Ауровиль я не планировал. Но в Индии европейец-путешественник себе не принадлежит. Он находится во власти индийцев-кассиров, которые, например, могут неожиданно объявить, что билетов на поезд нет. Даже расписание движения поездов раздобыть практически невозможно. В общем, застрял я на железнодорожном вокзале города Ченная на два дня и ре-

шил потратить это время на знакомство с «городом рассвета». Позвонил девушке Екатерине – жительнице Ауровиля, ответственной за Русский гостевой дом. Катя долго объясняла, как ее найти в поселении. Я все подробно записал в блокнот. Сто километров от Ченная до Ауровиля на автобусе – это очень долго. Пробки – не хуже, чем в Москве. Так что пришлось трястись в старом рыдване до вечера. А в Южной Индии ве-

чер – это почти непроглядная темнота. Автобус остановился в каком-то слабоосвещенном городишке. Кондуктор крикнул: «Ауровиль!» Десять лет назад я уже был в этих краях и хорошо помнил, что поворот на Ауровиль с трассы Ченнай – Пондичерри находился в безлюдной пустынной местности. Кондуктора мои воспоминания ничуть не интересовали, он просил поторапливаться и «не говорить глупостей про пустыню». Пришлось выйти. Кругом – ни души. Появилась мысль позвонить Кате. Но что я ей скажу? Меня высадили неизвестно где... Я в растерянности топтался на месте, но тут на дороге затормозил еще один автобус, из которого вывалились два рослых африканца с какими-то огромными узлами тряпья. Они горячо спорили на английском, в какую сторону надо держать путь на Ауровиль. Я подключился к разговору. Выяснилось, что поворот на Ауровиль действительно находится где-то здесь, но узнать его в темноте парни

не могут. Пришлось беспокоить обитателей ближайшего дома. Добродушный индеец указал нам на ближайший переулок. Довольно скоро мы покинули городишко и начали подниматься в гору. «Город рассвета» расположен на плато, в 5 километрах от трассы. Я обогнал африканцев, которые шли не спеша, рассуждая о том, что вот-вот проедет кто-нибудь из запоздавших ауровильцев и подвезет их. И правда: не прошло и десяти минут, как на дороге появился мотоциклист. Протарахтев мимо моих попутчиков, он остановился возле меня. Индеец средних лет, родившийся и живущий в Ауровиле, любезно согласился доставить меня в Русский гостевой дом. Оказалось, что ночью в Ауровиле так же темно, как и в окружающем лесу. С индийцем мы кружили по земляным дорогам, подпрыгивали на кочках и никак не могли найти обозначенные в моем блокноте ориентиры. Наконец Катя, с которой я снова созвонился, направила нас в «Солар китчен» («Солнечная кухня» – общественная кухня-столовая, на ее крыше установлена огромная зеркальная «тарелка», которая дает возможность готовить пищу на солнечной энергии. – Прим. авт.). Через несколько минут к «Солнечной кухне» подкатила и Катя со своим другом Федором. Кое-как на их мотоцикле уместился и я. Едва добравшись до постели, я уснул как убитый.

ФОТО АВТОРА

Улицы в Ауровиле часто похожи на дороги в лесу

АУРОВИЛЬСКАЯ ГАЛАКТИКА

На рассвете меня разбудил сладкий аромат тропических цветов и пение птиц. Около восьми утра к дому подкатил электро-скутер. Катя в тот день должна была работать в офисе и попросила свою маму показать мне Ауровиль. «Меня зовут Анна», – представилась стройная женщина. Со своим «экопони» Анна управлялась ловко, хотя на крутых поворотах скутер кряхтел и, казалось, вот-вот завалится. Как выяснилось, Анна живет в Ауровиле, где насчитывается около 50 граждан России, уже пятнадцать лет. Общин по национальному признаку в «городе рассвета» не существует. Вот и русские живут в разных частях города, время от времени общаясь друг с другом. В лучах уже начинавшего набирать силу солнца город напомнил какой-то космический пейзаж. Земля красная, глубокие ка-

ньоны и овраги – на таком фоне деревья, выращенные поселенцами, превратившимися выжженную пустыню в вечноцветущий сад, выглядят сказочно. «Но от беспощадных лучей солнца этот сад все равно не спасает», – думал я, трясаясь на скутере и проклиная 40-градусную жару. Теперь понятно, почему многие ауровильцы предпочитают жить у моря – именно они образовали поселок на том когда-то пустынном повороте трассы Ченнай – Пондичерри.

«Город рассвета» спланирован в виде нашей галактики – Млечного Пути. От центра спиралью раскручиваются улицы – жилые и гостевые дома, общественные магазины, столовые, школы, мастерские. Некоторые дома имеют весьма оригинальную архитектуру. Строения скрываются за деревьями и высокими кустами – ощущение такое, что находишься не в городе, а в лесу. Большинство дорог земляные.

Центр Ауровильской галактики – не черная дыра, а Матримандир – 30-метровое шарообразное строение, покрытое множеством золотых дисков. «Матри Мандир» в переводе с санскрита означает «Храм Матери». Основательница Ауровиля француженка Мирра Альфасса последние 53 года своей жизни провела в Индии, была сподвижницей известного йога и философа Шри Ауробиндо из Пондичерри. Еще при жизни Мирра почиталась как великий духовный учитель, за что и получила свое второе имя – «Мать». Матримандир – не храм. Но каждое утро ауровильцы собираются в этом шаре для совместных медитаций. Для гостей города отведены определенные часы посещения. Мы с Анной подъехали как раз в нужное время, взяли на входе бесплатный пропуск и направились к основанию золотого шара.

В Матримандире царит тишина, разговаривать тут запрещено. Пространство под куполом выложено красной плиткой. Здесь посетители оставляют свою обувь и надевают белые носки.

Оригинальный ауровильский дом, питающийся электричеством от солнечных батарей и энергии ветра

Затем по спиралевидной дорожке, вьющейся внутри шара, поднимаемся наверх. С четырех сторон по золотым лентам стекает вода, а в центре шара, словно опора, висит тонкий луч света. Поднимаемся под самый купол и входим в зал медитаций. Внутри все белое: пол, стены, 12 высоких колонн, уходящих вверх в некую тень бесконечности. Сразу чувствуется, что зал создан не для йогов: работает кондиционер, на полу мягкий шерстяной ковер, вокруг масса подушек – в общем, созданы все условия для комфортной медитации.

Зал освещается только одним солнечным лучом, который через систему зеркал проникает в помещение, рассеивается, проходя через большой хрустальный шар в центре, и уходит вниз до самой земли. Этот шар отливали в Германии по уникальной технологии, охлаждать его пришлось пять недель, чтобы от перепада температур кристалл не раскололся. По задумке Мирры Альфассы шар должен был висеть в воздухе, держась на каких-то электромагнитных полях. Но, видимо, современной технике такие эффекты еще не под силу: пока шар стоит на подставке.

Вокруг Матримандира сооружено 12 небольших помещений – тоже для медитации. Тот, кому не хватило двадцати минут наверху, может продолжить практику здесь. Все помещения построены в форме секторов, каждый окрашен в свой цвет и имеет название: Искренность, Смирение, Благодарность, Настойчивость, Доброта...

Ну а под открытым небом самое главное место для медитации в Индии – могучий баньян. Под таким же священным Деревом Бодхи и достиг просветления Будда. Ветви такого гигантского фикуса растут параллельно земле, с них свешиваются воздушные корни, которые в процессе роста утолщаются и превращаются в стволы. Вот и баньян в Ауровиле разросся неимоверно: диаметр его кроны – не менее половины гектара. Получилась целая роща из одного дерева!

ФОТО АВТОРА

Матримандир был спланирован Миррой Альфассой и строился в течение сорока лет

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Рядом с Матримандиром сооружен так называемый амфитеатр – круглое сооружение из красного камня, в котором ауровильцы проводят особо значимые праздники и встречи. В центре амфитеатра возвышается большая чаша с землей. В 1968 году на открытии Ауровиля представители разных стран наполнили чашу горстками родной земли. Оказалась там и русская земля – некая престарелая эмигрантка из России положила в чашу землю из своей ладанки. Первый русский появился в окружении Мирры Альфассы за десять лет до создания Ауровиля. Это был Дмитрий Сергеевич фон Мореншильдт – эмигрант, известный в США профессор русской истории и сравнительной литературы. В 1976 году он переехал в Пондичерри – жил при ашраме Шри Ауробиндо. Первых приез-

жих из бывшего Советского Союза Дмитрий Сергеевич встречал радушно, поддерживал как мог, однако поражался низкому культурному уровню соотечественников. В итоге фон Мореншильдт не только выделил средства на строительство Русского гостевого дома, но и предложил возвести в Ауровиле Русский павильон, в котором находилась бы библиотека русской литературы. В 2002 году Дмитрий Сергеевич, которому к тому моменту исполнилось уже сто лет, принял участие в закладке первого камня в основание будущего павильона «Россия». Кстати, он завещал немалые деньги на этот проект. Однако до сих пор дело так и не сдвинулось с мертвой точки...

Прежде чем стать жителем Ауровиля, любой кандидат должен пройти трехмесячный испытательный срок, во время которого он ищет себе друзей по инте-

Одно из творений общины Калабуми – сообщества поселенцев творческих профессий: художников, музыкантов, актеров

ФОТО АВТОРА

Добытые при строительстве валуны ауровильцы сложили в некий сад камней

ФОТО АВТОРА

ресам и работу по душе. После этого кандидат переводится в разряд «нюкамеров» (от англ. newcomer – «новичок»), целый год он должен жить и работать в городе, после чего специальная комиссия выносит окончательное решение о приеме нового члена. Все эти двенадцать месяцев «нюкамер» живет на свои средства, платит за жилье, питание, работает как волонтер. А став членом Ауровиля, обязуется построить себе дом или принять участие в строительстве многоквартирного дома. При этом частной собственности в городе нет. Если ауровилец решает покинуть общину – а такое случается нередко, – то получает 80 процентов от стоимости жилья в том случае, если с момента строительства прошло менее двух лет. Если же двухлетний срок миновал, то покидающий Ауровиль не получает никакой компенсации. В целом город развивается не слишком быстро. Сейчас здесь живет около 2300 человек, чуть менее половины из них – индийцы, остальные – представители 45 стран. Изначально планировалось, что в городе будет проживать 50 тысяч жителей. Каждый ауровилец обязательно должен работать четыре-пять часов в день. Можно трудиться в студиях – художественных, керамических, стекольных, дизайнерских. Можно работать учителем в школе или вести курсы для детей и взрослых. Есть работа в различных магазинах, кафе и столовых. Можно работать и в поле: на периферии «Млечного Пути» расположены фермерские

хозяйства, где выращивают экологически чистую продукцию. Я загорелся идеей посетить кого-нибудь из ауровильских фермеров, но Анна объяснила, что это невозможно. «Нужно договариваться заранее, – сказала она. – Это к русским можно нагряться неожиданно-негаданно. А европейцы и американцы свое время очень ценят, на каждый день планируют определенную работу. А среди фермеров русских нет». Пришлось расспрашивать саму Анну о ее житье-бытье. Выяснилось, что она ведет керамическую студию, работает и с взрослыми, и с детьми. Школьная студия Анны – это небольшая комнатка, уставленная множеством глиняных фигурок. В основном здесь изобилует русская тематика: нарядные дамы и франтоватые господа XIX века, самовары, балалайки. Зарплаты в поселении небольшие. Анна, к примеру, зарабатывает около 200 долларов в месяц. Четверть суммы сразу вычитается за пользование продуктовым магазином. Кроме того, необходимо платить за жилье, электричество, делать обязательные

Дмитрий Сергеевич фон Мореншильдт в последние годы жизни в Пондичерри

взносы на строительство дорог и т.п. В итоге свободных денег остается совсем мало.

В школах Ауровиля учатся дети поселенцев, а также индийцев из расположенных по соседству деревень. Язык обучения – английский. В младших классах дети внимают учителю, сидя на каменном полу на подушках. Здесь же, на полу, они устраиваются для послеобеденного сна... В одной из ауровильских школ в качестве дополнительного предмета изучают русский язык. В этом есть насущная необходимость. Далеко не все дети русских поселенцев хорошо говорят на родном языке – особенно те, кто уже родился в Ауровиле или переехал сюда в раннем детстве. Работает в этом направлении и Российский центр науки и культуры в Ченнае. Сотрудники центра регулярно приезжают в город, проводят занятия по русскому языку, распространяют учебники и методические материалы.

«ЭКСПЕРИМЕНТ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ»

Мы поставили скутер в многоместный гараж возле дома, в котором живет Анна. Не забыли подключить его к розетке для зарядки аккумулятора. Рядом заряжались другие «электролошадки» – мотоциклы, скутеры, велосипеды с электродвигателями и даже двухместный электромобильчик.

В белоснежной квартире Анны царил творческий беспорядок: полки уставлены керамическими изделиями, на стенах – рисунки и картины. На дверце холодильника магнитами со слонами и видами Крыма прижат листок бумаги с философскими изречениями: «Будьте безупречны в своих словах», «Не делайте предположений»... Я и не делал никаких предположений – и так ясно было, что пора позаботиться об обеде.

Все жильцы многоквартирного дома стараются вести совместное хозяйство. По крайней мере, здесь общая кухня и столовая. Жильцы ежедневно собираются на общую дневную трапезу.

ФОТО АВТОРА

Обычный класс ауровильской школы. Обучение происходит на английском языке, но в индийских традициях – сидя на полу

Очередь готовить обед в тот день выпала Анне. Точнее, ее задача заключалась в обеспечении продуктами общей кухни, готовят на которой индианки. Анна выяснила сегодняшнее меню, и мы отправились в магазин. Продукты на прилавках были в изобилии: множество всяких соевых, приправ, джемов, варений, печений – все это дело рук самих поселенцев. А вот что касается овощей и фруктов, то меньше половины из них выращено на ауровильских фермах – местную продукцию легко отличить по желтому лейблу города. Пока поселенцы не могут полностью обеспечить себя продуктами самостоятельно. Да и не всем они по карману. В среднем ауровильские овощи и фрукты стоят на 30 процентов больше привозных. Только местные мандарины оказались чуть дешевле.

Кстати, выяснить цены было непросто. Никаких ценников нет. Магазин иногда называют «безденежным» или даже «бесплатным». Но это, конечно, условно. Анна деньги кассиру не платит, но сумма за продукты списывается с ее счета, с тех самых вычтенных из заработка 50 долларов. Если ее счет уйдет в минус, то весь перерасход будет вычтен со следующей зарплатой.

Поселенцы хоть и говорят постоянно о социальной и любой иной справедливости, но бросается в

глаза, что всю тяжелую физическую работу в Ауровиле выполняют индийцы. Они пилят деревья, таскают бревна, работают грузчиками, строят дороги, копают землю. Индианки готовят на кухне и занимаются уборкой.

Еще у меня создалось впечатление, что, например, Анна мало с кем может общаться. В ее доме никого из русских нет, на английском языке она говорит неважно, что мешает и обучению детей в школе, которые ее по большей части не понимают. Чаше обучение происходит по принципу «делай как я». Получается, что общение в основном невербальное или какое-то медитативное – по утрам в Матримандире.

...Остаток дня я провел у Русского гостевого дома, в одиночку исследуя местную флору и фауну. Анна жаловалась, что местные термиты доставляют ауровильцам немало проблем, и рассказывала, сколько внимания требует поддержание гостевого дома. Если не следить за ним ежедневно, то термиты могут в считанные дни превратить деревянные поверхности

ФОТО АВТОРА

Во дворах многоквартирных домов Ауровила много скульптурных композиций в стиле модерн

в труху. А еще Анна показала мне прекрасные раскидистые деревья кешью, которые посадил старожил Ауровила, биолог Борис Вержуцкий. Я давно слышал о необыкновенном земляничном вкусе мякоти плода кешью. Решил попробовать. На вкус – нечто странное, больше всего напоминающее моченое яблоко, пропитанное сладким сиропом. Затем взялся за орехи кешью. Оказалось, что под скорлупой орех скрывается в оболочке с каким-то соком. Очень быстро выяснилось, что это не сок, а кислота – через несколько минут пальцы и губы были сильно обожжены. Коварные они все-таки – эти тропики. Кешью я запомнил надолго: ожоги на губах беспокоили еще дней десять. И если забыть об этом «сюрпризе», то надо признать, что в остальное время, проведенное в Ауровиле, оставило самые приятные воспоминания. Теплая атмосфера доброжелательности, исключительно уважительное общение между людьми, вдумчивое и неторопливое отношение к жизни, никакой мании потребления...

Хотя, конечно, все здесь еще слишком далеко от идеала. Проблем много: и материальных, и социальных, и управленческих, и экологических. Многие, прожив в Ауровиле несколько лет, не выдерживают и возвращаются на родину. Но большинство поселенцев в уныние не впадают и любят повторять две фразы: «Что такое пятьдесят лет? Эксперимент только начинается». ■

Уголок с картинами старого русского быта в мастерской Анны

ФОТО АВТОРА